

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

На правах рукописи

04201268220

ШЕЛАЛЕ РАМАЗАНОВА

**КОНЦЕПТ «КРЫМСКАЯ ВОЙНА»
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **В.М. Шаклеин**

Москва

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Теоретические проблемы лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к языку и сознанию	11
§1. Проблема исследования языкового и когнитивного сознания в лингвокогнитологии и лингвокультурологии.....	11
§2. Концепт как экспонент языкового сознания.....	26
§3. Языковая личность как носитель языкового сознания.....	33
§4. Характеристика русского языкового сознания эпохи Крымской войны.....	40
§5. Концепт «война» в лингвистических и когнитивных исследованиях.....	44
§6. Основные когнитивные составляющие концепта «Крымская война».....	48
§7. Методика семантико-когнитивного анализа концепта «Крымская война».....	54
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	63
ГЛАВА II. Моделирование концепта «Крымская война» как фрагмента русского языкового сознания второй половины XIX в.	66
§1. Образный компонент концепта «Крымская война».....	66
§2. Понятийный компонент концепта «Крымская война».....	94
2.1. Общие когнитивные признаки.....	94
2.2. Понятийные зоны компонент–концептов.....	96
§3. Интерпретационное поле концепта «Крымская война».....	137
3.1. Общие когнитивные признаки.....	137
3.2. Интерпретационные зоны компонент–концептов.....	140
§4. Категориальная структура концепта «Крымская война».....	164

§5. Полевая организация когнитивных признаков концепта «Крымская война».....	174
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	178
Заключение.....	180
Список использованной литературы.....	184
Список использованных источников.....	208
Список использованных словарей.....	216

Введение

Диссертационное исследование посвящено комплексному изучению языковой объективации концепта «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века в рамках семантико-когнитивного подхода к языку, предполагающего исследование соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными. «Главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникать в концептосферу людей, можно выяснять, что было важным для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения...» [Попова, Стернин 2007:13].

Актуальность работы обусловлена важностью исследования форм экспликации информации о Крымской войне в языке как элементе целостного этнического самосознания русских; потребностью изучения русского общественного сознания второй половины XIX в. и его языковой фиксации; необходимостью исследования русской языковой личности эпохи Крымской войны; необходимостью разработки методики исследования содержания и структуры композитивного концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания писателей, поэтов, общественных и государственных деятелей второй половины XIX в.

Лингвокультурный концепт «Крымская война», фиксируемый планом содержания языкового знака, является релевантным ценностно-значимым для русского языкового сознания второй половины XIX в., имеет объемную когнитивную структуру и широкую лексическую объективацию.

Лингвокультурный концепт «Крымская война», закрепленный русской языковой картиной мира второй половины XIX в., является неотъемлемым компонентом исторического прошлого Российской империи. Данный концепт имеет в русском языке определенную специфику вербализации, обусловленную субъективностью интерпретации исторических событий,

связанных с Крымской войной и ее последствиями.

Объектом данного исследования является лингвокультурологический концепт «Крымская война».

Предметом исследования являются способы ментальной репрезентации знаний, языковая объективация лингвокультурологического концепта «Крымская война» как экспонента языкового сознания государственных и общественных деятелей второй половины XIX в.

Целью настоящей работы является разработка лингвокультурологической методики описания композитивного концепта «Крымская война», семантическое пространство которого включает когнитивные признаки, дающие общую характеристику историческому событию и компонент–концепты, актуализирующие его определенные аспекты.

Цель исследования предполагает реализацию следующих **задач**:

1. Разработать методику описания лингвокультурологического концепта «Крымская война» как совокупности компонент–концептов, имеющих многокомпонентную структуру.

2. Выявить языковые средства объективации концепта «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX в.

3. Определить содержание русского концепта «Крымская война» в сознании рядовых писателей, поэтов, общественных и государственных деятелей второй половины XIX в.

4. Смоделировать концепт «Крымская война» как фрагмент русской языковой картины мира второй половины XIX в. Выявить образный, информативно-понятийный компоненты и интерпретационное поле концепта «Крымская война» в языковом сознании писателей, поэтов, общественных и государственных деятелей второй половины XIX в.

Цель диссертации определила выбор **методов и приемов исследования** языкового материала. Основным избран метод лингвокультурологического анализа, предполагающий выявление лингвокультурологических концептов,

компонент–концептов, номинативных полей и когнитивных признаков через анализ языковых средств их объективации. Используется также метод описания, компонентного анализа, сопоставительный метод, методика полевого описания языкового материала, приемы количественной обработки языковых данных и сплошной текстовой выборки языкового материала.

Языковой материал исследования – лексические единицы, полученные в результате сплошной выборки из художественных текстов, писем, воспоминаний, официальных документов, записок и заметок современников Крымской войны.

Объем картотеки составил более 4000 лексем, свободных и устойчивых словосочетаний, репрезентирующих лингвокультурологический концепт «Крымская война» в языковом сознании носителей русского языка второй половины XIX в.

Методологической основой работы послужили:

– концепции сознания, изложенные в работах В.М. Бехтерева, Я. Рейковского, С.Л. Рубинштейна, Ю.А. Сорокина, Л.Д. Столяренко, Е.В. Улыбиной и др.;

– теории языкового сознания И.С. Антоновой, Е.А. Балашовой, А.П. Боргояковой, Н.В. Бугорской, А. Вежбицкой, П.Я. Гальперина, И.Н. Горелова, В. Гумбольдта, С.В. Дмитрюк, Г.В. Ейгера, Т.С. Есеновой, Ж.Б. Жалсановой, М.Р. Желтухиной, Т.Л. Калентьевой, А.К. Калжановой, Е.С. Кубряковой, И.А. Кудряшовой, В.И. Куракова, М.В. Лапшинова, Л.Б. Можейкиной, И. Молчанова, З.Д. Поповой, А.А. Потемни, Ж.Н. Сарангаева, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, Е.Г. Стешиной, В.А. Сухарева, Е.Ф. Тарасова, А.В. Тарасовой, В.Н. Телии, И.В. Тубаловой, Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушакова, Цзинь Тао, Т.В. Чернышовой, А.Д. Шмелева, П.Н. Яшина и др.;

– теории лингвокультурологического описания лексики Г.М. Алимжановой, Л.Г. Ведениной, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, И.С. Потаповой, Г.Г. Слышкина, В.М. Шаклеина, Ю.С. Степанова и др.;

– концепции языковой личности Ю.Д. Апресяна, А.Е. Ашковой, Н.В. Багрянской, Г.И. Берестнева, Г.Н. Беспмятной, Г.В. Битенской, Г.И. Богина, Н.М. Вахтель, В.В. Виноградова, Т.Г. Винокура, И.В. Водяниковой, С.Г. Воркачева, О.В. Высочиной, В.Г. Гака, Т.Н. Голициной, В.Е. Гольдина, А.В. Горбуновой, Е.И. Грищук, О.М. Дедовой, М.К. Дементьевой, В.Д. Еремеевой, А.А. Залевской, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулова, М.В. Китайгородской, Н.Е. Косиновой, Т.В. Кочетковой, О.Н. Кошелевой, Л.Е. Кругликовой, Л.П. Крысина, О.А. Леонтович, В.А. Масловой, С.В. Меликян, Л.А. Миловановой, И.Р. Одишелашвили, Т.И. Полюковой, Ю.А. Прохорова, Т.И. Распоповой, Н.Н. Розановой, Г.Я. Селезнева, Р.В. Серебряковой, О.Б. Сиротининой, И.А. Стернина, Н.А. Тураниной, А.М. Холода, Е.Б. Чернышовой, В.И. Шаховского и др.

Научная новизна работы. Впервые описана структура лингвокультурологического концепта «Крымская война» как экспонента языкового сознания российской общественности второй половины XIX в. Выявлены и рассмотрены когнитивные признаки, которые отражают различные аспекты языковой репрезентации исторических событий, связанных с войной и актуализирующиеся в языковом сознании носителя языка в зависимости от его коммуникативных потребностей. Апробирована методика описания концепта. Когнитивные признаки выявляются лингвокогнитивными и лингвокультурологическими методами анализа художественного и эпистолярного наследия очевидцев и участников военных действий, статей, записок, дневниковых записей дипломатов, политиков, общественных деятелей тех лет, как опубликованных, так и рукописных, хранящихся в архивных фондах.

Теоретическая значимость работы. Представленный в диссертации анализ языкового материала позволяет подойти к решению проблемы репрезентации и обработки знания в языковом сознании определенной исторической эпохи.

Диссертационное исследование вносит вклад в разработку методики анализа компонент–концептов и лингвокультурологических концептов, предлагает теоретическое решение проблемы описания лингвокультурологического концепта, эксплицирующего языковое сознание отдельного народа в определенный временной период.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационной работы могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по общему языкознанию, лексикологии и когнитивной лингвистике, в научно–исследовательской работе студентов, при составлении словарей и учебных пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокультурологический концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX в. имеет ярко выраженную культурную доминанту и отражает уровень постижения исторического события российской общественностью.

2. Эффективным методом лингвокультурологического описания лексики, репрезентирующей концепт, является анализ текстовой выборки с последующей лингвокультурологической интерпретацией языкового материала.

3. Лингвокультурологический концепт «Крымская война» является сложным полевым образованием, которое представлено языковыми реалиями, связанными с военными действиями, Крымом и Севастополем, православием, заключением мира, правящими кругами Российской империи и ее политикой, Российской империей, лечением больных и раненых, информацией о ходе Крымской войны, Османской империей, военными действиями союзников. Определить структуру этого концепта возможно лишь на базе описания взаимоотношения образующих его компонент–концептов: «вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь».

4. Лингвокультурологический концепт «Крымская война» представляет собой единое полевое образование, отражающее представления о войне языковыми личностями, сочувствующими различным политическим партиям и направлениям либо находящимися вне их, но объективируемое одними и теми же языковыми средствами, что обеспечивает стабильность и устойчивость данного лингвокультурологического концепта в языковом сознании народа.

5. Структура лингвокультурологического концепта «Крымская война» интегрирует когнитивные признаки, которые актуализируются в различном наборе и объеме в компонент–концептах, образующих изучаемый лингвокультурологический концепт в разных коммуникативных ситуациях осмысления и обсуждения исторического события.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические и практические положения диссертации Ш. Рамазановой обсуждались на заседаниях научного кружка «Лингвокультурология в аспекте теории и практики РКИ», заседании кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, X научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации» (Москва, 2008, 2012), II Новиковских чтениях «Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения» (Москва, 2009), Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в антропологической парадигме» (Симферополь, 2011), II Научных чтениях памяти члена-корреспондента НАН Украины Юрия Александровича Карпенко (Одесса, 2011), Международной научно-практической конференции «Язык и личность в поликультурном пространстве» (Москва – Севастополь, 2011–2012), III, IV и V международной научно-практической конференции «Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Севастополь, 2009, 2010, 2011), заседании II международной лингвистической школы «Инновационные технологии в преподавании

филологических дисциплин в вузе и школе» (Севастополь, 2011), международной научно-практической конференции «Осень в Балаклаве» (Севастополь, 2011).

По теме исследования опубликовано 6 работ.

Структура работы. Диссертация (217 страниц машинописного текста) состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы (253 наименования), списка использованных словарей и энциклопедий (20 наименований), списка источников фактического материала (80 наименований).

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цель и задачи, определяются объект, предмет, методы исследования, теоретическая и практическая значимость, новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** предлагается краткий обзор научной литературы по проблеме исследования, рассматриваются вопросы отражения культурных реалий в языке и сознании, функции языкового сознания, понятия «языковое сознание», «когнитивное сознание», «языковая ментальность», «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», проблемы изучения языкового и когнитивного сознания в лингвокультурологии, рассматриваются понятия «концепт» и «лингвокультурема», «языковая личность» как объект лингвокультурологических исследований, выявлены основные подходы к изучению языковой личности, дается характеристика русского языкового сознания эпохи Крымской войны. Приводится методика описания концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания второй половины XIX в. В главе проанализирован опыт описания концепта «война» в лингвокультурологических и когнитивных исследованиях. Дается характеристика русского языкового сознания эпохи Крымской войны. Подробно описана методика семантико-когнитивного анализа лингвокультурного концепта «Крымская война».

Во **второй** главе моделируется макрокомпонентная структура сложного композитивного концепта. Выявляется образный компонент, информационно-понятийный компонент и интерпретационное поле. Определяется лингвокультурная составляющая концепта.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения лингвокультурологических полей русского языкового сознания.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ЯЗЫКУ И СОЗНАНИЮ

§1. Проблема исследования языкового и когнитивного сознания в лингвокогнитологии и лингвокультурологии

Несмотря на активное изучение в современной науке, категория сознания до сих пор не имеет четкого определения.

В психологии под сознанием понимается «высшая форма психического отражения, присущая человеку как общественно-историческому существу», «сложная система, способная к развитию и саморазвитию, несущая в своих структурах присвоенный субъектом общественный опыт, моделирующая мир и преобразующая его в деятельности» [Петренко 1988:5-6]. Это специфически человеческая форма идеального отражения и духовного освоения действительности, оно включает в себя и осознание человеком своей психической деятельности [Ткаченко 2005], оперирование знанием, которое с помощью второй сигнальной системы (слов, математических символов, образов художественных произведений) может быть передано другим людям [Словарь физиологических терминов, 1987].

Ю.А. Сорокин описывает сознание как форму существования интеллекта и духа в виде «ансамбля когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, имеющих нейрофизиологическую основу... и работающих в информационно-темнологическом режиме (опережающее отражение)» [Сорокин 1994:11].

Л.Д. Столяренко отмечает, что сознание – это «высшая свойственная человеку форма обобщенного отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, формирования у человека внутренней модели внешнего мира, в результате чего достигается познание и преобразование окружающей действительности» [Столяренко 2000:220].

В концепции С.Л. Рубинштейна сознание представляет «единство отражения человеком действительности и его отношения к этой действительности» [Рубинштейн, 2001:48].

Одной из важнейших особенностей сознания как «высшего уровня психического отражения является его пограничный (отделяющий и в то же время соединяющий) характер. «Сознание как форма психического отражения находится на стыке (в месте соединения и различения) субъекта и объекта, индивидуального и коллективного, природного и культурного, непосредственно-чувственного и общественно-исторического опыта в содержании и структуре психического отражения, в психике человека» [Улыбина 2001:10].

Таким образом, сознание эксплицирует особый способ отражения внешнего и внутреннего мира сквозь призму субъективной личностной и субъективной коллективной оценки, обусловленной культурно-исторической ситуацией отдельного общества.

В современной науке не решен вопрос о разграничении содержания понятий «мышление» и «сознание» [Вепрева 2002; Морковкин 1994; Языковое сознание 1998]. Часто данные понятия рассматривают как синонимы, однако между ними имеются и различия. Так, мышление отражает логическую, рациональную часть сознания, которая является абстрактно-логической составляющей сознания. Сознание включает не только логические формы мысли, но и эмоционально-оценочную, волевую и чувственно-образную ментальные сферы [Языковое сознание и образ мира 2000:22]. На неправомерность отождествления сознания и мышления, ограничения функции сознания мышлением указывает Б.Ф. Ломов, подчеркивая важнейшую роль мышления в когнитивных процессах на уровне сознания [Ломов 1984:183]. С точки зрения И.А. Стернина, под сознанием понимается статический аспект явления, а под мышлением – динамический [Стернин 2002:140; Язык и национальное сознание 2002:16]. С точки зрения В.И. Карасика, «наряду с языковым существует неязыковое мышление, с

одной стороны, языковое существование связано не только с мышлением, но и с чувственно-волевой сферой и подсознанием, с другой стороны» [Карасик 2007:9].

По словам В.А. Масловой, язык «теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [Маслова 2001]. В языке отражается «первоначальный и глубинный взгляд на мир», формируется «иерархия духовных представлений», которые присущи тому или иному народу [Маслова 2001:119]. Язык как инструмент сознания репрезентирует культурно-национальную ментальность его носителей, то есть языковые единицы являются единицами культуры, которые служат «средством презентации ее установок (и предпочтений)» [Телия 1999:14]. Язык выступает в качестве основополагающего признака того или иного народа. Специфика национального языка состоит в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка; в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Таким образом, по мнению Е.Ф. Тарасова, для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в межкультурном общении целесообразно проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [Tarasov 1996:8].

Язык является хранителем информации о том или ином народе. «Язык народа является зеркалом его мыслей. Умственный склад каждой нации отливается как стереотип в ее языке» [Сухарев 2000:19]. Язык отражает мир не однозначно, не в виде прямых корреляций. Человек отражает окружающий мир путем его преломления в своем сознании и только затем репрезентирует его в языке. А. Вежбицка отмечает, что язык непосредственно отражает не только и не столько сам мир, сколько нашу

концептуализацию мира [Вежбицка 1980:50]. Как отмечает О.Л. Каменская, язык – не только средство приобретения и передачи знаний, но также опредмечивание знаний в особой структуре, определенная жизненная форма, так что использование языка есть использование определенной стратегии ориентации в мире, определенной интерпретации человеческой среды, определенной схемы поведения [Каменская 1990:106].

Проблема соотношения языка и сознания является объектом рассмотрения таких современных направлений лингвистической науки, как лингвокультурология и лингвокогнитология.

Лингвокогнитология (или когнитивная лингвистика) и лингвокультурология – активно развивающиеся направления современной филологии. Лингвокогнитология, как определяет ее Н.Н. Болдырев, – «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью и т.д.» [Болдырев 1998:3]. В центре внимания лингвокогнитологии находятся проблемы взаимосвязи языка и сознания, языка и мышления. Как пишет В.А. Маслова, «когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства» [Маслова 2004:8].

Лингвокультурология же нацелена на изучение действия «языка в человеке» и, тесно сближаясь с когнитивистикой, выходит за пределы традиционной для лингвистики цели – исследования мыслительно-отражательных «следов» человека в языке на всем «пространстве» форм вербально-коммуникативного содержания и выражения языка – в сферу взаимодействия языка и культуры, языка и национального сознания, для поиска ответа на вопрос о том, какие существуют способы и средства, используемые для воплощения культуры в языковые сущности; в чем

состоит суть «природы» культурной коннотации, и какова ее роль как «посредника».

Для лингвокультурологических исследований важна проблема отражения культурных реалий в языке и сознании. По словам российского ученого А.Д. Шмелева, «в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком и, в частности, значением слов; носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2002:12].

Вопрос взаимосвязи языка (знака) и сознания не нов. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «язык – это один из способов видения мира» [Гумбольдт 1985:349].

Опираясь на мнение Г. Штейнталя, А.А. Потебня считает, что «область языка далеко не совпадает с областью мысли», так как были периоды в истории человечества, когда язык не был связан с мышлением: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как не удовлетворяющее ее требованиям и как бы потому, что не может вполне отрешиться от чувственности, ищет внешней опоры только в произвольном знаке» [Потебня 1993:36].

Ф.Ф. Фортунатов полагал, что не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка. По его мнению, «процесс мышления состоит в образовании чувства соотношения между представлениями как частями отдельной цельной мысли». Представление же есть «представление того или иного предмета мысли <...>, представления являются в мышлении заместителями других представлений, т.е. представлениями знаков для сознания», «все представления по происхождению являются воспроизведениями ощущений» [цит по: Березин 1975:130-131].

С точки зрения Л.С. Выготского, знак является средством связи между людьми, средством связи психических функций социального характера, т.е. сознания [Выготский 1983:146]. На заместительную функцию языка указывает и Т.Л. Калентьева, которая полагает, что «язык является заместителем реальных вещей (формой выражения отраженного – содержания) и носителем общественного опыта (формой существования знания)» [Калентьева 1998:11]. И.Н. Горелов, К.Ф. Седов отмечают, что сознание – это определенная информационная система, где кодируется национально-языковой материал. Сознание не зависит от специфики национального языка [Горелов 2003; Горелов, Седов 2001:100].

Становление человеческого сознания связано с развитием языка: «сознание человека в норме формируется при участии языка, который является мощным средством обобщения образов сознания, возникающих в деятельности» [Тарасов 1993:6-7].

Таким образом, сознание и язык образуют единство, «в своем существовании они предполагают друг друга – язык есть непосредственная действительность мысли, сознания. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка» [Антонова 2010:52]. По справедливому мнению современного российского ученого Ж.И. Фридман, «концепции соотношения языка и сознания могут быть обобщенно представлены следующим образом:

- концепции, отождествляющие язык и сознание,
- концепции, трактующие язык и сознание как несвязанные друг с другом сущности,
- концепции «единства» языка и сознания,
- концепции, рассматривающие различные формы сознания в их отношении к языку;
- концепции, рассматривающие соотношение логических и языковых категорий [Фридман 2006:21].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что язык функционирует как инструмент сознания, является одним «из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере» [Попова, Стернин 2005:7].

А каждый отдельно взятый язык отражает определенный способ восприятия и организации мира и выступает как система социальных ориентиров, необходимых для деятельности человека в окружающем его мире. То есть языковое сознание является особой разновидностью освоения мира.

В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии получает распространение термин «языковое сознание», заимствованный из психолингвистики [Балашова 2005; Боргоякова 2002; Бугорская 2003; Гальперин 1977; Горелов, Седов 2001; Дмитриук 2001; Ейгер 1988; Есенова 2009; Жалсанова 2007; Желтухина 2003; Калентьева 1998; Калжанова, Шингарева 2003, Кубрякова 1999; Кудряшова 2003; Кураков 2006; Лапшинов 2002; Морковкина 2001; Можейкина 2007; Нгуен 2000; Никитина 1989, 1993; Попова 2002; Попова, Стернин 2002; Портнов, Смирнов 2004; Сарангаева 2009; Сорокин, Узулевский 1988; Попова 2010; Стешина 2007; Тарасов 1993, 2000, 2001, 2004; Тарасова 2007; Тубалова 1995; Уфимцева 1997, 2000, 2001, 2003; Ушакова 2004; Фесенко 1997; Чернышова 2006; Цзинь Тао 2008; Яшин 2008 и др.], несмотря на то, что А.А. Леонтьев в 1993 году отмечал неудачность выражения «языковое сознание»: «эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг» [Язык и сознание: парадоксальная рациональность 1993:17].

Одно из первых определений термина «языковое сознание» приводится в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Сознание языковое – особенности культуры и общественной жизни данного

человеческого коллектива, определившее его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка [Словарь лингвистических терминов 1966:188].

Языковое сознание носителя языка образовано лексическими и грамматическими значениями слов, которые выступают как психологически реальные (осознаваемые или неосознаваемые) знания человека о своем языке. Языковое сознание включает для носителя языка также сведения об используемом им языке, истории и современном состоянии родного языка, его функциях, представления о его основных категориях, таких, как род, число, падеж, время, наклонение, синонимия, антонимия и др.), эмоционально-оценочное отношение к языку и др. [Фридман 2006:38].

Языковое сознание отражает этносоциокультурную реальность. «Поиск национально-культурной специфики языкового сознания задает статус самого языкового сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной формах, а также как средство сознания своей культуры [Уфимцева 2003:103].

Формами проявления национального языкового сознания являются:

- языковая интуиция – первая и основополагающая форма языкового сознания, основывается на бессознательном владении языком;
- языковое самосознание – верхний автономный слой языкового сознания, включает сознательно приобретенные знания о языке;
- языковая политика, основанная на концепциях управления языковыми процессами и речевым поведением и связанная с социокультурным аспектом языкового сознания;
- языковое творчество, опирающееся на лингвокреативное мышление, связано с эстетическими аспектами сознания [Турбина 1997:72-73].

К функциям языкового сознания относят следующие:

- 1) Отражательная – отражение в языковых формах и значениях представлений человека о действительности, включая язык.

2) Оценочная – оценка языковых единиц в нормативном, стилистическом, эстетическом, вероятностном, темпоральном, ксеноразличительном и социальном аспектах.

3) Ориентировочно-селективная – ориентировка в ситуации для выбора языковых средств и в структуре сообщения для определения смысла.

4) Интерпретационная – объяснение знаков любой семиотической природы (метаязыковой и межъязыковой аспекты).

5) Регулятивно-управляющая – механизм обратной связи: регулятивный аспект направлен на преобразование норм, а управляющий проявляется при различных затруднениях и переходах в речевой деятельности.

Языковую способность можно рассматривать как готовность языкового сознания осуществить все функции [Ейгер 1988:56].

В языковом сознании любого народа отражается окружающая действительность, но эта действительность не просто копируется, а в значительной степени преображается в сознании народа, проходя сквозь призму национального мировоззрения. «Слово... «помнит» нечто из своего прошлого...», некоторые существенные черты, «относящиеся к системе ценностей языкового социума, характеризующие особенности мышления и мировосприятия носителей языка» [Яковлева 1998:45].

Языковое сознание, с одной стороны, психический феномен нематериальной природы, а с другой, – материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей. «Понятие (термин) «языковое сознание» имеет широкое референтное поле, включающее две его основные разновидности: динамическую – выражение состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, – а также структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания. При всей

широте этого референтного поля понятие языкового сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи – быть выразителем психического состояния говорящего» [Ушакова 2000:22]. Знак равенства между понятиями «сознание» и «языковое сознание» поставить нельзя. Е.Ф. Тарасов, дифференцируя сознание и языковое сознание, полагает, что языковое сознание – это «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Языковое сознание и образ мира 2000:26]. З.Д. Попова и И.А. Стернин под языковым сознанием (в другой терминологии – языковое мышление, речевое мышление) понимают совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании [Попова, Стернин 2002:29].

Языковое сознание, безусловно, уже понятия сознания. Языковое сознание – это часть сознания, имеющая языковую репрезентацию. Поскольку сознание – многоуровневое явление, включающее сознательное, подсознательное и бессознательное, не вся информация может быть выражена языком. Часть информации никогда не станет вербализованной, а, следовательно, никогда не войдет в языковое сознание.

Языковое сознание часто сопоставляют с когнитивным сознанием [Зимняя 1985; Калентьева 1998; Уфимцева 2000; Попова, Стернин 2002–2003; Рудакова 2004 и пр.]. Трудность в определении содержания и границ языкового сознания и когнитивного сознания связана с их закрытостью. По словам Е.С. Кубряковой, «язык являет собой едва ли не самую яркую когнитивную способность человека» [Кубрякова 1997:22]. Можно утверждать, что язык является наиболее эффективным средством доступа к сознанию, «способом, каким язык представляет мир» [Кубрякова 1997:22].

Как пишет Дж. Р. Серль, язык является «эвристическим средством объяснения ментальных сущностей» [Серль 1997:100].

Различая языковое и когнитивное сознание, П.Я. Гальперин отмечает, что две формы сознания, реализующие познавательную деятельность субъекта и его ориентировку (когнитивное сознание – с целью преобразования объектов, языковое сознание – с целью регуляции собственного поведения и поведения других людей). «Это несовпадение по содержанию и характеру познавательного и языкового отражения отличает отдельное языковое значение от когнитивного представления или понятия о том же объекте внеязыковой действительности. В познавательном отношении этот элемент связан с другими сторонами того же объекта или других объектов и свободно дополняется их ранее не учтенными свойствами. А в языковом отражении, в значении он связан с интересами воздействия на слушателя через определенное освещение этих объектов» [Гальперин 1977:98].

Значимым для лингвокогнитологии и лингвокультурологии является вопрос о структуре сознания. На наш взгляд, наиболее удачную модель сознания представил А.Н. Леонтьев, который выделил следующие компоненты сознания: образ (чувственная ткань), значение и личностные смыслы. Образ – это образующая сознания, которая позволяет человеку разделять мир на внутренний и внешний, придает реальность сознательной картине мира. Благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне сознания – как объективное «поле» и объект его деятельности [Леонтьев 1983:172]. Значение – это результат общественного опыта познания действительности. Язык является носителем важнейшей образующей сознания – значений, в которых «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей, отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев 1983:176]. Личностный смысл – наиболее глубинное, интимное содержание

психики. В.В. Столин основной характеристикой, обеспечивающей сознательность восприятия, называл семантическую насыщенность, то есть соотнесение с прошлым опытом индивида и с культурно-историческим наследием, запечатленным в системе значений, и соотнесенность с «феноменальным Я». «Психологически сознательность чувственных образов обеспечивается возможностью их феноменального расщепления: выделения того, что воспринимается и как воспринимается, а также отделения «Я» от воспринимаемого предмета и образа восприятия» [Столин 1983:23]. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают составляющими сознания умственный и чувственный образы. При этом умственный образ является важнейшим компонентом всего строя психической жизни [Петровский, Ярошевский 1994].

И.Т. Вепрева, вслед за В.В. Налимовым, сравнивает сознание с «небесным яйцом». Внутреннее содержание такого яйца состоит из нескольких слоев: «бессознательное», «предсознание», «сознание». Они окружены оболочкой и погружены во внешнюю среду – сверхсознание, или «высшее сознание». Самой архаичной частью психики является бессознательное [Вепрева 2002:43-44; Налимов 1994].

О.А. Корнилов говорит о существовании в структуре сознания четырех компонентов: сенсорно-рецептивного, логико-понятийного, эмоционально-оценочного и ценностно-нравственного [Корнилов 2003:164-179].

Значимой для лингвокультурологии является и проблема соотношения менталитета, ментальности и сознания. Ментальность и менталитет соотносятся как частное и общее. Ментальность отражает глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включая и бессознательное. Это «определенная внутренняя сумма готовности, установок и предрасположенностей социального субъекта мыслить, чувствовать, действовать и воспринимать мир определенным образом» [Аутлева 1996:12]. Менталитет (или общественное сознание) является более широким определением, это «совокупность идей и интеллектуальных

установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры» [Пушкарев 1995:159-160]. Идея «ментальности» возникает в связи с анализом структур духовной жизни, поиском структур сознания.

По мнению А.П. Огурцова, определения ментальности как противоречивой целостности картины мира, как дорефлексивного слоя знания, как социокультурных автоматизмов сознания индивидов и групп, как глобального, всеобъемлющего «эфира» культуры, в который погружены все члены общества, имеют нечто общее – «систему образов и представлений социальных групп, все элементы которой взаимосвязаны и сопряжены друг с другом и функция которой – быть регулятором их поведения и бытия в мире» [Огурцов 1994: 378-384].

На связь менталитета и культуры указывает Ф.Т. Аутлева, которая утверждает, что ментальность «представляет собой комплекс устойчивых свойств индивида, влияющих на его поведение, вырастающих на биологической, интеллектуальной и психологической основе и вытекающих из воздействия культуры и структуры его общества [Аутлева 1996:12]. Также менталитет трактуется как «некая характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте» [Дубов 1993:21].

«Ментальную неповторимость этноса» определяют формы взаимодействия с природой, коммуникативные нормы и психологические особенности, составляющие глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, выражающийся в понятии менталитета как специфического способа миропонимания или мировидения, характеризующего его носителей [Стефаненко 2000:140]. Национальный менталитет приобретает людьми в процессе их взаимодействия на протяжении многовековой жизни, он включает традиционные формы реакции на окружающий мир, стереотипы поведения и деятельности, а также

способы регулирования общения, сложившиеся на основании усвоенной системы ценностей [Сухарев, Сухарев 2000:12]. Все это формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социальных процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами [Попова, Стернин 2001:67].

В качестве альтернативного может рассматриваться термин «языковая ментальность», восходящий к идее соотношения языка и сознания, языка и мышления. Как отмечают В.А. Пищальникова и Ю.А. Сорокин, язык, «будучи универсальным средством хранения, формирования и представления знания разного уровня, выступает объектом анализа и изучения менталитета... Язык как репрезентант ментальности в известной степени определяет способ членения действительности» [Пищальникова, Сорокин 1993:7–8].

Вопрос о соотношении языка и действительности представлен в современной лингвистике под общим названием «языковой картины мира».

«Картина мира» является ключевым понятием, выражающим специфику отношений человека с окружающим его миром [Серебренников 1988:87–88].

Под картиной мира понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2003:4], «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [Постовалова 1999:21]

Языковое представление мира можно рассматривать и как языковое мышление, «поскольку, во-первых, представление мира — это его осмысление, или интерпретация, а не простое «фотографирование», и, во-вторых, рассматриваемое представление, или отражение, носит языковой характер, т.е. оно осуществляется в форме языка и существует в форме языка» [Почепцов 1990:111]. В языковом мышлении отражается уровень знаний о действительности, которыми обладает человек как индивид и

одновременно как представитель некоторого общества, откуда следует, что языковое мышление является в некоторой степени отражением уровня знания о мире данного общества.

Языковая картина мира включает мир действительности, мир мышления и мир языка. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Языковая картина мира реализует свои представления о мире средствами языка. Она не только отражает мир при помощи языковых средств, но и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности. Языковая, или вербальная, картина мира может быть охарактеризована как «выраженная с помощью различных языковых средств системно упорядоченная социально значимая модель знаков, передающая информацию об окружающем мире» [Геляева 2002:44].

Концептуальная картина мира шире и богаче языковой картины мира, так как в ее создании участвуют как вербализованные, так и невербализованные представления [Ю.Н. Караулов 1987; Е.С. Кубрякова 1988; Б.Л. Серебренников 1988]. И.А. Стернин отмечает, что исследование концептуальной картины мира невозможно без характеристики семантического пространства языка. «Семантическое пространство – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка» [Стернин 2001:23].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что объектом исследования современной лингвокогнитологии и лингвокультурологии является категория сознания, рассматриваемая в аспекте его соотношения с языком как средством сохранения и передачи национальной культуры. «Общественное сознание» соотносится с понятиями «образ мира», «модель мира», «картина мира» [Ю.Д. Апресян; А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев,

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев; С.Г. Воркачев; Е.С. Кубрякова; М.В. Пименова; З.Д. Попова, И.А. Стернин; О.Н. Чарыкова и др.], описываемые в научной литературе как сложные, многоуровневые образования, в которые, «наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, виртуальные построения искусства, идеология, а также глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного» [Петренко, Митина 1997:105]. Понятия «языковое сознание», «языковая ментальность» соотносятся с «языковой картиной мира», а понятие «когнитивное сознание» – с «концептуальной картиной мира».

§2. Концепт как экспонент языкового сознания

Несмотря на достаточную популярность исследования концепта, до сих пор нет общепринятого определения данной категории. «Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин 2006:21].

Выявление структуры и национальной специфики концептов является одной из наиболее перспективных и актуальных областей современных лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Впервые термин «концепт» употребил С.А. Аскольдов в 1928 г. В своей статье «Концепт и слово» ученый говорил о том, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997:269].

В концепции Д.С. Лихачева доказывается то, что концепт возникает не из словарного значения слова, а из столкновения этого значения с личным и народным опытом человека. Концепт является «алгебраическим» выражением значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)» [Лихачев 1997:281].

Рассмотрим лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению концепта.

Лингвокогнитивный подход основан на положении, согласно которому концепт рассматривается как «оперативная содержательная единица памяти»: концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [Краткий словарь когнитивных терминов 1997:8].

Лингвокогнитивный подход активно разрабатывается в трудах Л.В. Адониной, Е.С. Кубряковой, О.Н. Кондратьевой, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, О.С. Фисенко и др.

Наиболее авторитетная и в то же время наиболее широкая трактовка концепта определяет его как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона,

концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997:90].

Как ментальная единица концепт выполняет в структурировании картины мира роль стержневого элемента. Он реализуется в сознании как комбинированный онтологически-индивидуально-этнический «квант знаний». «Концепт всегда выступает как часть целого, которая содержит в себе отражение системы <...> Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ей» [Зусман 2001:41].

М.В. Пименова определяет концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженное разными группами признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [Пименова 2003:11].

В рамках лингвокультурологического подхода, разрабатываемого в трудах Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, В.А. Масловой, С.Х. Ляпина, В.Н. Телия и других, концепты определяются как формы воплощения культуры в сознании человека.

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов].

С точки зрения С.Г. Воркачева, концепт – это «единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001:64-72].

По мнению С.Г. Воркачева, «концепт» в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет

двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена» [Воркачев 2005:10]. С точки зрения В.А. Масловой, под концептами следует понимать обусловленные культурой «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для ... сообщества в целом» [Маслова 2001:51].

В лингвокультурологии единицей познания является лингвокультурный концепт, что подчеркивает культурную обусловленность единицы сознания. В лингвострановедении распространено понятие логоэпистемы – знание, хранимое в языке, знание, «несомое словом как таковым — его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [Верещагин, Костомаров 1999:7]. Лингвокультурема – «комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержаний» [Воробьев 1997:44-45].

Концепт и значение соотносятся как единица концептосферы и единица семантической системы, семантического пространства языка. Определяя концепт как «принадлежность сознания человека, глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структурированного знания», З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что «значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком в целях коммуникации» [Попова, Стернин 2005:8].

Пристальному вниманию ученых к концепту сопутствует разграничение терминов «понятие» и «концепт». Противопоставление осуществляется по признаку «конструируемость / реконструируемость». «Понятия – то, о чем люди договариваются. Понятия конструируются людьми для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем. Концепты же существуют помимо осознанной конвенциональности, их люди реконструируют с большей или меньшей степенью уверенности. Возрастающий интерес к категории «концепт» – это интерес к реконструкции тех сущностей, с

которыми носители языка сталкиваются в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом» [Демьянков 2001:45].

Л.О. Чернейко полагает, что «концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко 1997:75]. Следовательно, концепт представляет собой базовую универсальную семантическую категорию, которая отражается в человеческом сознании и обозначается словом данного языка.

Связь концепта с вербальными средствами выражения отмечается во многих определениях этого термина, однако единства во мнениях относительно конкретных единиц языка, с которыми соотносим концепт, у ученых нет. Актуализация – это выраженность концепта или отдельных его признаков средствами языка. Термины *объективация, актуализация, вербализация / оязыковление, репрезентация, овнешнение концепта* могут быть использованы в качестве синонимов, поскольку равно обозначают процесс перехода от абстрактной ментальной единицы концептосферы к конкретному представлению говорящего субъекта, материализовавшемуся в языке [Попова, Стернин 2004].

А. Вежбицкая пишет, что «до мысли можно добраться только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [Вежбицкая 1999:293]. Это лингвистическая констатация того факта, что смысл создается и является человеку через символ (знак, образ). И если концепт представляет собой вербально явленный смысл, то собственно языковедческая проблематика в его изучении оказывается связанной с определением области бытования этого смысла и уровнем его коммуникативной реализации.

Если для когнитивной лингвистики важно моделирование структуры концепта и определение его содержания, то для лингвокультурологии важным является отражение в лексических единицах входящих в содержание

концепта реалий культуры. Концепт дает возможность рассмотреть с точки зрения лингвистики такие ментальные категории, которые создают обобщенный образ слова, объективируя модель сознания.

Лингвокогнитология ставит своей задачей «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» [Попова 2006:7].

Как пишет С.Г. Воркачев, «несмотря на то, что лингвоконцептологи к настоящему времени относительно едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение [Воркачев 2001:66-70], видовая пролиферация этого объекта, как представляется, дает повод обратиться к «биологической метафоре»: разновидности лингвоконцептов в пределах дефиниционной формулировки растут, «как трава» – не имея под собой какого-либо последовательного классификационного основания [Сорокин 2003:288], что весьма затрудняет их типологию» [Воркачев 2007:15].

Концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами: лексическим (Арутюнова, Бабушкин, Вежицкая и др.), фразеологическим (Бабушкин, Гак и др.), грамматический (Болдырев, Вежицкая), синтаксическим (Попова, Стернин).

Концепт является сложной, многоуровневой единицей. Выделяют следующие типы концептов:

- конкретные – абстрактные;
- вербализованные – невербализованные;
- устойчивые – неустойчивые [Попова 2001];
- актуальные – неактуальные [Попова, Стернин 2003];
- универсальные (инвариантные); общенациональные (этнические), групповые (принадлежащими социальной, возрастной, половой и другим группам), личные (концепт как достояние индивида) [Залевская 2001];

– конкретно-чувственный образ, представление (мыслительная картинка), схема, понятие, прототип, пропозиция [Болдырев 2002; Бабушкин 1996; Попова, Стернин 1999];

– простые (одноуровневые), сложные (многоуровневые), сегментные [Стернин 2001], калейдоскопические [Бабушкин 1996], композитивные [Фисенко 2005, Трущинская 2009] и др.

Как писали В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, «лингвокультурный концепт многомерен <...>. Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта» [Карасик 2001:76].

Рассмотрим более подробно некоторые виды концептов:

1) концепты-представления, представляющие собой «обобщенные чувственно-наглядные образы предметов и явлений» [Стернин 1998:24], например: *ночь, бабушка, солнце* и т.п.;

2) концепты-понятия, определяемые как «мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета» [Стернин 1998: 25], например: *истец, ответчик, судья*;

3) концепты-гештальты, то есть «комплексные, целостные функциональные структуры», упорядочивающие «многообразие отдельных явлений в сознании» [Стернин 1998:24–25], например: *театр, подготовка, написание*.

Как особую группу исследователи выделяют композитивные концепты.

Композитивные концепты – это концепты, «которые отражают явления и могут быть описаны как определенная композиция (упорядоченная совокупность) ряда других однотипных концептов» [Фисенко 2005:6].

А.С. Трущинская доказывает, что композитивный концепт может быть открытым и закрытым. Концепты-компоненты открытого композитивного концепта образуют вариативный и открытый концептуальный ряд. Тогда как

закрытые композитивные концепты образуются постоянными концептами-компонентами [Трущинская 2009:6].

В нашем исследовании будет предпринято исследование сложного концепта «Крымская война», который имеет композитивную структуру.

§3. Языковая личность как носитель языкового сознания

Категория «языковая личность», активно разрабатываемая в различных отраслях языкознания, – социолингвистике, психолингвистике и когнитивной лингвистике, в настоящее время является актуальным объектом исследования и в лингвокультурологии, рассматривающей языковую личность через призму взаимодействия языка и культуры. Одним из первых в российской лингвистике к изучению языковой личности обратился В.В. Виноградов, который, изучая творчество писателей и анализируя язык художественных произведений, приходит к выводу о том, что понять язык можно обратившись к его творцу [Виноградов 1947].

Существенный вклад в теорию языковой личности внес известный российский ученый Ю.Н. Караулов, по мнению которого «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987:7]. Ученый отмечает, что языковая личность – это «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987:38], «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989:3].

Понятие «языковая личность» в российской лингвистической науке разрабатывалось многими учеными: Ю.Д. Апресяном, Г.И. Берестневым, Г.И. Богиным, В.Г. Гаком, Ю.Н. Карауловым, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, В.И. Шаховским и др. Учеными-лингвистами накоплен обширный материал, посвященный изучению языковой личности.

В тоже время работ, систематизирующих и обобщающих многочисленные исследования, нет. Более того, дискуссионным является само определение понятия «языковая личность».

Сложность описания термина «языковая личность», по авторитетному мнению С.Г. Воркачева, связана с тем, что само понятие «языковая личность» «образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» [Воркачев 2001:70].

С точки зрения Г.И. Богина, понятие «языковая личность» предполагает наличие носителя языка – человека, рассматриваемого с точки зрения его способности к речевой деятельности [Богин 1980:3]. Действительная же сущность языка, по мнению ученого, заключается в понимании его как формы, способа жизнедеятельности человека, способа вербализации человеческого опыта и его осознания, способа выражения личности и организации межличностного общения в процессе совместной деятельности [Богин 1986:9–10].

Т.Г. Винокур определяет языковую личность как «коммуникативно-деятельностную единицу, представляющую собой двучлен «говорящий–слушающий». Говорящий не просто производит высказывание, а выполняет «речевое задание в надежде на соответствующий эффект, который приведет к пониманию» [Винокур 1989:12]. Необходимым условием успешности речевой коммуникации является ответная реакция реципиента на речевое действие. Интенция и реакция в плане речевого поведения являются

важнейшими характеристиками языковой личности [Караулов, Красильникова 1989:9].

Таким образом, языковая личность вмещает в себя, по мнению Л.А. Миловановой, психический, социальный, эстетический и другие компоненты, преломленные через ее язык, ее дискурс [Милованова 2005:120].

Языковая личность, или личность, выраженная в языке, находится в постоянном развитии, но для того, чтобы изменяться, языковая личность должна иметь языковые способности, коммуникативные потребности, на основе которых формируются компетенции и речевое поведение личности. В.И. Карасик выделяет пять неоднородных ее компонентов в речевой организации человека:

1) языковую способность (органическую возможность (психологическую и соматическую) научиться вести речевое общение);

2) коммуникативную потребность (адресность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры);

3) коммуникативную компетенцию (выработанные умения осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели);

4) языковое сознание (активное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира);

5) речевое поведение (осознанную и неосознанную систему поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека) [Карасик, 2003:98].

Л.П. Крысин выделяет следующие уровни владения языком:

1) собственно лингвистический уровень (отражает свободное «манипулирование» языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности);

2) национально-культурный уровень (отражает «владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств»);

3) энциклопедический («владение не только словом, но и «миром слова», т.е. теми реалиями, которые стоят за словом и связями между этими реалиями);

4) ситуативный (умение применять языковые знания и способности – как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням – сообразно с ситуацией) [Крысин 1994:66-70].

Ю.Н. Караулов в структуре языковой личности предлагает выделять три уровня: вербально-семантический, основным содержанием которого является ассоциативно-вербальная сеть (АВС), тезаурусный (когнитивный), связанный с построением иерархически скоординированных семантических полей, образующих картину мира, и мотивационный (прагматический), включающий сферы общения, коммуникативные ситуации, коммуникативные роли, т.е. коммуникативную сеть [Караулов 1987:54-62]. Данная трехуровневая модель представляет обобщенный тип языковой личности в лингвокультуре.

В содержании тезаурусного уровня можно выделить две составляющие – единую, инвариантную часть общей картины мира (национально-культурную доминанту) и переменную, вариативную часть картины мира, «специфическую для данной личности и неповторимую» [Караулов 1987:37]. В работах А.А. Залевской раскрывается идея о существовании единой информационной базы человека – информационного тезауруса [Залевская 1996]. По справедливому замечанию Р.И. Павилениса, «человек – это вовсе не бесстрастный интерпретатор «языковой и неязыковой информации», не своеобразное зеркало, направленное к миру и безразличное ко всему, что в нем отражается. Потребность... ориентации в мире вынуждает «выбрать» те осмысленные им ментальные репрезентации, знания, которые он полагает истинными, которые он принимает и которые поэтому являются значимыми, ... которые репрезентируют его мнение о мире...» [Павиленис 1996:387].

Иными словами, информационный тезаурус обусловлен индивидуально-психологическими особенностями человека.

Ю.Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» доказывает, что наличие национально-культурной доминанты в структуре языковой личности каждого русского человека позволяет говорить о существовании общерусского языкового типа. Этот тип составляют «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем, некоторым инвариантным образом... преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему опознать «русскость» какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова» [Караулов 1987:138].

Уже в работах В.В. Виноградова были намечены основные принципы изучения языковой личности, такие как опора на создаваемые ею тексты, учет включенности данной языковой личности в различные «коллективные субъекты». Выделение таких «коллективных субъектов» позволяет говорить об изучении языковой личности в двух планах: как индивидуальности и как типовой личности. Коллективная языковая личность – это сообщество людей, говорящих на определенном языке. Индивидуальная языковая личность – отдельный представитель этого сообщества. В.А. Маслова отмечает, что в языковой личности «есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций» [Маслова 2001:119-121].

А.А. Ворожбитова предлагает использовать термин «коллективная языковая личность» или «совокупная языковая личность» применительно к этносу в целом, а при описании социальных групп ввести термин «групповая языковая личность» [Ворожбитова 2005:139].

Языковая личность является носителем языкового сознания. В.И. Карасик подчеркивает, что для лингвокультурологии «центральным

моментом... является языковое сознание как важнейшая составляющая речевой организации человека» [Карасик 2003:98].

Языковая личность реализуется в разнообразных речевых жанрах, которые являются «универсальными» и в большей мере подходят для изучения языковой личности.

О.А. Леонтович полагает, что языковая личность – это национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей [Леонтович 2002:122].

В.А. Маслова языковую личность определяет как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей», в содержание которой включаются следующие компоненты: 1) мировоззренческий – система ценностей или жизненных смыслов; 2) культурологический – уровень освоения культуры; 3) личностный – индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [Маслова 2001:119].

Анализ научной литературы позволяет выделить два основных направления в изучении языковой личности – лингводидактическое и лингвокультурологическое.

Если в лингводидактике при описании языковой личности исходят из признания языковой личности как совокупности речевых способностей, то в лингвокультурологии при описании языковой личности предметом исследования является национально-культурный прототип носителя языка, некий собирательный культурно-исторический образ.

Значительный вклад в развитие теории языковой личности внесли ученые-лингвокультурологи (В.И. Карасик, О.А. Леонтович, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова и др.), которые при рассмотрении языковой личности делают акцент на ее национально-культурной специфике, проявляющейся на уровне речевой личности. Тот факт, что «языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке» [Карасик 2001:172] подводит нас к пониманию языковой личности как «закрепленного в языке базового национально-культурного прототипа его

носителя, своего рода «семантического фоторобота», составляемого на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре» [Воркачев 2001:66].

Анализ научно-исследовательской литературы позволяет выявить основные подходы к изучению языковой личности:

- *по субъекту исследования*: изучение индивидуальной языковой личности и коллективной языковой личности (Л.В. Адонина, Н.В. Багрянская, И.В. Водяникова, О.М. Дедова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.);

- *по социальной принадлежности*: изучение языковой личности военнослужащих, учителей, политиков и т.д. (Н.В. Багрянская, Г.Н. Беспмятнова, Г.В. Битенская, И.В. Водяникова, О.М. Дедова, М.К. Дементьева, Т.С. Кириллова, О.Н. Кошелева, И.Р. Одишелашвили, Н.А. Туранина);

- *по гендерной принадлежности*: изучение языковой личности женщин и мужчин (работы О.В. Высочиной, В.Д. Еремеевой, С.В. Меликян, Р.В. Серебряковой, А.М. Холода, Т.Л. Хризман и др.);

- *по возрастному критерию*: изучение возрастных особенностей языковой личности (О.В. Высочина, Е.И. Грищук, Т.И. Полюкова, Е.Б. Чернышова)

- *по национальной принадлежности*: изучение русской и нерусской языковой личности (О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, Ю.А. Прохоров, Г.Я. Селезнева, И.А. Стернин);

- *по типу речевой культуры*: изучение речевой культуры русских и иностранцев (В.Е. Гольдин, О.С. Сиротинина, Н.И. Толстой),

- *по классовой принадлежности*: изучение элитарной языковой личности (Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина);

- *исторический аспект*: изучение языковой личности выдающихся людей прошлого и настоящего (работы А.Е. Ашковой, Н.М. Вахтель,

Т.Н. Голициной, А.В. Горбуновой, Н.Е. Косиновой, Т.В. Кочетковой, Л.Е. Кругликова, Т.И. Распоповой и др.).

Таким образом, исследуя категорию языковой личности, когнитивисты ищут ответы на вопрос о том, как языковая личность мыслит, как ее сознание категоризирует и классифицирует, поступающую информацию и каким образом, при помощи каких языковых средств получает объективацию. Лингвокультурологи же описывают данную категорию через призму взаимодействия языка и культуры. В лингвокультурологических описаниях языковую личность рассматривают как национально-культурный прототип носителя языка. Выделяются следующие направления в изучении языковой личности: по субъекту исследования; по социальной принадлежности; по гендерной принадлежности; по возрастному критерию: изучение возрастных особенностей языковой личности; по национальной принадлежности, по типу речевой культуры; по принадлежности к высшему слою общества; по историческому аспекту.

§4. Характеристика русского языкового сознания эпохи Крымской войны

Эпоха Крымской, или Восточной войны 1853–1856 гг. – одно из крупнейших событий европейской истории середины XIX в., традиционно являющееся одной из самых востребованных тем российской истории, по-прежнему привлекающей большой интерес исследователей.

Крымская война, знаковая для русского национального самосознания, представляет несомненный интерес для ученых-лингвистов. События Крымской войны и последовавшие вслед за ней реформы являются переломными моментами в истории Российской империи: они оказали влияние на общественное сознание, кардинально изменили

лингвокультурную ситуацию в Российской империи. За годы войны в русском обществе произошла переоценка ценностей. Как писал известный российский общественный деятель 70-х гг. XIX в. Б.Н. Чичерин, «Восточная война произвела в русском обществе такое возбуждение, которое не может не оставить ... глубокий след» [Чичерин 2004]. «Крымская война затронула интересы широких слоев русского общества, но в большей мере ее результаты взволновали представителей придворно-бюрократических кругов. Для многих из них поражение России в войне означало крушение николаевской системы, которую они создавали совместно с императором и которой верно служили» [Шепарнева 1995:14].

В связи с этим актуальность приобретает исследование языка эпохи Крымской войны в рамках когнитивной лингвистики.

Языковая личность исторически изменчива, каждая эпоха придает ей свои черты, общие для картины мира целого поколения людей, поэтому изучение совокупной языковой личности второй половины XIX в. позволяет определить общую языковую ситуацию в обозначенный период времени.

Следует отметить, что эпоха Крымской война не ограничивалась календарными годами 1853–1856 гг., а охватывала значительно больший период времени, что связано, с одной стороны, с тем, что события войны и ее последствия еще долгое время подвергались осмыслению в обществе, а с другой, – цензура николаевского режима, привела к тому, что многие воспоминания появились в свет только в конце XIX в. – начале XX вв. Цензурный гнет установившийся в конце 1840 – начале 50-х гг. еще более усилился в годы Крымской войны. Только со смертью Николая I появилась возможность открыто высказать свои суждения о происходящих событиях и публиковать аналитические работы.

О русской языковой личности второй половины XIX в. мы можем судить по письмам, дневниковым записям и статьям государственных и общественных деятелей, которые активно откликались на события Крымской войны, а также по поэтическим и прозаическим текстам той эпохи.

Указанные источники ценны не только тем, что содержат большую фактографическую информацию, но и тем, что в них содержится оперативная и первичная оценка событий.

Интересной представляется информация, данная в воспоминания дипломатов, в которых содержится не только авторское видение тех или иных военных событий, войны в целом, их описание, но и информация о предстоящих шагах, о закреплении той или иной договоренности. Особый интерес для нас представляют такие виды дипломатических текстов, как памятные записки, частные письма полуофициального характера. Некоторые из этих документов оформлены так называемыми формулярами вежливости, комплиментами. Как показывает анализ первоисточников, в эпоху Крымской войны встречается два вида памятных записок: памятные записки, переданные лично, и памятные записки, направленные с курьером. Памятная записка обычно вручалась лично с целью усилить значение и подчеркнуть важность сделанного во время беседы устного заявления или просьбы, облегчить дальнейшее продвижение дела, предупредить возможность неправильного толкования или понимания беседы или устного заявления. Текст памятной записки составлял в безличной форме с употреблением выражений: «возбуждается просьба», «приходится констатировать», «сообщается».

Частное письмо полуофициального характера посылалось знакомым официальным лицам в случаях, когда требовалось какое-либо содействие в решении вопросов, являющихся предметом официальной переписки или переговоров, с целью подчеркнуть заинтересованность автора в данном деле или ускорить решение какого-либо вопроса путем использования влияния лица, которому направлялось письмо.

К сожалению, мы не имеем возможности реконструировать полную картину общественного мнения и отношения к Крымской войне и ее последствий в силу почти поголовной неграмотности такого социального слоя Российской империи, как крестьяне.

В ходе войны в связи с изменениями исторических условий менялось, и отношение представителей различных направлений общественно-политической мысли и социальных групп к военным событиям и задачам, стоящим в то время перед страной.

О Крымской войне писали представители придворных кругов и многочисленной бюрократии – представители так называемого официального лагеря: общественные деятели И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, М.Д. Бутурлин, П.А. Вяземский, Т.Н. Грановский, Ф.М. Достоевский, А.А. Закревский, К.Д. Кавелин, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, К.Н. Лебедев, Д.А. Милютин, А.С. Меншиков, К.В. Нессельроде, А.О. Россет, А.С. Хомяков, Б.Н. Чичерин и др. Не оставались в стороне западники и славянофилы, находящиеся в ссылке декабристы, революционные демократы. Наиболее ярка в годы войны позиция представителей панславистского направления общественной мысли – будущего председателя Государственного Совета Д.Н. Блудова и его дочери А.Д. Блудовой, поэта и дипломата Ф.И. Тютчева и его дочери, фрейлины жены наследника престола, А.Ф. Тютчева и др.

Языковая картина мира содержит реалии, связанные с Крымской войной, которые отражают ее восприятие писателями, поэтами, общественными и государственными деятелями второй половины XIX в., причинах начала войны и поражения русской армии, о возможном влиянии Крымской войны на существующий николаевский режим и на проводимую Россией внешнюю политику.

Славянофилы, западники, представители придворно-бюрократических кругов, декабристы и революционные демократы по-разному относились к отдельным событиям Крымской войны: поражению русской армии на Дунае, героической обороне Севастополя, смерти Николая I и т.д. В связи с этим в языковой картине мира представлена разнообразная картина отношения российского общества к войне и миру. Так, революционные демократы осуждали Крымскую войну как несправедливо затеянную правящими

кругами России и Европы. В то же время, они выступали против заключения мира, считая, что война еще недостаточно обострила социальные противоречия в обществе. Более того, к весне 1855 года уже отчетливо заметно разделение на сторонников мира и противников его заключения. Венские мирные переговоры российское общество восприняло без энтузиазма: «Слишком далеко зашли», – говорит известный хирург Н.И. Пирогов. Славянофилами Крымская война воспринималась «как событие всемирно-исторических масштабов. В ней видели они некоторое исполнение высшего исторического смысла, столкновения западного и восточного начал, некую новую веху мировой истории».

Таким образом, русское языковое сознание эпохи Крымской войны представлено богатым эпистолярным наследием современников войны, статьями, записками, дневниковыми записями тех лет, как опубликованными, так и рукописными, хранящимися в архивных фондах.

Русское языковое сознание второй половины XIX в. характеризуется социальной неоднородностью, что проявляется в разнонаправленных оценках Крымской войны: причин ее начала, причин поражения России, а также мнений о заключении мира и влиянии войны на внешнюю и внутреннюю политику страны.

§5. Концепт «война» в лингвистических и когнитивных исследованиях

Как объект изучения образ войны и средства его объективации в языке находятся в центре внимания лингвистов сравнительно недолгое время. Общественно-политический феномен «война» играет исключительно важную роль в русской культуре, ему посвящены многочисленные исследования в области философии, социологии, психологии, истории, политологии, однако

в лингвистической литературе война как феномен начинает изучаться только с развитием отечественной лингвокогнитивистики и лингвокультурологии.

«Война» – сложный концепт, актуальность изучения которого объясняется целым рядом причин. В первую очередь тем, что в России, история которой полна войнами и конфликтами, война как общественно-историческое событие выпадает на долю практически любого поколения россиян.

Попытки изучения концепта «война» предпринимались неоднократно.

Диссертационное исследование Л.Н. Венедиктовой посвящено сопоставительному лингвокультурологическому исследованию концепта «война» в языковой картине мира на материале английского и русского языков. Автор доказывает, что концепт «война» имеет множественное проявление в английском и русском языках, выражаясь, главным образом, в семантике лексических и фразеологических единиц в виде универсального признака войны.

В диссертации Т.А. Лавриненко объектом исследования являются процесс и результат концептуализации исторического феномена Великой отечественной войны русским языковым сознанием. В работе доказывается, что на основании социальной рефлексии по поводу исторического феномена «Великая Отечественная война» в сознании носителей русского языка возникает сложное лингвоконцептологическое образование (прецедентный мир), имеющее многоуровневую структуру, реализующееся в языковых единицах различного уровня, получающее коммуникативное воплощение и поддающееся лингвоаксиологическому изучению.

Сопоставительный анализ концептосферы «война» в английской и русской лингвокультурах предпринят В.Б. Крячко. На основе проведенного исследования выявлены и описаны этнокультурные характеристики данной концептосферы.

В.А. Хоруженко в диссертации «Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике» рассматривает образность и

мифопоэтическую символику современной русскоязычной прессы. Концепты «Война» и «Враг» рассматриваются как обладающие ярко выраженной этнической спецификой, связанной с русскоязычной картиной мира. В.А. Хоруженко проанализированы основные виды войн в современной прессе: «физические», «информационные», «психологические», «экономические», «финансовые», «газовые», «нефтяные», «климатические», «хакерские», «объявленные» и «необъявленные», «священные», «справедливые», «захватнические», «победоносные», «холодные», «горячие» и т.д. Автором была рассмотрена роль концепта «война» в современных русскоязычных СМИ, доказано, что концепт «Война» тесно связан с концептом «Враг». Более того, было доказано, что оба эти концепта восходят к архетипу «вражеского заговора» и активно используются в современных СМИ.

Психолингвистический подход к исследованию концепта «война» предпринял О.В. Головань в диссертации «Семантико-ассоциативная структура концепта «война» на материале произведений Р. Олдингтона и В.М. Гаршина». Автором исследована семантико-ассоциативная структура концепта «война» как компонента концептуальной картины мира писателей. В качестве источников исследуемого материала были использованы роман «Смерть героя» Р. Олдингтона, созданный в 1929 г. и рассказы «Четыре дня», «Аясларское дело», «Очень коротенький роман», «Трус», «Денщик и офицер», «Сигнал», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Происшествие» и т.д.

Г.И. Заитдинова в работе «Концепт «Сугыш (Война)» в татарской языковой картине мира» на материале татарского языка выявила и описала языковое, культурно-фоновое и индивидуально-авторское содержания исследуемого концепта. Автор доказала, что концепт «Сугыш (Война)» находит множественные проявления в татарском языке, выражаясь, главным образом, в семантике лексических и фразеологических единиц в виде универсального признака войны. Его специфика заключается в своеобразии

моделей комбинаторики, в которых он находит свое компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению, признаками.

Объектом исследования Ю.И. Авраменко выступает романное творчество Г. Бёлля. Особое внимание уделено романам «Где ты был, Адам?», «Дом без хозяина», «Бильярд в половине десятого», «Групповой портрет с дамой». Они наиболее полно раскрывают содержание концепта «война», а также позволяют проследить его эволюцию в произведениях писателя, так как в каждом из них данный концепт приобретает новое смысловое наращение.

О.М. Лунцова в исследовании «Градиент-концепт *ДРУЖБА – МИР – ВРАЖДА* в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии)» предприняла изучение структурных и содержательных характеристик градиент-концепта дружба-мир-вражда через посредство языковой семантики в сопоставительном аспекте (т.е. с выявлением общих и национально-специфичных черт данного явления в русской и английской лингвокультурах). Автор доказал, что оппозиции дружба-вражда, friendship-enmity/hostility могут мыслиться не только как дуальные, но и как градуальные: дружба – мир – вражда, friendship – peace/tolerance, neighbourliness – enmity/hostility; концепты дружба, мир и вражда вместе представляют частный случай градиент-концепта, концептуального комплекса, составляющие которого находятся в отношениях градуальной оппозиции; центральный компонент имени градиент-концепта дружба – мир – вражда в русском языке имеет четкое лексическое обозначение, а в английском языке характеризуется размытостью; градиент-концепт дружба – мир – вражда в русском и английском языках может быть представлен множеством многочленных градуальных оппозиций, в основе каждой из которых лежит свой семантический признак; в основе семантических связей градиент-концепта дружба – мир – вражда в русском и английском языках находятся не только понятийные, но и ценностные пересечения.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, несмотря на многочисленные исследования, объективация концепта «война» в русском языковом сознании изучена недостаточно. Абсолютно не изучен концепт «война» как экспонент русского языкового сознания эпохи Крымской войны. Остаются открытыми следующие вопросы: каким образом происходит концептуализация языковым сознанием концепта «Крымская война» в зависимости от времени объективации концепта; по каким дифференциальным и интегральным признакам возможно провести сравнение концепта «Крымская война», объективируемого языковым сознанием современников войны и современным языковым сознанием.

§6. Основные когнитивные составляющие концепта «Крымская война»

Концепт «Крымская война» является сложным ментальным образованием, отражающим социальные, экономические, политические черты исторической эпохи.

Сложность изучения данного концепта заключается в том, что семантические пространства концептов «война» и «Крымская война» пересекаются, что обусловлено их семантической диффузностью.

Концепт «война» в русском языковом сознании является одним из ключевых концептов, что объясняется историческим ходом становления и развития Российского государства.

Как самостоятельную единицу концептосферы концепт «война» можно рассматривать в том случае, если в его состав помимо инвариантных признаков, свойственных и смежным концептам, например, «холодная война», «ядерная война» проч., будут входить признаки, характеризующие конкретную историческую эпоху.

Например, в русском языковом сознании 1994–2000 гг. в концепт «война» будут входить языковые реалии, связанные с Чеченской войной, в языковом сознании 1979–1989 гг. – реалии, связанные с Афганской войной, а в языковом сознании второй половины XIX в. – с Крымской войной и т.д.

В идеографическом словаре русского языка О.С. Баранова слово *война* включено в класс «Армия» наряду с такими словами как *воин*, *армия*, *вооруженные силы* и *вооруженная борьба* [Баранов].

Семантическая близость синонимов, обозначающих войну, объясняется размытостью полей значений, вызывающих их взаимное перекрывание.

Синонимический ряд существительных, обозначающих войну, состоит из следующих членов: *война*, *борьба*, *борение*, *столкновение*, *поход*, *кампания*, *нашествие*, *блокада*, *бомбардировка* [Абрамов 1999:83]. Однако это лишь немногие из известных характеристик социально-политического явления, именуемого *войной*.

Существует ряд взаимодополняющих друг друга научных определений *войны*:

а) «вооруженная борьба между государствами, народами или партіями внутри государства. Смотря по поводамъ В. называются: завоевательными, религіозными, торговыми, за независимость, за престолонаслѣдіе и т.п. По способу веденія В. раздѣляются на наступательныя и оборонительныя. По мѣсту веденія В. называются: сухопутныя, морскія, крѣпостныя, полевая» [Словарь историческій и соціально-политическій 1906: 303-304];

б) «вооруженное столкновение в ходе разрешения конфликтов, форма разрешения политического конфликта путем применения насилия. По выражению Карла фон Клаузевица, война является одной из форм продолжения политик и представляет собой «акт насилия, доведенный до крайности» [цит по: Погорелый и др. 2008: 54].

Анализ лексикографического материала позволяет сделать вывод о том, что понятие «война» в языковой картине мира трактуется следующим образом:

1) Война – это организованная борьба с целью завоевания или освобождения;

2) Цель войны достигается за счет порабощения противника или его уничтожения в ходе военных действий с использованием различных средств вооружения.

3) Субъектами войны являются две стороны (одна из которых – враги, другая – свои).

4) Война включает в себя следующие этапы:

–подготовка войны;

–объявление войны;

–военные действия;

–окончание войны (поражение одной стороны и победа другой стороны, или перемирие сторон).

В войне используется символика, позволяющая различать своих и чужих, виды войск и др.

Л.Н. Венедиктова полагает, что концепт «война» можно отнести к числу абстрактных концептов, так как входящие в его состав экспоненты отличаются многоликостью и неоднородность экстенционала, за которым стоят существительные (война, мир, победа, поражение, воин, сражение), прилагательные (воинственный, вражеский, мирный, смертельный) и глаголы (воевать, сражаться, победить, умереть, выжить)» [Венедиктова 2004:74]. Все они объединены тем, что от чего-то отвлечены: от носителя признака или агенса действия, а глаголы абстрагированы от непосредственного протекания действия во времени.

Рассуждая о войне как абстрактном субстантиве, следует отметить, что начало абстрактности кроется в его целостности (*войско, армия*) либо в невозможности постичь его сущность эмпирически (*цель, плен, свобода*). Что касается такого экзистенциального понятия как свобода, то мы ощущаем связанный с ним феномен как внутреннее эмоциональное состояние, когда знаем, что эта «вещь» у нас есть [Чернейко 1997:5].

Концепт «война», реализуемый в языке с помощью разнообразных средств, занимает важное место в языковой картине мира, в которой существуют универсальные бинарные оппозиции, представленные концептами «война – мир», «зло – добро», «смерть – жизнь». Эти дуальные аспекты тесно переплетаются в истории языка и мировой культуры в целом. Следовательно, война представляет собой базовое явление культуры и может рассматриваться как культурный концепт, который соотносится, с одной стороны, с мыслительными процессами человека, а с другой стороны, с миром культуры и находит проекции в языке.

Л.Н. Венедиктова установила, что концепту «война» соответствует фрейм, имеющий достаточно сложную многоуровневую структуру, представленную понятиями, которые непосредственно ассоциируются с войной:

- конфликт, борьба, противостояние,
- военные действия,
- война и ее виды,
- боевая техника, вооружение,
- участники войны,
- межличностные отношения людей, участвующих в войне,
- исход войны и ее последствия [Венедиктова 2004:87].

Концепт «война» может выступать в качестве составного элемента имен собственных, обозначающих названия войн: *Великая отечественная война, Первая мировая война, Вторая мировая война, Крымская война, Восточная война*. В этом случае собственные имена могут быть рассмотрены как номинанты одноименных концептов.

В данной работе мы рассматриваем концепт «война» в качестве составного ключевого компонента концепта «Крымская война».

Номинативное поле концепта «Крымская война» размыто.

Результаты дефиниционного анализа показывают, что ядерной семой концепта «война» является сема 'вооруженная борьба между государствами

или общественными классами', периферийными являются семы с переносными значениями 'состояние вражды' и 'борьба с чем-либо'.

Ядром номинативного поля «Крымская война» является существительное *война*. Этот номинант представляет собой элемент лексико-семантической системы языка и реализуется в составе определенной лексической парадигмы, позволяющей интерпретировать его как имя смыслового ряда, образованного синонимами, соотносимыми с семантикой этого слова.

В номинативное поле «Крымская война» помимо лексемы *война*, входят составные номинации: *русско-турецкая война, общеевропейская война, политическая война, Восточная война, Священная война*. Например: *Восточная война в последние годы царствования императора Николая I доказала это с полной очевидностью* (Чичерин Б.Н. «Курс государственной науки»); *Во славу имени Христова / Кипит священная война, / И вновь Россия торжествует!..* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»).

По мнению Ю.С. Степанова, для того, чтобы познать внутреннюю форму концепта, необходим этимологический анализ.

Русское слово *война*, с точки зрения М. Фасмера, восходит к древнему корню в родственных индоевропейских языках со значением «преследовать, гнать(ся)» (лит. *vejù, vùti*), «охотиться» (лат. *vēnor, -āri*; др.-исл. *veiðr* «охота», др.-верх.-нем. *weida* «охота») [Фасмер 1986:335]. По мнению автора-составителя «Этимологического словаря русского языка» Г.А. Крылова, слово *война* имеет общеславянское происхождение, так как образовано от существительного *вой* – «воин»; родственно латинскому *venari* – «охотиться» и древненемецкому *weida* – «охота» [Крылов 2004:73].

В иврите концепт «война» легко раскрывается по внутренней форме слова: «милхама» от «лезем»: «война» – это хлеб. Война есть отбирание хлеба, то есть набег, грабеж.

Лексические единицы раскрывают исходную сущность концепта через признак, положенный в основу номинации, даже в неродственных языках: война – это убийство с целью захвата добычи.

Концепт «Крымская война», с нашей точки зрения, является абстрактным в художественной картине мира, тогда как в языковой картине мира политиков, историков, дипломатов участников боевых действий исследуемый концепт приобретает конкретность.

В концепте «Крымская война» как фрагменте русского языкового сознания второй половины XIX в. не только аккумулируется информация, связанная с военными действиями, которые вела Российская Империя в Крыму, но и определяется самобытность русского народа, его мировоззрение. По справедливому замечанию Э.У. Омакаевой, «несмотря на принципиальное сходство в понимании войны представителями разных культур, имеется и этнокультурное своеобразие осмысления данного концепта» [Омакаева 2010:71].

Основное содержание концепта «Крымская война» сводится к следующим признакам: обобщенный образ противостояния враждующих сторон, характеристики войны, принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения участников боевых действий.

Семантическое пространство «Крымская война» объединяет в себе различные компоненты, являющиеся именами особых денотативных классов и различающиеся по составу и лексическим средствам выражения.

В понятие «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в. входят когнитивные компоненты ««вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь», что позволяет говорить о сложной композитивной структуре концепта.

Следует отметить неравномерную концептуализацию данных фрагментов действительности в структуре концепта «Крымская война»,

которая проявляется в виде номинативной плотности: одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия, в то время как другие явления обозначаются общим недифференцированным признаком.

Опишем категориальную структуру концепта «Крымская война» как иерархию когнитивных классификационных признаков и полевую организацию выявленных когнитивных признаков.

§7. Методика семантико-когнитивного анализа концепта

«Крымская война»

В рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к языку имеется множество нерешенных теоретических и практических вопросов. Основным является вопрос о методах и способах описания концепта на основе языковых данных. Общепринятая система анализа концептов в российской лингвистике в настоящее время отсутствует.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, существует два основных направления в методике лингвокогнитивного анализа. Первое предполагает, что исследование начинается с некоторого выбранного концепта, подбираются все возможные языковые средства его выражения, которые затем и анализируются. Второе направление предполагает, что исследование начинается с некоего ключевого слова, к которому подбираются разнообразные контексты его употребления. Это позволяет изучить семантику данного слова, выявить набор семантических признаков, которое оно способно представить в процессе употребления. По этому набору

семантических признаков реконструируется соответствующий лексический или фразеологический концепт [Попова, Стернин 2001:96].

Мы согласны с А.В. Рудаковой, что «при анализе всей совокупности языковых средств выражения концепта, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта, исследователь может получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Важно подчеркнуть, что данное представление никогда нельзя считать исчерпывающим, это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью [Рудакова 2003:37].

В данном исследовании при изучении концепта «Крымская война» мы исходили из принципов семантико-когнитивного анализа концептов. Описание языковых средств, объективирующих концепт «Крымская война» в русском языковом сознании, было осуществлено на основе лингвокультурологической концепции лингвокультурологии, предполагающей поиски ответов на вопрос о том, как национальная культура отражается в языке.

По мнению профессора М.В. Пименовой, методика изучения концептов заключается в «интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристики и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов [Пименова 2004:20.]

Задача лингвокогнитологии состоит в выявлении языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт и максимально полном описании семантики этих единиц.

С точки зрения представителей теоретико-лингвистической научной школы Воронежского государственного университета, возглавляемой И.А. Стерниным, основные этапы семантико-когнитивного исследования языка заключаются в следующем:

1. Построение номинативного поля концепта.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу [Попова, Стернин 2007:111].

В качестве дополнительного, желательного, но необязательного метода авторы предлагают использовать верификацию полученного когнитивного описания у носителей языка.

Данная процедура возможна при исследовании концепта как экспонента современного языкового сознания, но невозможна при изучении содержания и структуры концепта предшествующего исторического периода. Так, при описании концепта «Крымская война» как экспонента языкового сознания второй половины XIX в. верификация возможна будет лишь в том случае, если для исследователя значимо современное содержание данного концепта.

Последний этап семантико-когнитивного анализа концептов – описание содержания концептов в виде перечня когнитивных признаков. С точки зрения авторов монографии «Семантико-когнитивный анализ языка», дальнейшие шаги исследователей будут зависеть от того, какую задачу ставит перед собой исследователь – двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингвоконцептологических исследований. «В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Например, понятия когнитивного признака, классификатора используются для объяснения появления тех или иных сем или семем, их группировок, изменений в семантике, перестроек семантемы слова.

Во втором случае необходим этап моделирования концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу...» [Попова, Стернин 2007:112].

Наше исследование преследует конечную цель – моделирование концепта «Крымская война» как фрагмента русской языковой картины мира

второй половины XIX в. на основе анализа семантики языковых средств, объективирующих концепт.

Моделирование концепта поможет нам описать концепт как целостную ментальную единицу.

Опишем последовательные шаги экспликации модели концепта «Крымская война»:

1.Описание макроструктуры концепта (см. работы Л.В. Адониной (2007), Л.А. Тавдгиридзе (2005), А.С. Трущинской (2009), О.С. Фисенко (2005) и др. На данном этапе были выявлены когнитивные признаки изучаемого концепта «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в., соответствующие образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установлено их соотношение в структуре концепта.

Образный компонент является психофизиологической основой концепта. Любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой – «определенный чувственный образ. Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), кодирующий данный концепт для мыслительных операций...» [Попова, Стернин 2001:61].

Проблема представления образа в российской науке не нова. Так, в психологии под образом понимают обобщенную картину мира (предметов, явлений), которая складывается «в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств» [Немов 1999:668].

Выделяются следующие свойства образа:

– наглядность – общий факт для всех сенсорных модальностей, включая яркость представлений об эмоциональных состояниях [Петухов 1983];

– яркость и четкость – информационные характеристики, ответственные за «утечку» информации в образе: нечеткий, бледный образ менее информативен [Гостев 1992];

- фрагментарность и дифференцированность – некоторые стороны объекта не отражены или могут проявляться в образе последовательно при «мысленном разглядывании» [Ананьев 1960];

- обобщенность – образ отражает не единичный объект, а класс аналогичных объектов [Рубинштейн 1957], сходные впечатления зафиксированы в памяти слитно, единичные впечатления тонут в более крупных единицах опыта [Сеченов 1947];

- контролируемость – способность к произвольному оперированию образами: формирование требуемых образов предметов, объектов, ситуаций, манипулирование ими, удерживание «в уме»;

- подвижность – «живость» образов подразумевает скорость формирования образов, их смены в сознании [Петрова 1998].

В начале 90-х А.А. Гостевым предпринята попытка целостного рассмотрения множества мысленных образов и концептуализации образной сферы как важнейшего компонента индивидуального сознания субъекта.

Так, с точки зрения ученого, мысленные образы – это образы, имеющие преимущественно внутренний информационный источник. В самом широком понимании они могут быть определены как образы предметов и явлений внешней реальности, переживаемые как единицы содержания сознания в отсутствие соответствующей актуальной стимуляции. Мысленный образ является вторичным образом, который следует рассматривать не как «тень ощущений» и не как ослабленный вариант восприятия, а как прогрессивную ступень чувственного познания, связанного с формированием обобщенного образа предметов и явлений, несмотря на неизбежную при переходе от восприятия к представлению редукцию характеристик отображаемого объекта [Гостев 1992:15-16].

В.Л. Ситников полагает, что структура образа в сознании человека представлена в «свернутом» виде. Постоянные компоненты составляют основу, базовую структуру образа, а ситуативные определяют их временную

динамику и зависят от условий и причин актуализации образов [Ситников 2001:19].

Значительный вклад в теорию образов внесла Н.Д. Арутюнова, согласно которой образ обладает следующими основными признаками:

- средой обитания образов является человеческое сознание;
- образ в большей мере связан с объектами действительности, чем с категориями смысла;
- образы интерпретируются и осмысляются;
- образ синтетичен, так как создается комплексным восприятием действительности, в котором ведущими являются зрительные впечатления;
- в образе зафиксировано осознание фундаментального факта отделимости и воспроизводимости формы;
- в структуре образа потенциальные стороны знака – означаемое и означающие – не сформированы;
- «природная» корреляция формы и субстанции заменена в образе «культурным» соотношением формы и содержания [Арутюнова 1999:322].

Итак, образная сторона концепта – это «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания» [Карасик 2001:10].

Композитивные концепты имеют яркую ядерную зону.

Информационный компонент концепта или понятийный (О.С. Фисенко), информационно-понятийный (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Л.А. Тавдгиридзе) – это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [Карасик 2001:10].

С.Г. Воркачев под понятийным компонентом понимает то в содержании концепта, что не является метафорическим и не зависит от внутрисистемных характеристик его языкового имени [Воркачев 2001:48].

Е.К. Войшвилло в определении понятийного компонента концепта выделяет дистинктивные и эссенциальные признаки, которые его формируют. «*Дистинктивные*, родо-видовые признаки обеспечивают тождественность понятия самому себе при использовании его в различных теориях и фиксируют *объем* понятия – границы предметной области, к которой оно отправляет. Признаки *эссенциальные*, существенные, выявляемые, как правило, в результате построения и обоснования теории, связаны с интерпретацией *содержания* понятия в рамках определенной концепции» [Войшвилло 1989:121].

Удачное, на наш взгляд, определение понятийному компоненту концепта дает М.В. Никитин, согласно которому понятия выполняют в сознании функцию систематизации мира. Они формируются в результате отвлечения от конкретностей вещей и событий, помещают их на определенных уровнях родо-видовых и холопартитивных иерархий и в определенных местах эквонимических общностей» [Никитин 2004:59].

В композитивных концептах информационный компонент включает информационные зоны других концептов, которые в зависимости от коммуникативной потребности могут выступать в качестве самостоятельных концептов.

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и включает «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин 2001:64].

В интерпретационном компоненте концепта отражается взаимодействие человека и природы в самых разнообразных аспектах.

Интерпретационное поле композитивных концептов включает интерпретационные зоны других концептов, которые также могут выступать в качестве самостоятельных концептов.

2. Описание категориальной структуры концепта предполагает выявление иерархии когнитивных классификационных признаков. Результатом данного этапа является описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков.

3. Описание полевой организации выявленных когнитивных признаков. Наиболее эффективным при описании концепта как элемента языкового сознания является системный подход, возникновение которого относится к XIX и началу XX века и связано с именами известных лингвистов И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845-1929) и Ф. де Соссюра (1857-1913).

Ф. де Соссюр писал: «Язык есть система, элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих» [Соссюр 1998:147]. Выделяя синхронический и диахронический аспекты изучения языка, Ф. де Соссюр полагал, что изучить системные отношения в языке можно лишь при синхронном подходе, так как время разрушает системные связи. Сравнивая язык с шахматами, ученый отмечал, что важны правила и значимость каждой фигуры, а материал, из которого фигуры сделаны, значения не имеет. Густав Гийом считал, что изучение языка только в синхронии не является продуктивным, так как язык одновременно является и наследием прошлого, и результатом преобразования его человеком в процессе познавательной работы.

В качестве термина «подсистема» в лингвистике часто употребляют термин «поле», берущий свои истоки в концепции поля Гюнтера Ипсена. Появление самого термина «поле» связывают с именем немецкого лингвиста Йоста Трира, в концепции которого семантические поля состоят из лексических единиц, близких друг другу по значению и по формальному признаку. Ученый доказывал, что поле – целостная единица содержательного плана языка, противопоставленная формальному и ономаσιологическому принципам исследования языковых значений. Выделяются «лексическое» и «понятийное» поля.

Идеи вышеперечисленных ученых разрабатывали лингвисты В.П. Абрамов, А.Ю. Антомонов, О.А. Ахманова, А.В. Бондарко, Е.В. Гулыга, Л.М. Васильев, З.Н. Вердиева, В.А. Звегинцев, С.Д. Канцельсон, Ю.Н. Караулов, А.М. Кузнецов, А.А. Уфимцева, Н.И. Формановская, Д.Н. Шмелев и др.

Поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кузнецов 1998:380].

В трактовке О.С. Ахмановой, поле – «совокупность содержательных единиц, покрывающая определенную область человеческого быта и образующая более или менее автономную микросистему» [Ахманова 1966:366].

З.Н. Вердиева отмечает, что поле – «совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия [Вердиева 1986:4].

На данном этапе семантико-когнитивного анализа концептов на основе степени их яркости были выявлены признаки, составляющие ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта.

Ядерная зона концепта включает значимую для носителей языка информацию, является инвариантом коллективного знания.

Периферийная зона содержит менее значимую информацию для носителей языка.

Периферийная зона неоднородна по своему составу. Так, в ней выделяют **ближнюю периферию** (менее удаленную по числовому показателю зону концепта), **дальнюю** (более удаленную от ядра) и **крайнюю** (наиболее удаленную от ядерной зоны концепта зону).

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Сознание – научное понятие, ставшее на современном этапе развития науки объектом изучения лингвокультурологии и представляющее высшую форму психического отражения, служащую для восприятия и отражения внешнего мира, т.е. преобразования окружающей действительности.

2. Языковое сознание – это та часть сознания, которая получила овнешнение посредством языка. Языковое сознание эксплицирует культурно-национальную ментальность его носителей. Понятия «языковое сознание», «языковая ментальность» соотносятся с «языковой картиной мира», а понятие «когнитивное сознание» – с «концептуальной картиной мира».

3. Языковая ментальность – это оязыковленная часть менталитета или общественного сознания, представляющая образ мышления людей, который обусловлен экономическими, политическими, историческими обстоятельствами развития данной конкретной общности. Ментальная неповторимость этноса формируется веками и усваивается людьми в процессе их взаимодействия. Национальный менталитет определяет формы реакции на явления окружающего и внутреннего мира человека.

4. Носителем языкового сознания является языковая личность – национально-культурный прототип носителя языка. Основные направления изучения языковой личности: по субъекту исследования – изучение индивидуальной языковой личности и коллективной языковой личности; по социальной принадлежности – изучение языковой личности военнослужащих, учителей, политиков и т.д.; по гендерной принадлежности – изучение языковой личности женщин, мужчин; по возрастному критерию – изучение возрастных особенностей языковой личности; по национальной принадлежности: изучение русской и нерусской языковой личности; по типу речевой культуры – изучение речевой культуры русских и иностранцев; по принадлежности к высшему слою общества – изучение элитарной языковой

личности; по историческому аспекту – изучение языковой личности выдающихся людей прошлого и настоящего.

5. Экспонентом языкового сознания является концепт – комплексная двусторонняя единица, представляющая единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания, обладающая не только лингвистическим значением, но и национально-культурной маркированностью, отражением определенного фрагмента картины мира, который возможно реконструировать при помощи семантико-когнитивного моделирования.

6. Изучение структуры и содержания концепта «Крымская война» представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить инвариантные признаки, присущие концепту «война» любой исторической эпохи, и универсальные концептуальные признаки, характеризующие языковую сознание определенной исторической эпохи.

7. Русская языковая личность эпохи Крымской войны второй половины XIX в. характеризуется социальной неоднородностью. Славянофилы, западники, панслависты, представители придворно-бюрократических кругов, декабристов и революционных демократы так или иначе откликались на события Крымской войны и давали ей разнонаправленные оценки. Языковое сознание русской языковой личности эпохи Крымской войны актуализируется эпистолярным наследием современников войны, статьями, записками, дневниковыми записями тех лет как опубликованными, так и рукописными, хранящимися в архивных фондах.

8. Семантико-когнитивный анализ концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания писателей, поэтов, государственных и общественных деятелей второй половины XIX в. предполагает реализацию следующих шагов: сплошную выборку из текстов-оригиналов воспоминаний современников о Крымской войне; построение номинативного поля концепта «Крымская война»; анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;

выявление их национально-культурной специфики; когнитивную интерпретацию результатов описания семантики языковых средств; описание макроструктуры концепта (образный компонент концепта, информационный компонент концепта и интерпретационное поле концепта); описание категориальной структуры (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков); описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (ядерная зона концепта, периферийная зона – ближняя, дальняя и крайняя).

ГЛАВА II. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «КРЫМСКАЯ ВОЙНА» КАК ФРАГМЕНТА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

§1. Образный компонент концепта «Крымская война»

Образный компонент является наиболее яркой составляющей концепта. В его состав входят лексические единицы, передающие особенность мировосприятия русских эпохи Крымской войны и содержащие значимую национально-культурную информацию.

Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Л.Г. Золотых и т.д. доказывают, что образные языковые единицы через определенное образно-оценочное представление ярко и отчетливо отражают этнокультурное своеобразие этноса.

Образность является свойством слова отражать образное видение факта действительности. Как отмечают Н.С. Новикова и Н.В. Черемисина, образные единицы языка, составляя «систему интуитивных представлений о реальности», семантически и стилистически более емки и глубоки по сравнению с отдельно рассматриваемым словом.

Образный компонент является частью значения слова. Истоки образности, по мнению В.В. Виноградова, кроются в семантической неоднозначности слова в тексте. Двуплановость семантики образного слова можно рассматривать как словарное значение слова плюс «художественно-изобразительные приращения смысла» [Виноградов 1960:90].

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология по-разному определяют истоки образности. Л.А. Шестак исследует когнитивный механизм образности, где объектом изучения выступает образ как когнитивный феномен и знаковый продукт, а предметом изучения –

когнитивный механизм образности как сопряжение смыслов образований различной структуры: представлений, слов, текстов, стилевых манер, культурных эпох. Анализируя словарные дефиниции понятия «образ», автор обращает внимание на отнесенность двух толкований образа к когнитивному механизму и психологической природе образа и одного – к художественному образу. Исследователь определяет четкий ряд системообразующих признаков образа: представление, отпечаток в памяти, механизм, природа, эстетизированное обобщение, понятие плюс отношение, видение [Шестак 2003:34-35].

В современной когнитивной лингвистике под образным компонентом понимается продукт первичной наглядно-чувственной номинации.

В лингвокультурологии принято отличать образ от символа, который сопровождается «высокими смыслами» экстралингвистического характера. «Образ служит тем основанием, над которым надстраиваются символ и знак» [Алефиренко 2003:47]. Л.А. Шестак определяет символ как «способ и средство передачи дополнительных к понятийному значений» и усматривает отличие символа от образа в том, что символ может быть не только назван, но и изображен. «В символе устойчив образ как второе означающее». В символе образ становится означающим некоего смысла: *белый голубь* – 'мир', *красный цвет* – 'кровь', 'праздник', 'советский', 'революция' [Шестак 2003:34]. То есть образные выражения рассматриваются как продукты вторичной номинации, в основе которой лежит употребление слов в переносном значении.

Для нашего исследования, выполненного на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, значимы как образы первичной (при моделировании концепта как ментальной единицы), так и образы вторичной номинации (при экспликации концепта как фрагмента национальной картины мира).

В концепте «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в. образный компонент строится на элементах денотативных сфер «живой мир» и «неживой мир».

Образы, принадлежащие к живому миру, подразделяются на антропоморфные, зооморфные и орнитологические.

Наиболее частотными в образном компоненте концепта «Крымская война» являются антропоморфные образы.

К **мужским образам** относятся образы европейских и российских политиков.

Мужские образы в русском языковом сознании эпохи Крымской войны представлены когнитивными признаками: «европейские политики» (*Г.Д. Пальмерстон, Луи-Наполеон, Наполеон I*) и «русские политики» (*Николай, Петр I*). Экспликация русским языковым сознанием второй половины XIX в. данных когнитивных признаков обусловлена тем, что Крымская война воспринимается современниками как политическое явление, связанное с противостоянием реальных исторических личностей.

Рассмотрим средства языковой объективации когнитивного признака «европейские политики».

Антропоморфные образы европейцев–политиков в русском языковом сознании второй половины XIX в. персонифицированы и сведены к двум реальным историческим личностям: англичанину **Г.Д. Палмерстону** и французу **Луи-Наполеону**.

Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон – знаменитый английский государственный деятель, который руководил обороной и внешней политикой Великобритании, а с 1855 года стал ее премьер–министром.

Шарль Луи Наполеон Бонапарт (или Наполеон III) – племянник Наполеона I, который после ряда заговоров с целью захватить власть пришел к ней мирным путем в 1848 г. как президент республики. Совершив переворот в 1851 г., Луи Наполеон устранил законодательную власть путем

«прямой демократии», установил авторитарный полицейский режим и еще через год провозгласил себя императором Второй империи.

Русское языковое сознание связывало имена данных европейских лидеров с предательством христианской веры, развязыванием войны против Российской империи.

Имена собственные, представляющие концепт «Крымская война», являются средством создания иронии.

Образный компонент концепта «Крымская война» содержит скрытую оценку европейских политических деятелей. Карикатурно представлен в русской языковой картине мира второй половины XIX в. министр внутренних дел Великобритании Г.Д. Пальмерстон – *Вот в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон / Поражает Русь на карте / Указательным перстом.* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»).

На несерьезность фигуры лорда Г.Д. Пальмерстона указывает качественно-обстоятельственное наречие *в азарте* 'в состоянии волнения, необдуманно'.

В образный компонент концепта «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в. входят языковые единицы, имплицитно нагруженные смыслами и возможными ассоциативными связями. Например, в стихотворении В.П. Алферьева «На нынешнюю войну» возникает смысловая ассоциативная цепочка: «лорд – военачальник – вершитель судеб», которая благодаря использованию историзмов *воевода*, *перст*, свойственных славянской лингвокультуре, в сочетании с именем собственным английского лорда распадается, и образуется новая смысловая цепочка: «воевода Пальмерстон – неумелый военачальник, способный легко поразить противника лишь «на карте», «указательным перстом».

С точки зрения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, при анализе имен собственных необходимо обращать внимание на социальную окраску, стилевую принадлежность и употребительность имени [Верещагин, Костомаров, 1990:56-57]. Эта социальная окраска отчетливо ощущается

носителями русского языка. Уменьшение значимости Пальмерстона достигается за счет унифицирования его полного имени и воинского английского звания.

Воевода в русской языковой картине мира традиционно наделяется положительными качествами. Воеводу характеризует миролюбие, а в случае необходимости – умение постоять за себя, за свою Родину. Возникает противопоставление образа идеального воеводы и Пальмерстона. Воевода Пальмерстон не отличается миролюбием, он не защищает свою родину, а напал на Российскую империю, предав христианские ценности.

Образ Луи-Наполеона семантически сближается с **образом Наполеона I**: *Тогда спасали мы родную / Страну и честь и Царский трон; / Тогда, о нашу грудь стальную, / Расшибся сам Наполеон!* (Глинка Ф.Н. «Ура!»).

Имя французского правителя Наполеона I символизирует поражение союзников в Крымской войне.

На фоне фигуры Наполеона I фигура Наполеона III выглядит незначительной: *Мы видали шпагу эту / И не в таких руках...* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»). Усиливает незначительность фигуры Наполеона III его сравнение с мизинцем «капрала» Наполеона I: *Он – ваш маленький капрал, / Вы ж – под рост его мизинцу; / Да и тот не разжевал / Всероссийского гостинцу.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»). Как видим, в русском языковом сознании XIX в. образное слово несет коннотативную функцию, обладая семантической двуплановостью, экспрессивностью, эмотивностью, усилительным значением, оценочностью и художественной изобразительностью.

В русской картине мира эпохи Крымской войны проводится параллель с событиями войны 1812 года, которая закончилась поражением Наполеона I: *У того спросите вы, / Кто был первым среди счастливцев, / И теперь – кумир молвы – / Спит под стражей сослуживцев;* (П.А. Вяземский «Современные заметки»). Ироничное значение слова *счастливцев* создает ощущение обреченности действий Луи-Наполеона.

Наполеон III в русском языковом сознании предстает как бледная тень Наполеона I: *И с заправским (хоть с трудом) / Мы сочлись, взыскав все пени: / Не управимся ль путем / С бледной тенью славной тени?* (Вяземский П.А. «Современные заметки»). Языковым единицам, входящим в образный компонент концепта «Крымская война», характерна многозначность, семантическая усложненность, повышенная символичность, метафоричность, образность. Употребление эпитета «бледной» снижает значимость образа врага, а его контраст с эпитетом «славной» усиливает контраст императоров.

Образ рассматривается как наглядное представление о каком-либо явлении, факте действительности. В.М. Мокиенко усматривает в слове «первородный» образ предмета или явления и указывает на то, что за каждым устойчивым словосочетанием стоит определенный рассказ, «более или менее выкристаллизовавшийся образ» [Мокиенко 1999:12].

Когнитивный признак «русские политики» вербализован следующими словами и словосочетаниями: *Петр, царь белый, сторож русских рубежей*. Лексические единицы *царь белый, сторож русских рубежей* имплицитно указывают на царя Николая.

Белый цвет в русской христианской лингвокультуре означает святость, чистоту, невинность и божественный свет Бога. Атрибутив *белый* сближает образ русского царя и Христа – *злые нехристи... / Обижать пришли **царя белого**;...* (Майков А.Н. «Пастух»).

В концепте «Крымская война» образная номинация создает новые представления, характеристики и способствует созданию эффекта «эмоционального взрыва» [Телия]. *Сторож русских рубежей* – образная номинация, подчеркивающая, что русский царь ведет не завоевательную, а оборонительную войну, направленную на сохранение единства, цельности и независимости России: *Да, жребий твой всех тяжелей: / Ты **сторож русских рубежей**, / За все ответ несешь ты!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»).

Образ–эталон в русском языковом сознании эпохи Крымской войны – **Петр I**: *А мы за нашими царями, / Душою веруя Петру, / Как за искусными вождями / Пошли к величью и добру.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»). Петр I для русской общественности второй половины XIX в. не просто исторический деятель. Это государь, с именем которого связывается безопасность русских границ. В русском языковом сознании сила, мощь, историческое предназначение царя Николая раскрывается за счет ассоциации с Петром I: *...Тот, кто сложил с себя порфиру, / И как матрос и плотник жил; / За Русь пошел страдать, учиться, / Кто восхотел переродиться, / Чтоб свой народ переродить!* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»).

В русском языковом сознании эпохи Крымской войны возникает параллель **Меншиков – Цезарь**.

Гай Юлий Цезарь – древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Обладая блестящими способностями военного стратега и тактика, он одержал победу в сражениях гражданской войны и начал реформирование римского общества и государства. Деятельность Гай Юлия Цезаря коренным образом изменила культурный и политический облик Западной Европы. Качественное прилагательное *плохой* служит для противопоставления данных исторических фигур: **Меншиков... плохой Цезарь...**

Когнитивный признак «турецкие политики» – *Осман-паша, Али-паша, Ибрагим-паша, султан Абдул-Меджид I*. Например: *... Пиастров с тридцать даст Султан* (Вяземский П.А. «Одесса»).

Образ **султана** (Абдул-Меджид I) в русском языковом сознании второй половины XIX в. сближается с образом Иуды Искарота – предателя.

В образном компоненте «Крымская война» выделяются когнитивные признаки «французы» и «русские», которые эксплицированы лексическими

единицами, отражающими представления о французах и самих себе русского этноса середины XIX в.

Антропоним Луи-Наполеон заменен существительным **француз**, указывающим на национальную принадлежность политика. Карикатурность образа Луи-Наполеона основана на историческом контексте: *И француз за ним туда ж, / Машет дядюшкиной шпагой / И кричит: «Allons, courage!»* (В.П. Алферьев «На нынешнюю войну»). Для языкового сознания характерна ассоциативная связь «(француз) Луи-Наполеон – Наполеон I».

Наблюдается семантическое сближение в языковом сознании понятий «враг» и «француз», которое восходит к Великой отечественной войне 1812 года, когда образ врага слился воедино с образом француза.

Образ русских собирателен. Русские – это «мы», «семья», «орлиное гнездо». Слова *мы, семья, орлиное гнездо* имеют общую сему 'единство'. То есть сила русских заключается в их единстве. В этом заключается своеобразие русской национальной картины мира.

Когнитивный признак «враг» объективирует в русском языковом сознании лексемы, отражающие восприятие русским языковым сознанием врагов – *лицедеи, полководцы, мудрецы, ротозеи, грамотеи, француз из бордо*.

Образ **врага** России дробный, построенный на семантической диссимилиации – *А не худо б господам / Европейским лицедеям, / Полководцам, мудрецам, / Ротозеям, грамотеям, / И Французу из Бордо, / И заносчивому лорду...* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Дробному образу **врага** России противостоит целостный образ **защитников России**: *Всем, в орлиное гнездо / Не спроясь уткнувшим морду...* (Вяземский П.А. «Современные заметки»). Метафора «Россия – орлиное гнездо» эксплицирует не только целостность, но и величие России.

Когнитивный признак «защитники отечества» представлен лексемами *орлиное гнездо, народное ополчение*, символизирующими силу России, способность противостоять врагу: *И в день, когда мы празднуем / Священный*

праздник Твой, / Опять Москва собирается / В поход на жаркий бой, / Народным ополчением / На царский зов встает, / И в руку знамя бранное, / Перекрестясь, берет... (Ростопчина Е.П. «Молитва об ополченцах»). Атрибутивный признак *народное* подчеркивает масштабность и значимость ополчения.

Русское языковое сознание эпохи Крымской войны антонимично. То, что связано с Россией, русскими имеет положительную коннотацию, а то, что ассоциируется с союзниками, – отрицательную.

Эмоционально насыщенными в русском языковом сознании эпохи Крымской войны являются **женские образы**. Эмотивность выступает как семантический компонент экспрессивности [Алефиренко, Золотых, 2004:167]. Эмотивный компонент передает конкретные чувства: положительное (ободрительное) отношение к женщинам.

Женщина в русском языковом сознании эпохи Крымской войны не только сестра, мать, но и защитница отечества. Когнитивный признак «защитники отечества» эксплицирован лексическими единицами *сестры*, *сестры Крестовоздвиженской общины*.

Образ **сестер Крестовоздвиженской общины** является ярким, эмоционально-насыщенным. Сестры Крестовоздвиженской общины первыми откликнулись на военные события в Крыму. Они помогали медикам в организации помощи раненым и больным.

Яркими в структуре образного компонента «Крымская война» являются когнитивные признаки, отражающие семейные отношения.

Когнитивный признак «сестра» – *Нет! Вдохновенная отвагой богатырской, / Как сестры, вы пошли за братьями в бой!* (Ростопчина Е.П. «Сестрам Крестовоздвиженской общины»). Русские женщины отважны, готовы к самопожертвованию на благо Родине.

Когнитивные признаки «дядя», «племянник» и их экспоненты *дядюшка* и *племянник* характеризуют образы **Луи-Наполеона** и **Наполеона I**.

В концепте «Крымская война» русского языкового сознания **образ Луи-Наполеона** семантически сближается с образом Наполеона I: *Если дядюшка бесславно / Из Руси вернулся вспять, — / Так племяннику подавно / И вдали не сдобровать.* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»). Суффикс –юшк– служит для передачи уменьшительно-уничижительного значения.

Когнитивный признак «семья» эксплицирует образ русских – *Вся русская твердит семья: / Хвала и слава вам, друзья, / И многи, многи лета!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»).

В русском языковом сознании лингвокультурную обусловленность имеет триада образов: «**баня – банщик – банный веник**», представленные когнитивными признаками «дать отпор врагу», «средства для отпора врагов», «защитник отечества».

Помимо прямого значения 'специальное помещение или учреждение, где люди моются и парятся' слово «баня» имеет также значения: 'средство от болезней', 'место излечения болезней' (*Баня парит, баня правит; Коли б не баня, все б мы пропали; Баня – мать родная*); 'очищение физическое, духовное и ритуальное' (*Баня все грехи смое*). Баня в русской культуре использовалась и в качестве места поминовения умерших. Одновременно баня считалась местом ритуально нечистым. В качестве магического пространства, находящегося в «распоряжении» нечистой силы, баня использовалась во время гаданий. В бане, согласно народным поверьям, могли жить кикиморы, проклятые дети, черти, банник (баенник).

В русском языковом сознании второй половины XIX в. триада наглядно-чувственных образов «**баня – банщик – банный веник**» является способом передачи информации, адекватным уровню ментального восприятия человека. О.И. Глазунова [2000] полагает, что в образовании ассоциативных связей участвуют те предметы действительности, которые являются универсальными носителями признаков и характеризуются постоянным присутствием данного признака и высоким уровнем его конкретизации.

Баня в русской лингвокультуре объединяет четыре главные природные стихии: *огонь, воду, воздух и землю*. Поэтому русский человек, посетивший баню, как бы вбирал в себя силу всех этих стихий и становился крепче, сильнее и здоровее. Иностранцы издавна удивлялись русскому обычаю париться в бане. Да и на самом деле вид человека, только что вышедшего из парилки, необычен: лицо все красное, пот так и катится, глаза утомленные ... Можно подумать, что его кто-то только что устыдил, напугал, выбранил. Вероятно, это внешнее сходство и привело к тому, что выражение «задать баню» стало означать: *дать взбучку, сильно отругать*. Любопытно, что рядом с ним имеются другие сходные выражения: «задать головомойку», «намылить голову». В языковом сознании эпохи Крымской войны в значение слова «баня» входит сема 'дать сильный отпор врагу': *Как, по старым образцам / И по Русскому уставу, / Баню жаркую гостям / Затопили мы на славу*. (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Неотъемлемыми атрибутами русской бани является горячий пар и банный веник (*Дух парной, дух святой!; Баня без пара, что щи без навара!; Пар костей не ломит, вон души не гонит!; В бане парок и ладит, и гладит; Душистый пар не только тело, но и душу лечит; Жаркий пар любой недуг исцелит; Поддай парок да лезь на полук; Когда паришься – тогда не старишься!*). В образе **банного веника**, свойственного языковой картине эпохи Крымской войны проявляется потенциал образа – «возможность разнообразных интерпретаций ситуации, соответствующей образу – задает возможности развития значения идиомы, то есть структуру ее полисемии» [Баранов, Добровольский, 2009:27]: *И за то помилуй Бог! / Как мы их перевернули, / Как от маковки до ног / Шкуру вениками вздули!* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Образный компонент является результатом языкового моделирования (наглядного обобщения и отбора) культурно значимых феноменов национальной культуры. В образе **банщика** обобщены такие черты русского человека, как сила, мужественность, выносливость: *Свой у каждого прием: /*

*Ведь что город, то и норы – / Так учил нас под огнем / Славный **банищик** наш Суворов.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Семантически с образом банщика связаны образы защитников Севастополя: *...Душа и вождь их **Горчаков!** / Булаты наши, в день кровавый, / Вы **Лидерс, Шильдер, Ушаков!*** (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *Свершить твой подвиг начатой / Не мог ты, воин удалой, / Наш **Соймонов** бесстрашный!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»); ***Корнилов** храбрый, – ты тужил, / Что не довольно послужил / Царю, отчизне, Богу: / Утешься!.. Смертию честной / Другим сынам страны родной / Ты указал дорогу!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»).

В русском языковом сознании отражаются не только имена известных полководцев эпохи Крымской войны *Горчака, Лидерса, Шильдера, Ушакова, Соймонова, Корнилова* и др., но и даются им характеристики: 'вдохновитель' – *душа и вождь*, 'отличающийся удачью' – *воин удалой*, 'не знает страха' – *бесстрашный*, 'смелый' – *храбрый*, 'свершают подвиги' – *твой подвиг начатой*, 'смерть' – *смертию честной*, 'служит отечеству' – *послужил Царю, отчизне, Богу*. Таковы основные характеристики защитников отечества в русской языковой картине мира середины XIX в.

В образном компоненте выделяются когнитивные признаки «защитники христианства» и «предатели христианства», отражающие бинарность языкового сознания. Отличительной чертой русского языкового сознания эпохи Крымской войны является то, что Россия воспринимается как страна, защищающая христианскую веру и христианские народы, тогда как европейцы воспринимаются как предатели Христа.

В образный компонент концепта «Крымская война» русского языкового сознания эпохи Крымской войны входит антропоморфный образ **воина** – защитника христианства. Когнитивный признак «защитники христианства» актуализируется следующим контекстом: ***Христолюбивые герои** / И ратоборцы алтаря! / Ваш клик пред битвою кровавой, / Клик смертоносный*

для врагов: *«Иль победить, иль пасть со славой / На трупах вражеских полков»*. (Вяземский П.А. «Современные заметки»). В русском языковом сознании образ защитника представлен лексемами *богатыри*, *дружины славы*: *богатыри земли родной...* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»); *Вам исполать, дружины славы!* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Богатырь в русской лингвокультуре всегда связан с идеей защиты отчества, соплеменников. Богатырь – ‘герой русских былин и сказок; воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, смекалкой’. Фольклорный богатырь помогает земле-матушке, государю-батюшке в той или иной беде. В образе богатыря нашли отражение такие положительные качества, как сила и доброта, ратные подвиги и нравственное начало. Только богатырю под силу спасти княжество от врагов, только он сможет выполнить, кажется, невыполнимые поручения. Богатырь – это образ сильного и справедливого человека.

Словосочетание *богатыри земли родной* в русской языковой картине мира символизирует защитников отчества от неприятеля.

Словосочетание *дружины славы* отсылает к XI—XII вв., когда дружина являлась необходимым элементом в древнерусском обществе, как для обеспечения внутреннего порядка, так и для обороны от внешних врагов.

Когнитивные признаки «русские», «европейцы» в концепте «Крымская война» XIX в. сохраняют информацию, связанную с представлениями русских о себе и противниках.

Европейцам дается явно отрицательная оценка: *И во всем, что нужно знать / Из событий той эпохи, / Чернь умов и даже знать – / Все в Европе очень плохи*. (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Образы русских и европейцев противопоставлены друг другу как два духовных антипода.

Европейцы в русском языковом сознании: *Потомки Нельсона, бесславные потомки / Стыдом Британский флаг вам удалось облечь.* (Вяземский П.А. «Одесса»).

Русские – 'защитники христианства'. Например: *Но с нами Бог! Ура! Наш подвиг свят, / И за Христа кто жизнь отдать не рад!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Европейцы – 'предатели христианства'. Например: *Гасители божественного Света* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Когнитивный признак «провозглашает победы» отражает веру общества и поэтов в разящий дар слова.

Антропоморфный образ **поэта**. Поэт – это *певец побед, жреческий голос, <способен> грянуть речью громовой.*

Поэт – это тот, кто провозглашает победы: *Наш век велик, могуч и славен; / Но где ж, Россия, твой Державин? / О, где певец твоих побед? / И где кимвал его, литавры, / Которых гром внимал весь мир?..* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»).

Стихотворение поэта уподобляется **мечу**: *Мой стих есть тоже меч и с вашими мечами / Ужели не блеснет за Русь он под грозой?* (Майков А. «Послание в лагерь»). Предметный образ «**меч**» в русской лингвокультуре символизирует силу, власть, достоинство, лидерство, высшую справедливость, свет, мужество. Во многих мифологиях меч имеет амбивалентное значение, в котором противопоставляется жизнь и смерть. Меч разделяет и отделяет душу от тела, небо от земли. В христианстве меч олицетворяет страсти Господни, мученичество. Он является оружием архангела Михаила, а также используется в качестве атрибута многих святых. С помощью меча отсекается все недостойное и бесплодное, «всякое дерево, не приносящее доброго плода». Библейские херувимы с огненными

мечами охраняют врата рая. Меч при этом символизирует начало высшей справедливости.

В концепте «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в. выстраивается ассоциативная связь «меч – гроза – война».

Гроза имеет двойственную этимологию: ср. греч. *υορυος* «страшный», «ужасный», ирл. *garg* «суровый» [Фасмер 1996:459–460], ц.-слав. **ОГРОЗИТИ** «устранить, низвергнуть» [Варбот 1996:745] и лит. *gražus* «красивый» [Топоров 1962:73–75]. Лексикографическое истолкование слов меч, гроза, война сближается: 'беда, опасность', 'того (чего), кто (что) внушает страх, наводит ужас' [Словарь русского языка 1985:348]. Война – суд, война – спор.

Когнитивный признак «божественный суд» содержит информацию, отражающую соответствие религиозной нравственности, религиозным правилам.

В русском языковом сознании середины XIX в. война имеет религиозную подоплеку. Праведный суд – это суд, на котором перед Христом предстанут отступники европейцы.

Образ **праведного суда** – *Глас божий: Сбирайтесь на праведный суд...* (Хомяков А.С. «Суд Божий»).

Концепт «Крымская война» русского языкового сознания середины XIX в. включает признак «символы единства и спасения России»: *Спасемся мы в годину наваждений, / Спасут нас крест, святыня, вера, трон! / У нас в душе сложился сей закон, / Как знаменье побед и избавлений!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Крест, святыня, вера, трон являются ключевыми понятиями для русской лингвокультуры.

Крест в русской православной лингвокультуре обозначает древний знак, обозначающий Бога, Всевышнего. Является предметом религиозного почитания.

Трон в русском языковом сознании является символом власти. Трон наряду с мечом, скипетром и державой являются атрибутами справедливости, храбрости, гнева и твердости.

Святыня для православных – это все посвященное или отделенное для Господа.

Вера выступает в качестве образа–символа: *Велишь, – и снова Русь твоя / За веру постоит, / И православных воинов / Оружье победит!* (Ростопчина Е.П. «Молитва об ополченцах»); *Мы веры нашей, спроста, не теряли / (Как был какой-то западный народ); / Мы верою из мертвых воскресали, / И верою живет славянский род.* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Символ России – образ **орла**: *Летит он в Питер с доброй вестью, / Что Русских рать свое взяла, / Что озарились новой честью / Птенцы Державного орла.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Ключевым для русского языкового сознания эпохи Крымской войны является предметный образ **ключи Вифлеемского храма**. Данный образ получает новое значение в эпоху Крымской войны, является отправной точкой ее начала.

Символом веры, права главенства православной церкви в Святых Местах в эпоху Крымской войны стали **ключи Вифлеемского храма**, которые Турция отобрала у православных греков: *В 1853 г. мусульманская Турция, поощряемая Францией, Англией и Ватиканом, отобрала у православных греков ключи Вифлеемского храма и передала их католикам.* (Календарь «Святая Русь»). Вифлеемский ключ в глазах христиан востока символизировал первенство той церкви, которая им обладает.

В концепте «Крымская война» ядерными семантическими компонентами, определяющими компонент–концепт «вера» в русском языковом сознании эпохи Крымской войны, являются: *единая, святая, соборная.*

Когнитивный признак «символ государственности» – *двуглавый орел, одноглавый орел, флаг, скипетр*. Данные лексемы являются культурно-значимыми. Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, С.М. Мезенин, В.Н. Телия, В.М. Шаклеин и другие ученые отмечают, что рассматриваемые в лингвокультурологии языковые образы являются результатом наглядного обобщения и отбора культурно значимых событий и ситуаций.

Орнитологический образ-символ **орла** является универсальным для русской лингвокультуры эпохи Крымской войны. Изначально орел принадлежал к сфере образов и только после 1882 года, когда герб Российской империи украсил в золотом щите черный двуглавый орел, коронованный двумя императорскими коронами, над которыми такая же, но в большом виде, корона с двумя развевающимися концами ленты Андреевского ордена, образ орла приобрел символическое значение и образ стал «вторичным означающим». В современном языковом сознании двуглавый орел является символом государственности – *Двуглавый орел с одноглавым орлом, / И скачущий лев с однорогим конем,...* (Хомяков А.С. «Суд Божий»).

Символом государственности является **флаг** – *И флаг под звездами ночными*. (Хомяков А.С. «Суд Божий»).

Государственный **флаг** в русской лингвокультуре середины XIX в. приобретает символическое значение. До Петра I государство жило без национального флага – объединяющего народ знака. Символами единства народа, государственности были Бог и Царь. На войну с врагом выходили с церковными хоругвями и полковыми знаменами, на которых был изображен Спаситель.

Появление флага России связано с именем Петра I, который 20 января 1705 года издал указ, обязывающий поднимать красно-сине-белый флаг на всех российских кораблях.

Триколор в русской лингвокультуре имел свою символику. В традиционно русском костюме больше всего белого, синего и красного. Считалось, что белый цвет – божественный, синий – небесный, духовный, красный – земной, человеческий. Также в русской лингвокультуре белый цвет символизировал веру, синий – надежду, а красный – любовь.

Скипетр – древнейший символ власти – ...*Все осязательней и ярче тридцать лет / Осуществляется под скиптром Николая.* (Майков А. «Послание в лагерь»). В состав атрибутов царской власти скипетр вошел в 1584 г. при венчании на царство Федора Иоанновича. Синонимом слова царь в русском языке стало *скипетродержатель*.

Актуализация русским языковым сознанием когнитивного признака «измена христианству» в концепте «Крымская война» свидетельствует о том, что для русского человека значимо служение Христу – *Христианин за турка на Христа! / Христианин – защитник Магомета!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Идея отступничества от веры в русском языковом сознании второй половины XIX в. ассоциативно связана с образами **Христа** и **Магомета**.

Как предательство Христа и следование Магомету воспринимается русскими выступление против России христианских стран Англии и Франции в союзе с Турцией.

Когнитивный признак «символ христианства» представлен лексемами *великая Суббота, икона чудотворная*.

Идея отступничества от Христа усиливается тем, что начало военных действий совпало с великой субботой.

В русском языковом сознании эпохи Крымской войны **великая Суббота** выступает в качестве символа христианства: *И выбрали ж вы день, великую Субботу, / Чтобы предательски напасть на Христиан: / Иудам, выдавшим Христа, вам за работу / Пиастров с тридцать даст Султан.* (Вяземский П.А. «Одесса»).

Выстраивается ассоциативная связь «Россия – великая Суббота – Христос – Иуда». Образные ассоциации являются неотъемлемыми элементами умственной деятельности человека. Как отмечают исследователи, любая информация может быть разложима на наглядно-образные составляющие или передана с помощью более простых ассоциаций [Глазунова 2000:39]. Символика образа Иуды заключается в том, что он связан с идеей предательства Христа и христианских ценностей.

В концепте «Крымская война» языкового сознания русских эпохи Крымской войны диады «Россия – Христос» и «Европа – Султан» противостоят друг другу.

Изначальный образ артефакта в концепте «Крымская война» основывается на реалии с последующим наращением качеств и свойств предмета. Смысловая параллель образов денежных средств «пиастры – сребреники» усиливает идею предательства и отступничества от Христа европейцев.

Пиастры – турецкая денежная единица, которая была введена султаном Сулейманом II в 1687 г., чтобы заменить обращавшиеся тогда в Турции австрийские талеры.

Актуализация в концепте «Крымская война» языкового сознания второй половины XIX в. лексемы *сребреники* связана с библейской историей о тридцати сребрениках, за которые Иуда Искарот продал Иисуса Христа.

Языковой образ, по определению Н.Ф. Алефиренко, представляет собой вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного образа [Алефиренко 2002:18-19]. Языковой образ дает ключ к разгадке мировидения и миропонимания определенной этнокультурной общности. **Образ чудотворной иконы:** *Заступница усердная / Молящейся Руси, – / Икона чудотворная, / Помилуй и спаси!* (Ростопчина Е.П. «Молитва об ополченцах»). Субстантив *чудотворная* имеет лексическое значение 'совершающий, творящий чудо'.

Когнитивный признак «чувства, переживания» представлен лексемой *сердце*.

Это яркий зрительный образ органа человеческого организма, чувства, настроения, переживания человека, двигатель, источник активности (в данном случае, на благо Родине). Анализ семантемы «сердце» позволяет выделить четыре лексико-семантических варианта, зафиксированных словарями русского языка: 1) центральный орган человеческого организма; 2)местилище чувств, настроений, переживаний, страхов человека; 3) важнейшее место, центральная часть чего-нибудь; 4) двигатель, источник чего-нибудь. В образном компоненте концепта «образные средства актуализируют стоящие за языковыми единицами концептуальные структуры и конденсируют знания о мире» [Николина, 2007:85].

В концепте «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX века образ **сердца** синтезирует все выявленные компоненты значения слова.

Образ **сердца** синонимичен с образом **души**: *Пора! Завеса разорвалась! / В нас сердце Русское сказалось! С тех пор, как жреческий твой голос / Умолкнул, – много Русь боролась / Со злым врагом и клеветой.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»).

Связь души и сердца в русской культуре тесная и многогранная. Сердце выступает как средоточие психической жизни, какместилище души, как плотский эквивалент души. Иногда сердце и душа сопоставляются как две стороны психической жизни человека (см.: *Сердце – вещун, а душа – мера*). Здесь отразился взгляд на сердце как наместилище души, обладающее определенными метафизическими свойствами. Душа является эталоном, мерилем всех остальных явлений человеческой жизни. Душа может выступать как некая сущность, управляющая сердцем (например: *Сердце – пестун, а душа – дядька*). Сердце также может влиять на душу (например: *Сердце душу бережет и душу мутит*).

Центральное место в концепте «Крымская война» занимает образ-символ России.

Образ России метафоричен. В состав концепта «Крымская война» входят метафоры «машина», «воительница», «голова», «душа», «руки» и т.д.

Когнитивный признак «Россия» актуализирован следующим контекстом: *Он еще не раскусил, / Что за машина такая / Наша Русь, и в сколько сил!* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»).

Метафора «Россия – **машина**» имеет лексическое значение 'могущественная'.

Русское языковое сознание второй половины XIX в. наделяет Россию антропоморфными чертами. Россия – это воительница, у которой есть *голова, душа и руки*: *С душой коленопреклоненной, / С главой, лежащею в пыли, / Молись молитвою смиренной / И раны совести растленной / Елеем плача исцели!... Держи стяг божий крепкой дланью, / Рази мечом – то божий меч!* (Хомяков А.С. «России»).

Огромную роль в экспликации образа России играют соматизмы, передающие движения, действия, позы. Например, соматизм «коленопреклоненной» говорит о старинном русском обычае низко кланяться, с прикосновением лба (устаревшее наименование – «чело») к земле.

Образы **Россия – Европа (Англия, Франция) – Турция** контрастирующие. С одной стороны, то, что связано с Россией, имеет положительную оценку, а с другой стороны, то, что связано с Европой и Турцией, имеет отрицательную оценку.

Когнитивный признак «Англия» актуализирован контекстом: *То-то будет удивление / Для практических голов, / Как **высокое давление** / Им покажут без паров.* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»); *Знайте ж – машина готова, / Будет действовать, как встарь; / Ее двигают три слова: / Бог, да Родина, да Царь!* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»).

Образ **Англии** в концепте «Крымская война» противопоставлен образу России. Вопреки мнению англичан о превосходстве их военной техники и отсталости парусного флота Российской империи, русское языковое сознание отмечает мощь России, способность отразить врага.

Словосочетание *тройка удалая* входит в когнитивный признак «новости».

Константой русской лингвокультуры является зооморфный образ **тройки**. Тройка выступает как символ России, ее громадных расстояний. Национальный русский способ запрягать лошадей по три в ряд появляется в середине XVIII века. Этот способ быстро получил широкое распространение ввиду своих неоспоримых достоинств: высокой скорости, большей грузоподъемности и хорошей проходимости. Европейская двуконная упряжка была малоприспособленной для дальних странствий по российской целине. При запряжке же тройкой лошади занимали пространство шире, чем повозка, уменьшая вероятность падения седока из экипажа. Кроме того, три лошади тянули повозку гораздо резвее, нагрузка распределялась по трем лошадям, и оттого лошади могли меньше уставать. Все иностранцы, испытавшие езду на тройке, единогласно утверждали, что нет более лихой и быстрой езды.

Образ **тройки** в концепте «Крымская война» связан с хорошими новостями: *Вот мчится тройка удалая / Вдоль по дорожки столбовой, / Летит курьер из-за Дуная / В пыли и славе боевой.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Образ **города** в концепте русского языкового сознания является значимым для русского языкового сознания середины XIX в.

Когнитивные признаки «христианские города», «мусульманские города» актуализируется следующим образом: *Сколько в свете есть городов и сел, / И которые христианские, / И которые басурманские;...* (Майков А.Н. «Пастух»).

Лингвокультурема «басурман» является идиоматичной для русского языкового сознания. Д.О. Добровольский, рассматривая когнитивный статус

образности и ее роль в понимании идиом, отмечает, что образ действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащая в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [Баранов, Добровольский 2009:25].

Лингвокультурема **басурман** (от тюрк. *busurman*) имеет значения 'нехрист', 'мусульманин', 'враг', 'иноземец', 'неприятель'. Использовалась в середине XIX в. – начале XX как в разговорной речи, так и в официальных документах.

Топонимы *Москва*, *Париж* для русской лингвокультуры середины XIX века являются значимыми, поскольку знаменуют две столицы противоборствующих стран. Топонимы имеют достаточно обширный лексический фон. Особенностью функционирования топонимов в концепте «Крымская война» является их историческая достоверность: они указывают на реальные города, являющиеся столицами Франции и России.

Когнитивные признаки «столица России» и «столица Франции» включают слова и словосочетания: *Москву свою зажгли, город ваш враждебный, за Москву, столицу Франции*.

Города Париж, Москва в русском языковом сознании эпохи Крымской войны являются результатом визуально-ценностного восприятия человеком окружающего мира.

Город символизирует защищенность. Это убежище от врагов. Не случайно в русском языковом сознании эпохи Крымской войны возникает антитеза «Москва – Париж», которая имеет сложную когнитивную структуру: «Москва – родной город сожжен», «Париж – город врагов спасен». *Мы **Москву** свою зажгли / Словно жертвенник молебный – / И, не помня зла, **спасли** / Мы же **город** ваш враждебный*. (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *И видел, что, за наши грады / И за Москву, – наш Царь не мстил / И белым знаменем пощады / Столицу Франции покрыл*. (Глинка Ф.Н. «Ура!»).

Возникновение образов сожженного родного города и спасенного города врагов не случайны. Это актуализация недавнего исторического прошлого – войны 1812 года, когда во время оккупации войсками Наполеона I Москвы произошел пожар, практически уничтоживший город.

Образ **Москвы** – символ русской жертвенности, крушение планов Наполеона.

В образный компонент концепта «Крымская война» входят имена существительные – географические названия. Они представляют когнитивные признаки «наши города» и «города врагов».

Наши города – это *страдалица, Одесса молодая, младшая сестра, Царевна, Севастополь родной*.

Чужие города (города противников) – *Париж сумасбродный, Данциг, Сарагосса, Троя*.

Образы русских городов – **Одессы, Севастополя**: *А ты страдалица, Одесса молодая, / Ты южная звезда на Русских небесах, / Ты младшая сестра в семье родного края / Царевна в Русских городах!* (Вяземский П.А. «Одесса»).

Для русского языкового сознания характерно метафорическое восприятие Севастополя: **Севастополь – Москва, Севастополь – Троя**. *Севастополь, подъ стегнами котораго разыгрывалась вторая Иліада. Если въ эти 2 меѣсяца ничего не рѣшиться, то, пожалуй, будетъ продолжаться, какъ осада Трои, и тогда посмотримъ, какой бифштекс сдѣлается Улиссом.* (Пирогов Н.И. «Севастопольскія письма Н.И. Пирогова 1854-1855»).

Образ европейских городов дополняется следующим рядом: *...Нам не в Париже сумасбродном, / Не в дряхлой Вене образец.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»); *Что Данциг, Сарагосса, Троя / Пред Севастополем родным?* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»).

Когнитивный признак «родной город» характеризуется лексемами: *матушка-Москва, Москва-мать*.

Слова мать и мачеха в русской лингвокультуре являются выразителями универсальных оценок: сверхположительной и свертрицательной. Метафора Москва – мать: *Сегодня **матушка-Москва** / Вас чествует и славит; / Настанет день, придет пора, – Она воскликнет вам ура! / С победой вас поздравит!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»). Данная метафора нашла отражение и в пословичном фонде: *За **Москву-мать** не страшно умирать; **Москва** – всем городам **мать**; **Москва** – всем столицам голова.*

Когнитивный признак «поражение неприятеля» представлен дихатомичными образами «**победа России – поражение Европы**». Данные образы актуализируют информацию, связанную с ожиданием скорого поражения противника: *Отдохнув от непогоды, / Забывается Европа: / **Ей двенадцатый наш год** – / **Как преданье до потопа.*** (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Образ **Кремля** в русском языковом сознании олицетворяет силу, гордость Российской империи, не терпевшей обиды и крушение планов Наполеона III: *Кем полна была земля, / Кто взлетал на пирамиды – / И был сброшен в прах с **Кремля**, / Не стерпевшего обиды.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Когнитивный признак «победа». Символом победы русских и награды победителей, их мужества является **победоносный крест**: *Царь вестнику спасибо скажет, / И в почесть и для красоты / На груди бранная навяжет / **Победоносные кресты.*** (Вяземский П.А. «Современные заметки»). О силе самого знака креста писал протопоп Исаак Сирин: «Божественная сила таинственно живет в нем [кресте] – точно так же, как Бог имеет обыкновение действовать во всяком поколении, показывая чудо силы Своей в том, что на материальных предметах во все времена помещает Он страшным образом Свое честное Имя и являет в них миру чудеса и величие» [Исаак Сирин 1998:99–100]. Крест в славянской лингвокультуре приобретает сакральный смысл.

Когнитивный признак «жертвы» – *много крови, кровавый спор*.

Европа ассоциируется в русском языковом сознании с **кровью** европейцев и россиян – *И плач, и кровавое горе*. (Хомяков А.С. «Суд Божий»); *В Европе слишком много кровью / Сама земля напоена; / Враждой упорной, не любовью...*(Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»); *Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон! / Великое время пришло / Для **тризны кровавой**, больших похорон: / Мой суд совершится, мой час положен,...* (Хомяков А.С. «Суд Божий»); *Спешат, и, **кровавый предчувствуя спор**, / Смятенья, волнения полны, / Сбираются, грозный, гремящий собор, / На Черное море, на синий Босфор: / И ропщут, и пенятся волны*. (Хомяков А.С. «Суд Божий»).

Когнитивный признак «ислам» представлен лексемой *луна*. Небесная сфера является важнейшей составляющей русской национальной ментальности. В русской культуре небо, высокое и непостижимое, противопоставляется земному, бытовому, повседневному. В этом отразилась бинарная система мировосприятия русского народа – христианская и языческая [Толстой 1995:157]. Образ **луны** в русском языковом сознании является символом мусульманской религии, символом Турции: *И такъ, не смотря на жестокий натискъ **христiанскихъ державъ, поборницъ луны**, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушенiемъ, мы уповаемъ на Бога, на его чудотворную святую силу, видимо поднесъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствiя непрятельскихъядеръ и бомбъ, густымъ дождемъ насыщающихъ надъ нашими головами*. («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»).

Когнитивные признаки «военные успехи российской империи» и «военные неудачи союзников» отражают представления общественности, связанные со способностью России отразить неприятеля.

Русское оружие в русском языковом сознании эпохи Крымской войны символизирует военные успехи (*Ружья - что твой лес! Каски медные, / Полы загнуты, сапоги в пыли: / Идут - стонет дол! Чуешь - сила валит,...* (Майков А.Н. «Пастух»), тогда как **оружие противников**, напротив, –

неспособность противостоять русским. В руках русских даже *трехгранная кочерга* превращается в оружие, способное нанести противнику поражение.

Оружие неприятеля представлено когнитивным признаком «отсутствие символа личных военных успехов»: *Машет дядюшкиной шпагой <о Наполеоне III>* (Алферьев В.П. «На нынешнюю войну»).

Выражение *дядюшкина шпага* имеет образно-метафорическое значение и несет экспрессивно-образный компонент коннотации.

Метафора *трехгранная кочерга* свидетельствует о способности Российской империи дать отпор врагам: *Как **трехгранной кочергой** / Чистотульского изделия / Жар сгребали на убой / Им на баню новоселья.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»).

Когнитивный признак «время» представлен лексемами *бывало, теперь*. В русской лингвокультуре образ времени демонстрирует своеобразие национальной картины мира. Время в образном компоненте концепта «Крымская война» лишено конкретики. Оно актуализировано семой 'эпоха, период в жизни человечества, народа, государства, общества'.

Образ **времени** связан с образом **поэта**. Когнитивный признак «поэт». Время изменило мироощущение поэта и отношение к творчеству. Если раньше – это «праздная забава», то теперь – «отклик боевой». В прошлом: *Меня гармонии **тогда** пленяли тайны, / И сам своих стихов заслушивался я.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»). В настоящем: *Не служит стих мне праздною забавой. / Он рвется из души, как отклик боевой.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»).

Когнитивный признак «судьба России». Образ **судьбы** имеет национальную специфику: *Не вам **судьбы** России разбирать!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»). Понятие судьбы принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных. В русском языковом представлении «судьба» олицетворяет собой непредсказуемость будущего с проистекающей из этого неспособностью

человека контролировать свою жизнь и среду. Это отражается в языке: *в руках судьбы, волею судеб, судьба посылает, бросить на произвол судьбы*. «Судьба как власть, с одной стороны, и человек, подчиненной этой власти, с другой – такова стереотипная ситуация, характеризующая феномен судьбы в русской народной культуре» [Ковшова 1994:137].

Таким образом, образный концепт концепта «Крымская война» включает в себя антропоморные образы, связанные с именами европейских политиков (Г.Д. Палмерстон, Луи-Наполеон, Наполеона I), турецких политиков (султан Абдул-Меджид I), российских политиков (Петр I, Николай), врагов (французов, англичан, турков, басурман), защитников отечества (богатыри, дружины славы, сестры Крестовоздвиженской общины, Суворов, Горчаков, Лидерс, Шильдер, Ушаков, Соймонов), европейцев, русских, россиян и поэта.

Образы Христа и Магомета в концепте «Крымская война» взаимосвязаны с образами Россия – Турция и несут информацию и религиозном характере Крымской войны.

Образы Москвы, Парижа, Одессы, Севастополя и т.д. обозначают противостояние русских и нерусских городов.

Эмоционально насыщен образ, связанный с бессмысленными жертвами, зря пролитой кровью.

Предметные образы включают символы государственности и веры – крест, трон, святыня, флаг, скипетр, чудотворная икона, символы победы – оружие,

Предметный образ «ключи Вифлеемского храма» символизирует причины начала Крымской войны, а предметный образ «пиастры» – предательство православия, Христа.

Символом греха, преступности врагов в концепте «Крымская война» русского языкового сознания XIX в. является великая Суббота.

Образы России и Кремля отражают величие, непобедимость русских, как и орнитологические образы орла (двуглавый орел, одноглавый орел, орлиное гнездо).

В состав образного компонента концепта «Крымская война» также входят событийные образы праведного суда и судьбы.

§2. Понятийный компонент концепта «Крымская война»

2.1. Общие когнитивные признаки

Общие когнитивные признаки отражают целостность восприятия исторического события.

Концепт «Крымская война» актуализируется лексемами, отражающими факт начала войны. Когнитивный признак «объявление войны» – *Турция объявила войну России*. (Календарь «Святая Русь»); *Мы знали и прежде, что Пальмерстон составил уже министерство, **итак** – война*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

В концепте «Крымская война» актуализирована информация, отражающая отсутствие видимых причин для начала военных действий. Когнитивный признак «нет явных причин войны» – ***причин** ее <Крымской войны> никто не понимал, цели в ней не видел*.

В концепте «Крымская война» «причины войны» выражены имплицитно – *преобладание Турции на берегах Босфора; Наполеон начал все дело из личной мести*.

Таким образом, к основным причинам начала Крымской войны в русской языковой картине мира относятся следующие факторы: обострение восточного вопроса, спор из-за святых мест, возрастание влияния Турции, месть императора Франции Наполеона III. Также в русском языке сознания представлена информация об отсутствии точной причины войны.

Характер военных действий эксплицируют признаки «оборонительный характер войны» и «наступательный характер войны» – ...война... *превратилась для нас в оборонительную.* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»); *Наступательная въ началѣ, когда противниками нашими были одни турки, она превратилась въ оборонительную, когда западныя державы, по расчетамъ политики или личнымъ видамъ правительствъ, послали противъ насъ громадныя морскія силы.* («Обзор дѣйствій на морѣ, въ теченіе настоящей войны до синопского сраженія включительно»).

Признак «части и соединения» – *Бородинскому, Тарутинскому, Углицкому, Егерскому Его Высочества Михаила Николаевича и другимъ полкамъ; Генерал Врангель не забыл своего обещания и прикомандировал меня к Донскому Казачьему № 45 полку.* («Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); *Я вовсе даже и не знал, где стоит этот 45-й Донской полк и как мне при нем придется жить.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); *Продолжительнѣе другихъ полковъ гостилх въ Симферополь гусарскій гротссь-герцога Саксенъ Веймарскаго полкъ, съ которымъ наше общество имъ толо время болѣе сблизиться.* (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Когнитивный признак «поражение» – *кровавое сражение на Альме закончилось поражением русских; Въ Севастополь стали привозить раненыхъ въ альмскомъ сраженіи, и вѣсть о проигрышѣ этой битвы быстро разнеслась по городу.* («5 (17) октября – первое бомбардированіе Севастополя»).

Когнитивный признак «бомбардировки» – *былъ оглушительный трескъ орудій, дѣйствовавшихъ съ обѣихъ сторонъ числомъ болѣе, нежели до тысячи; на другой день ожидали новаго бомбардированія; союзники намѣрены были снова предпринять бомбардированіе съ моря; ...уже двадцатый день, какъ непріятель громитъ насъ день и ночь, бросаетъ въ городъ бомбы, каленые ядра и конгревовы ракеты; намъ нетъ спасения от*

каленных ядер в Севастополе; всем надоела постоянная бомбардировка; С 24 августа началась сильная бомбардировка бастионов;... («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»); Теперь уже седьмой въ огонь <Севастополь>, и день ото дня намъ кажется не легче и не безопаснѣе сопротивляться силамъ и рѣшительности врага. («Отрывки изъ писемъ доктора»).

Когнитивный признак «генеральное сражение» – *ждут с нетерпением генерального сражения.*

Начало Крымской войны связано с обострением восточного вопроса. Когнитивный признак «восточный вопрос» – *обострение восточного вопроса в 1853 г.; Главное нарушеніе состояло въ передачѣ католическому патріарху ключа отъ главныхъ дверей Вифлеемской церкви.* («Циркулял российского правительства 30 мая 1853 года о восточном вопросе»); Не в одних крестовых походах война была вызвана несогласием в верованиях; и бывшая в недалеком прошлом *Крымская война началась из-за Св. мест, и архиепископ Сибур благословлял французов на защиту турок, за что и был прозван Сибур-пашею.* (Федоров Н.Ф. «Проект соединения церквей»); *Въ началѣ пятидесятих годовъ возникли, проявлявшіеся и прежде не разъ, недоразумѣнія и распри между православными и католиками за обладаніе и пользованіе Святыми мѣстами палестины.* («Отрывки изъ воспоминаній. Крымская война: 1853-54 г.»); Впрочемъ, онъ ни слова не упомянулъ ни о посольствѣ князя Меншикова, ни о *единогласныхъ дѣйствіяхъ лондонскаго и парижскаго кабинетовъ по восточному вопросу.* («Пріѣзд лорда Страдфорда-Редклифа въ Константинополь»).

2.2. Понятийные зоны компонент–концептов

Понятийный компонент композитивного концепта «Крымская война» является сложным образованием. В него входят группы когнитивных признаков компонент–концептов, семантические пространства которых

совпадает с концептом «Крымская война». Это такие компонент–концепты, как «воин», «враг», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь» и «царь».

Рассмотрим каждый из компонентов композитивного концепта «Крымская война».

Компонент-концепт «русские»

Русские в общественном сознании второй половины XIX в. ассоциируются не только с героизмом, подвигами и самоотверженной защитой своей земли, но и с отсутствием патриотизма, нежеланием участвовать в боевых действиях.

Когнитивный признак «отсутствие патриотизма» – *никакого патриотического одушевления я положительно не замечал в обществе; Равнодушие к судьбам своего отечества, к тому, что делалось в Крыму, да и во время севастопольской осады, держалось и в студенчестве.* (Боборыкин П.Д. «За полвека мои воспоминания»); *Не помню никаких не то что уж массовых, а даже и кружковых проявлений патриотического чувства.* (Торнау Ф.Ф. «Воспоминания русского офицера»).

Когнитивный признак «единство» – *Мы Русские! – в нас сила обитает, / От славы мы ведем род древний свой,...* (Месковский А. «Отклик русского на Высочайший Манифест от 9 февраля 1954 г.»). Показателем единства выступают местоимения *мы*, <в> *нас*. В этом заключается национальная основа самосознания и чувства долга.

Когнитивный признак «гуманное отношение к побежденным» – *генерал Муравьев позволил сдавшимся офицерам <после битвы при Карсе> сохранить свои шпаги.* Лингвокультурологическую информацию несет словосочетание *сохранить шпаги*. В данном случае шпага имплицитно связана с честью.

В концепте «Крымская война» содержится информация, побуждающая русских внимательно относиться к истории, не допускать ее искажения. Когнитивный признак «сохранение исторической правды» – *Мы, русские, не должны дозволить никому переделывать историческую истину.* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

Когнитивный признак «действуют по призыву царя» – *В нас Родина сердца воспаляет; / А царский зов – для нас закон святой!* (Месковский А. «Отклик русского на Высочайший Манифест от 9 февраля 1954 г.»).

Русские ведут активные военные действия. Признак «нападают на неприятеля» – *В газетах помещено подробное описание нашего нападения с 10 на 11 марта на французские редуты, и хотя оно имело желаемый успех, но кровопролитие было страшное и с той и с другой стороны, а мы потеряли 8 чел. офицеров убитыми и 21 раненых, а рядовых 400 убито и 800 раненых.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Признак «готовы к бою» – *амбразуры были къ утру готовы; ...340 орудій корабельныхъ составляютъ теперь непрерывную цѣпь, защищающую нашъ городъ.* («Отрывки изъ писемъ доктора»).

Когнитивный признак «отражают нападение неприятеля» – *Лев Толстой командовал артиллерийской батареей; Командующій отрядомъ, при Очаковѣ расположеннымъ, подполковник конной артиллеріи Головачевъ, принял мѣры к отраженію непріятеля и встрѣтилъ ешл калеными ядрами изъ орудій батареи.* («Дѣло съ англо-французскими судами у Очакова 22-го сентября 1854 года»).

Когнитивный признак «одерживают победы» – *сухопутные наши войска напали на неприятеля и много его утеснили; наши батареи нанесли много вреда неприятелю; наши войска одерживали победу.* (Боборыкин П.Д. «За полвека мои воспоминания»).

Компонент–концепт «мир»

Как отмечает В.А. Звегинцев, самой существенной характеристикой языка является его двойственность [Звегинцев 2001: 233]. В языке все необходимо определять в двойках терминах: на всем лежит печать оппозитивного дуализма» [Бенвенист 2002: 55]. Ярким примером двойственности языка является его антонимичность. Концепт «мир» в русской языковой картине мира противопоставляется концепту «война». Это связано с тем, что лексемами – номинантами данных концептов являются антонимы *мир – война*.

Поэтому особое положение в структуре концепта «Крымская война» занимает компонент-концепт «мир». Он является составным компонентом композитивного концепта и служит для его раскрытия.

Номинантой данного компонент–концепта в русском языковом сознании второй половины XIX в. является лексема *мир*, имеющая в современном русском языке несколько значений: «1. **Мир** – это полный покой и согласие между людьми. *Закончить дело миром.* | *Нарушить, восстановить мир в доме.* | *Я хочу, чтобы в этом доме зазвенели детские голоса, чтобы в нем поселился мир и покой.* | *Похоже, что это дело не удастся решить миром.* | *Женщины старались жить в мире, более того, они подружились.* 2. Приветствие **мир дому сему** означает пожелание. *Чтобы ваш дом был храним от всяких бед. Хотел сказать: мир дому сему!* 3. Напутствие умершему звучит как **мир праху (его)**. *Мир праху твоему, Прокофий Осипыч!* 4. Когда о ком-либо говорят, что он **не от мира сего**, то это означает, что этот человек странный, не похож на других, мечтателен. *Людям искусства свойственно быть немного не от мира сего.* 5. Когда страны не воюют, они живут в мире. *Выступать за мир, стремиться к миру.* | *Они боролись за окончательный мир на планете.* 6. **Миром** называют мирный договор между бывшими противниками в войне. *Заключить, подписать мир.* | *Условия, переговоры о мире.* | *На встрече обсуждались условия мира с Польшей.* 7. Все, что находится за пределами реальности, за гранью

привычного, называется каким-либо другим **миром**. *Фантастический, потусторонний, загробный, волшебный мир. | Виртуальный, параллельный, особый мир. | Тогда за каждым кустом, за каждым деревом как будто еще кто-то жил, для нас таинственный и неведомый; сказочный мир сливался с действительным* [Толковый словарь русского языка 2003:592].

В концепт-компоненте «Мир», являющимся составной частью концепта «Крымская война», языковыми средствами актуализировано всего два значения слова *мир* – ‘страны не воюют, они живут в мире’ и ‘мирный договор между бывшими противниками в войне’.

Как отмечает Ю.С. Степанов, «с точки зрения семантики, в современном русском языке – два слова *мир*, считающихся омонимами: 1) *мир* – вселенная, система мироздания как целое; 2) *мир* – согласные отношения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры. ... Первичным же фактом является именно совмещение двух значений в одном слове. И особая черта русской культуры – в том, что она в определенной мере сохраняет это совмещение...» [Степанов, 2004:86].

В понятийную зону концепта «Крымская война» входят когнитивные, отражающие факт подписания мирного договора.

Когнитивный признак «подписание мирного договора» – *подписание Парижского мирного договора; 18 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор...* (Календарь «Святая Русь»).

Когнитивный признак «условия мира» номинирован лексическими единицами *запрещение, отказ, навязали, возвращение, ограничить*, которые отражают невыгодные условия мира для России: *Турция и Европа навязали России свои условия; ... запрещение иметь военный флот и базы на Черном море; Россия была лишена возможности иметь на Черном море флот и военные арсеналы; <соглашение>... должно ограничить могущество России на Черном море; переговоры о третьем пункте (т. е. о владычестве России на Черном море); ...отказ от протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, возвращение Карса Турции в обмен на*

Севастополь, передачу Южной Бессарабии Молдавскому княжеству (Календарь «Святая Русь»).

Топонимы *Молдавия, Валахия, Сербия, Карс, Южная Бессарабия* отражают масштабность уступок России в ходе подписания мирного договора.

Когнитивный признак «победители» номинирован следующими лексемами: страны–победительницы, Франция, Англия, Турция, Сардиния. Например, *Парижский конгресс был созван в феврале 1856 г. по инициативе стран-победительниц в Крымской войне (Франции, Англии, Турции, Сардинии) для выработки мирного договора с Россией.* (Данилевский Н.Я. «Россия и Европа»).

В русском языковом сознании информация, представленная когнитивным признаком «надежда на мирное соглашение», передается при помощи глаголов возможного действия *желать, говорить* и глагола решения *согласиться*. При этом в языковом сознании отражена информация о том, что инициатива подписания мира якобы исходит от противников. Когнитивный признак «надежда на мирное соглашение» – *будто Англия и Франция желают мира; Австрия и Англия сильно желают мира; Наполеон III согласен на мир; В иностранных журналах все говорят о надеждах на мир.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Понятийная зона компонент-концепта «мир» представлена когнитивным признаком «поражение» – *поражение русской армии*, который отражает восприятие общественностью подписания мирного договора как поражение в Крымской войне.

Также в состав понятийной зоны компонент-концепта «мир» входят когнитивные признаки «переговоры» – *в Вене идут переговоры о мире* и «требования» – *требования врагов наших дошли до безумия*. При этом когнитивный признак «требования» представлен языковыми единицами, содержащими сему 'безрассудный'.

Компонент-концепт «информация»

Информация занимает исключительное место в жизни любого общества, поскольку «совокупность социальных связей между индивидами, обществом и государством базируется на активном процессе обмена информацией. Ни одно социально значимое действие не может быть осуществлено без задействования информационной составляющей его обеспечения» [Крапивенский 2008:80].

В «Толковом словаре русского языка» под информацией понимается «передача или изложение фактов и сведений о ком-либо или о чем-либо» [Толковый словарь русского языка 2003:136].

Вместе с тем, среди исследователей нет единства в трактовке данного термина. Согласно формулировке А.А. Снытникова и Л.В. Тумановой, «информация как благо нематериальное имеет множество разнообразных смысловых оттенков. В зависимости от тех или иных обстоятельств в повседневной жизни информация может быть актуальной и устаревшей, объективной и *субъективной*, точной и ложной, основательной и безосновательной, многоплановой и однобокой, обличающей и оправдывающей, укрепляющей и компрометирующей, «хорошей» и «плохой» и т.д.» [Снытников, Туманова 2001:20]. По мнению О.А. Городова, сущность информации отражается в ее синтаксическом (в виде знаков и отношений между ними), семантическом (в виде отношений между знаками и обозначаемыми ими объектами) и прагматическом (в виде создаваемого и используемого продукта) аспектах, и «из всех охарактеризованных выше уровней... информации только прагматика интересуется конкретными пользователями информационного продукта и той областью *общественных отношений*, участниками которых они выступают» [Городов 2003:19].

Номинантами компонент-концепта «Информация» являются лексемы *весть, донесение, известие, извлечение, неизвестность, ничего не слышно, новое, новости, политические известия, слухи*, имеющие общую сему 'весть'.

Слово **весть** – «сообщение». Др. –рус. и ст. –сл. развилось из праслав. *věd-ть «знание» (ср. словен. věst «знание», образованного с суф. –ть (как честь) от *věditi > ведать. Древн. Dt изменилось в tt>st» [Цыганенко 1989:55].

Русская общественность накануне Крымской войны и во время кровопролитных сражений ощущала нехватку информации. Когнитивный признак «отсутствие информации» включает словоформы: *в газетах нового ничего; до сих пор еще не напечатано известие о Петропавловске; хотят нас оставить в неизвестности; будто бы в «Городском листке» 12-го числа было напечатано известие о сильном нашем поражении; ходят какие-то неблагоприятные слухи; предчувствия; известий невозможно получить; опять там слышала те же слухи, только еще с подробностями; в газетах известий из Крыма нет; слух о принятии нами 4 условий; Кажется, нарочно хотят нас оставить в неизвестности, в страхе...; В газетах нового ничего.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855»); *Об Севастополе ровно ничего не слышать.* (Леонтьев К.Н. «Письма к матери из Крыма (1854–1857 гг.)»).

Российская общественность безразлична к событиям Крымской войны. Когнитивный признак «следит за событиями Крымской войны» – Смирнова пишет, что Батюшков совершенно исцелился, пришел в себя после 30-летнего сумасшествия и теперь читает *донесения из Крыма и следит на карте* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855»).

Новости с места боевых действий не только искажаются, но и приходят с большим опозданием. Когнитивный признак «долго идут» – *из Севастополя долго идут известия; известия шли из Петербурга в армию довольно долго; Къ намъ такъ поздно доходятъ газеты,...* (Цивилизованные воины. «Письмо изъ Севастополя отъ 3-го ноября»).

Когнитивный признак «информация о подготовке к военным действиям» – *Всей России, всей Европе было известно из всевозможных журналов, даже наших собственных, что готовится сильный десант в Крым, что*

союзные войска имеют намерение овладеть Севастополем и уничтожить там русский флот. (Басаргин Н.В. «Воспоминания»).

Когнитивный признак «отсутствие политических новостей» – ***политических известий никаких.***

Таким образом, в концепте «Крымская война» понятийная зона компонент–концепта «Новости» представлена когнитивными признаками, аккумулирующими информацию об отсутствии информации о военных действиях, о политических решениях и о подготовке к военным действиям.

Компонент-концепт «крымские татары»

Под пристальным вниманием российского общества во время Крымской войны находились крымские татары. Когнитивные признаки отразили двоякое восприятие российской общественностью крымских татар. Крымские татары воспринимались российской общественностью как изменники, вставшие на сторону турок-единоверцев. Наиболее остро это отражено в словах и словосочетаниях, входящие в когнитивный признак «измена России» – *крымские татары оказались **изменниками**; крымские татары тысячами **переведали в лагерь врага**; местное татарское население восторженно **встретило турок и их покровителей.***

В тоже время в русской языковой картине мира содержится и информация, отражающая преданность крымских татар Российской империи. Когнитивный признак «преданы России» – ***таврический муфтий Сеид-Джелил-эфенди обратился к мусульманам Крыма с воззванием о поддержке императора; татары были преданы царю и отечеству; татары с готовностью свозили на приемные пункты все необходимое для армии.***

Когнитивный признак «ухаживали за ранеными» – *...какой-то **молодой татаринъ**, лица котораго въ темнотъ мы не могли разглядеть..., высказал при этомъ удивительную расторопность и усердіе: онъ безпрестанно бѣгалъ за водою, самъ поилъ ея поочереди всѣхъ раненыхъ и*

не одно солдатское душевное спасибо заслужить за свое добросердечіе (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Компонент–концепт «политика»

В компонент–концепте «политика» содержатся языковые единицы, отражающие взаимоотношения между государствами и народами на международной арене, основные принципы международной политики ведущих государств мира.

Термин политика (от греч. *politika* – государственные или общественные дела) в «Философском словаре» определяется как «одна из основных организационных и регулятивно-контрольных систем, формирующих общество совместно с другими такими же функциональными системами» [Философский словарь 2001:434]. Это «деятельность индивидов и социальных групп, связанная с отношениями по поводу завоевания, удержания и использования власти с целью реализации своих интересов» [Погорелый и др. 2008:184].

В русском языковом сознании второй половины XIX в. компонент–концепт «Политика» представлен двумя смысловыми блоками – «внутренняя политика» и «внешняя политика».

Семантические признаки, экспонирующие данное номинативное поле, репрезентативны в количественном отношении среди собранного языкового материала, что свидетельствует об актуальности темы внутренней политики империи для российской общественности XIX в.

Лексемы, относящиеся к блоку внутренняя политика, отражают основной внутривнутриполитический курс государства, основные направления его деятельности.

В языковом сознании российской общественности внутренняя политика России эксплицируется языковыми единицами, которые можно отнести к следующим когнитивным признакам:

«Крушение николаевской системы» – поражение в войне означало *крушение николаевской системы; видна внутренняя слабость николаевского режима; кризис внутренний неизбежен; николаевская система достигла крайности; его <государя Николая> система пала вместе с ним; Крымская война отозвалась на всем нашем общественном строе, и вскоре по окончании оной последовал целый ряд благотворных реформ, ознаменовавших настоящее царствование* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»); *Самое маленькое меньшинство* (как мне случалось слышать скорее в Казани, чем в Нижнем) *видело в Крымской кампании приближение краха всей николаевской системы.* (Боборыкин П.Д. «За полвека мои воспоминания»). Высокой частотностью отличаются лексемы, входящие в когнитивный признак «крушение николаевской системы». Это связано с тем, что Крымская война показала несостоятельность политической системы России середины XIX в.

Когнитивный признак «разрыв дипломатических отношений» – *мы отозвали наши посольства изъ Англіи и Франціи; прервали всякія политическія сношенія съ сими державами <Англией и Францией>* (Боборыкин П.Д. «За полвека мои воспоминания»); *и прекращеніемъ дипломатическихъ нашихъ сношеній съ обоими силами правительствами <Англией и Францией>* (Данилевский Н.Я. «Россия и Европа»). Языковые единицы, входящие в данный когнитивный признак, отражают напряженность международных отношений российской империи.

Когнитивный признак «восстановление дипломатических отношений» – *Нессельроде надеется на воскрешение «союза» России с Австрией; возможен союз России с Францией и Англией; необходимо заручиться поддержкой Англии.*

Когнитивный признак «потеря влияния» – *усиление влияния западных держав в ущерб влиянию России и Австрии, Помню, что Чихачев рассказывал, как в Константинополе еще до Крымской войны преобладало*

влияние Англии. (Беляев А.П. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном»).

В компонент–концепте содержится информация, отражающая возможность создания коалиции с Россией. Когнитивный признак «коалиция» – *почти вся Австрия состоит из племен, готовых быть нам союзниками; предложение Николая о разделе Турции встретило в Лондоне враждебный прием.*

В русской языковой картине мира XIX в. находят отражение попытки предотвращения русско-турецкого конфликта. Признак «конфликт» – *Австрия предлагает конференцию для улаживания русско-турецкого конфликта.*

До начала Крымской войны и во время военных действий на внешнюю политику Российской империи пытались оказать влияние европейские державы. Признак «воздействие на внешнюю политику России» – *Австрия..., угрожая вторжением, заставила Николая I вывести войска из Молдавии и Валахии, после чего оба княжества были оккупированы австрийцами.* (Данилевский Н.Я. «Россия и Европа»).

В русском языковом сознании эпохи Крымской войны смерть государя Николая Павловича и восшествие на престол Александра II вызвали раздумья о направлении внешней политики империи и ощущение безызвестности. Когнитивный признак «отсутствие информации о политике нового царя» – *об мыслях нового государя насчет внешней политики никто еще ничего не знает* (Данилевский Н.Я. «Россия и Европа»). Данный признак отражает переживания общественности о том, какого направления внешней политики будет придерживаться новый правитель.

Главная причина негативного отношения общественности к политикам заключается в системе управления. Когнитивный признак «немецкая система правления» – *<правительство> чувствует нераздельное сродство свое со всей системой Австрии; правительство все живет немецкими началами* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

Русские по-разному относились к персоне Александра Сергеевича Меншикова: поддерживали его политики и критиковали ее. Между тем, общество не осталось равнодушным к его прошению об отставке. Когнитивный признак «отставка» – ...*новый государь отклоняет от себя его <Меншикова> отставку* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»). Попытки Александра Сергеевича Меншикова уйти в отставку не поддерживаются государем.

Когнитивный признак «несогласованность действий» – *Известно, что мы в Крыму проиграли сражение при Черной речке от пустых недоразумений между начальниками...* (Леонтьев К.Н. «Грамотность и народность»). Прилагательное *пустых* передает безосновательность разногласий между начальниками.

Компонент-концепт «царь»

Концепт «царь» для русского языкового сознания второй половины XIX в. является одним из ключевых национально-специфичных русских концептов. В русском языке государь понимается как «глава монархического государства; царь, император» [БАС 1954:340]. В «Этимологическом словаре русского языка» Г.А. Крылова отмечается, что государь – «древнерусский вариант общеславянского *господарь*, произведенного с помощью суффикса от той же основы, что и господин», то есть господь – «хозяин, владелец» [Этимологический словарь русского языка 2005:98].

Номинативное поле компонент-концепта «Государь» в русском языковом сознании эпохи Крымской войны включает лексемы, служащие для описания русских царей Николая Павловича (1796–1855) и Александра Николаевича (1818–1881), которые принимали непосредственное участие в Крымской войне. С именем Николая Павловича связано начало Крымской войны, а с именем Александра Николаевича – заключение мира.

В понятийную зону компонент-концепта входят языковые единицы, отражающие реальные исторические события. Данная зона концепт-

компонента «царь» включает признаки «талантливый руководитель», «восшествие на престол», «наследник трона», «малоизвестен», «спасает Крым», «смерть».

Когнитивные признаки «восшествие на престол» и «смерть» отражают преемственность власти в Российской империи.

Когнитивный признак «смерть» – *Государь Николай Павлович умер.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Признак «восшествие на престол» актуализирован следующими контекстами – *молебен о восшествии на престол Александра II; 20 ноября Севастополь, не подозревая свершившейся победы, торжественно праздновал день восшествия на престол государя императора.* (Зайончковский А.М. «Восточная война 1853-1856»).

Когнитивный признак «малоизвестен» – *Государь Александр Николаевич до сих пор мало был известен; <Государь Александр Николаевич> ничем не отличился особенно* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Русская общественность оценивала правоту наследования престола. Когнитивный признак «наследник трона» – *надобно царствовать Вел. Кн. Константину Николаевичу; Константин в царском роде рожден; Александр рожден в княженицком роде* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Компонент-концепт «Россия»

В номинативное поле компонент-концепта «Россия» входят лексемы *Россия* и *Русь*.

Компонент–концепт «Россия» включает следующие когнитивные признаки:

«Борется за справедливость» – *С тех пор, как жреческий твой голос / Умолкнул, –много Русь боролась / Со злым врагом и клеветой.* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и

Ахалцихе»). Для русского языкового сознания второй половины XIX в. участие России в войне связано с идеей противостояния врагам и клевете. Враг страны в русской лингвокультуре характеризуется атрибутивом *злой*.

Россия «много пережила за свою историю» – *Случалось с ней, что не бывало с вами* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»). В этом заключается величие России и способность противостоять врагам.

Главное предназначение России – спасти православие. Когнитивный признак «спасает православие» – Образ Византии связан с образом России: *... что жива еще в России / О христианской Византии / Великодушная мечта!* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»). На Россию возложена важная миссия – спасти православные народы – *Иди! тебя зовут народы!* (Хомяков А.С. «Раскаявшейся России»). В стихотворении Я.П. Полонского «Рыцарская ошибка» развивается идея спасения Россией православия. Возникает параллель: Крестовые походы – военные действия против России союзников: *«Здесь султанов нет! – невольню / Вскрикнул кормчий – Се Акрополь!» / «Что? – И грек самодовольно / Произнес: Константинополь!»* (Полонский Я.П. «Рыцарская ошибка»). Если крестоносцы не достигли своей цели, то и союзники не добьются победы. Императив *«Здесь султанов нет!»* подчеркивает предназначение России – спасти православные народы.

Признак «одерживает победы» – *Что разщелкали, одолели / Они полдюжину нашей; / И только об одном жалели, / Что враг не втрое был сильнее.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»); на легкость победы, преимущество военной силы России указывает глагол *разщелкать*.

Значимой для языкового сознания середины XIX в. являются признаки, отражающие нарушение суверенных границ империи. Признак «нарушение границ» – *Селим-паша разрешил кобулетцам тревожить нашу границу*.

Крымская война сказалась на экономике страны. Когнитивный признак «понижение курса валюты» – *Восточная война... понизила курс наших денег; Не надо забывать также и то, что восточная война с Турцией*

уничтожила все плоды управления министерством финансов Рейтерна, который все время стремился водворить в России золотое обращение, т. е. поднять курс кредитного рубля до альпари, после того, когда этот рубль упал с своей серебряной ценности во время Севастопольской войны. (Витте С.Ю. «Воспоминания»).

Крымская война оказала влияние на внутренний строй империи. Когнитивный признак «демократизация» – *Оказалось также, что Восточная война 53-56 годов повлекла за собою и некоторого рода демократизацию и России, и Турции.* (Леонтьев К.Н. «Культурный идеал и племенная политика (1890)»).

Когнитивный признак «призыв к защите» – *Громким голосом на все стороны / Говорит она, мать детей зовет: / «Подымайтесь, детки милые! / Обижают меня, ох, соколики!»* (Майков А.Н. «Пастух»); *Собирайтесь к Востоку, народы!* (Хомяков А.С. «Суд Божий»). Россия–мать обращается за помощью к своим детям, просит их встать на свою защиту и на защиту православия. Великий князь Константин понимал значение народа в кампании. Он обращался к русскому народу в надежде на их отклик. Об этом свидетельствуют языковые единицы, представляющие когнитивный признак «призыв к деятельности» – <князь> *Константин призывает всех к деятельности, дает место мысли, знанию, возбуждает общее участие к общему делу, сообщает все, что может, во услышание всем, для общего содействия и т.д.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Когнитивный признак «ей принадлежит Восток» – *Восток – ее! К ней руки простирать / Не устают миллионы поколений.* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Компонент-концепт «раненые»

Понятийная зона компонент-концепта «раненые», входящая в семантическое пространство концепта «Крымская война», представлена рядом когнитивных признаков:

«Количество» – *...в госпитале, где кровь течет реками, слишком 4000 раненых; 6.000 слишком раненых; <в Севастополе>... слишком 2.000 раненых; 24 и 25 августа раненых с бастионов приносили очень много, до 1000 человек в день, и бывало на трех столах до 100 операций.* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»); *В Севастополе теперь тысячи три слишком больных и раненых, в Симферополе четыре, в Карасубазаре – семьсот, в Бахчисарае – пятьсот, в Феодосии – одна тысяча пятьсот...* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); *Говорили, что раненых до 8 тысяч, несколько генералов убито; говорили, что сестры ездили на позицию.* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»).

«Лечение» – *вынув несколько пуль, сделав три ампутации; руководит организацией лечения больных* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); *Здесь раненые, числом слишком тысяча, все почти тяжелораненые...* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); *По моему приблизительному расчету число значительных операций, сделанных в Крыму в течение 12 месяцев с помощью анестезирования, простиралось до 10000.* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

«Болезни» – *холера свирьпствуетъ въ арміи злѣе; Виноградъ, осенніе фрукты и огородные овощи разомъ исчезли: все пожиралось съ жадностью, за что вскорѣ развилась между ними какая-то эпидемическая болѣзнь, а потомъ и холера.* («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»); *Тяжелые труды сестеръ на главномъ перевязочномъ пунктѣ и госпиталяхъ Севастополя оказали и здѣсь вредное вліяніе на ихъ*

здоровье. Съ 10-го февраля занемогли все сестры 2-го Отдѣленія **тифозной горячкой** и 2 изъ нихъ заплатили жизнью за начало бескорыстнаго труда. Я имъ говорилъ также, что если не предпримутъ мѣры, то разовьется **тифъ** — онъ и развился; врачи и сестры то и дѣло что хвораютъ, и нѣкоторые, разумѣется, умираютъ. (Севастопольскія письма Н.И. Пирогова 1854-1855); **Болезни здесь все около печени**, и мне самому это выгодно, потому что усиленная деятельность печени облегчаетъ легкие, которыхъ слабость у меня вамъ известна. (Леонтьев К.Н. «Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.)»).

Во время Крымской войны для помощи раненым военнослужащим и мирным жителям были развернуты постоянные и временные госпитали, перевязочные пункты, но их количество было ограничено.

Когнитивный признак «перевязочный пункт» — на Северной находился сначала **один перевязочный пункт (в бараках)**, а потом еще и в Михайловской казарме. В русском языковом сознании эпохи Крымской войны присутствуют когнитивные признаки, отражающие наиболее распространенные болезни в период войны. В основном это болезни печени, холера и тиф.

«Хищения госпитальной администрации» — Люди стараго закала предвидѣли, что этимъ можетъ быть подорвано **ненасытное хищничество госпитальной администраціи** («Севастопольскія письма Н.И. Пирогова 1854-1855»).

Компонент–концепт «ополчение»

Компонент–концепт «ополчение» в русском языковом сознании второй половины XIX в. экспонируется лексическими единицами *ополчение*, *ополченец*, *добровольцы*.

Ополчение — войско, собираемое в помощь регулярной армии путем добровольного привлечения широких народных масс [БАС, 1959:926]. «Это слово, называющее войско из гражданских лиц, создаваемое в обычное время, образовано от глагола *ополчити* — «вооружить», восходящего к

существительному *пѣлкѣ* в значении «войско» [Крылов, 2005:260]. Ополчение «войско из широких народн. масс, создаваемое на время войны в помощь регулярной армии». В рус. словарях отмечается с I пол. XVIII в. Образовано с пом. суф. отвлеч. имен. *-иѣ* – *е* (графич. *-ие*), как собрание, от прич. с суф. *-ен-* *ополченъ* глаг. *ополчити* «поднять народ, образуя из него войско по какому-то чрезвычайному случаю», собств. «объединить народ в полки». Глагол *ополчити* является производным с прист. соверш. действия *о-* и глаг. суф. *-и-ти* от сущ. *полкъ* > полк «войско» (ср. аналог. *одолжить*, *огласить*). Перед гласн. переднего ряда *и* звук *к'* изменился в *ч* (как *волк* – *волчий*) [Цыганенко 1989:276].

Лексема *доброволец* родственна слову *добровольный* – «1. Совершаемый по своей воле, без принуждения. 2. Основанный на принципах взаимного согласия, непринуждения» [БАС 1954:842].

В русском языковом сознании эпохи Крымской войны сохранилась память о той роли, какую сыграло ополчение в войне 1812 года. В понятийную зону компонент–концепта «ополченцы» входят антонимичные когнитивные признаки: «наличие добровольцев» – *Иван сам записался охотником в ополчение* и «отсутствие добровольцев» – *Никто не шел добровольно на войну (а воинской повинности мы тогда не знали), кроме студентов-медиков, которым предлагались разные места и льготы.* (Боборыкин П.Д. «За полвека мои воспоминания»).

Если во время Великой отечественной войны 1812 года весь народ российской империи поддерживал ополчение, то во время Крымской войны такого не было. Данный факт отражает когнитивный признак «отсутствие финансирования» – *Офицеры ополчения еще не собрались, потому что многим не на что обмундироваться, а московское дворянство вовсе не было щедро в своих пожертвованиях.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Компонент–концепт «турки»

В русском языковом сознании компонент–концепт «Турки» представлен когнитивными признаками, отражающими восприятие турок русскими людьми.

Когнитивный признак «политики» – *вице-адмирал Осман-паша; в Синопе оказалась та эскадра под флагом вице-адмирала Османа-паши; Осман-паша провел двадцать один год на службе у Мегмета-Али египетского; Осман-паша соединял в себе качества боевого офицера и опытного, выдающегося и знающего свое дело моряка турецкого флота; корпуса Али-паши; Ибрагим-паша; Помощникомъ командира сего влота англійскій офицеръ Адольфъ Следъ, давно уже находившійся въ турецкой службѣ...* («Газетныя свѣденія о состояніи военныхъ силъ Турціи»).

Когнитивный признак «плохо обучены» – *У него <флота> главный недостатокъ въ офицерахъ и слѣдственно онъ дурно управляется.* («Газетныя свѣденія о состояніи военныхъ силъ Турціи»).

Когнитивный признак «отстают в развитии техники от Европы» – *Не смотря на многолѣтнія старанія г. Следа и нѣсколькихъ другихъ англійскихъ офицеровъ, турецкій флотъ далеко еще не достигъ той степени, на которой находятся влоты западныхъ государствъ.* («Газетныя свѣденія о состояніи военныхъ силъ Турціи»).

Признак «поддерживаются Европой» – *поддержка западными державами экспедиции Османа; ...турецкий пароход «Таиф» под командой англичанина Слэда.*

Когнитивный признак «количество» – *Омер-паша собрал свыше 15 000 человек.*

Русская общественность второй половины XIX в. подчеркивает, что турки уверены в своих силах, что они смогут отстоять свою империю. Когнитивный признак «уверены в своих силах» – *Омер-паша уверял турок, что он не даст русским завоевать Оттоманской империи.*

Признак «состав турецкого гарнизона» – *венгерцы и поляки, сражавшиеся в составе турецкого гарнизона; в составе турецкого гарнизона были турки, венгерцы.*

Когнитивный признак «несут потери» – *русскіе... нанесли туркамъ огромную потерю людьми; Неприятель оставил убитыми на поле сражения свыше 1500 человек, в том числе Ибрагима-пашу, 2 полковых и 5 батальонных командиров.* (Зайончковский А.М. «Восточная война 1853-1856»); *Общая же потеря турок составляла до 8000 человек.* (Зайончковский А.М. «Восточная война 1853-1856»).

Когнитивный признак «произвели первый выстрел» – *при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть с их стороны; Въ спокойствіи величія Россія ждала перваго выстрѣла.* («Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года»); *...выстрел с турецкого флагманского фрегата «Ауни-Аллах» нарушил гробовое молчание и дал сигнал к бою; Мустафа-паша встрѣтился съ нашимъ фрегатомъ «Флора» и напалъ на него; Едва адмиральскій корабль отдалъ якорь, какъ непріятель открылъ по нашимъ кораблямъ жестокій огонь со всѣхъ своихъ судовъ и батарей; выстрѣлы его наносили большой вредъ рангоуту, но корабли тотчасъ же вытянули шпринги и непрерывнымъ, мѣткимъ огнемъ своихъ орудій стали поражать непріятеля.* («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ рассказовъ»); *Изъ двѣнадцати военныхъ непріятельскихъ судовъ и четырехъ купеческихъ, спасся одинъ только пароходъ; остальные, послѣ трехъ-часового дѣла, не существовали или были въ конецъ разбиты.* («Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года»).

Когнитивный признак «взяты в плен» – *турецкіе начальники и команда были взяты военно-плѣнными и отвезены; израненный Осман-паша, 2 капитана и свыше 200 человек были взяты в плен; Офицеры, посланные для исполненія сего, нашли на шлюпѣ начальника турецкой эскадры, Османъ-пашу, раненаго въ правую ногу, командира фрегата,*

командира корвета и восемьдесят нижних чиновъ. («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»).

В компонент–концепте «турки» содержится информация, отражающая любые действия, которые предпринимали турки:

«нападают» – *турки сделали покушение на новый город.*

«вступают в бой» – *у нас была схватка с турками под Евпаторией.*

«отступают» – *турецкий корпус Абди-паши отступил за р. Арпачай; турки обратились в бегство.*

«строятся» – *турецкие войска построились на левом берегу ручья Кадыклар в две боевые линии.*

«готовятся к военным действиям» – *турки сумели подготовить себе сильную, трудно доступную позицию; турецкие войска внезапно стянулись вплоть к морю; <турки> ... расположились вдоль по берегу.*

«укрепляются» – *укрепились в дефиле при с. Хорги.*

«нарушают границу» – *турки вторглись в Грузию.*

«грабят население» – *турки начали грабить окрестные селения; турецкая конница неоднократно пыталась захватить и предать грабежу селения Новые и Старые Ольтеницы; грабежи приняли более значительный размер, в особенности в пределах Александропольского уезда. Во время боевых действий флот османской империи был уничтожен.*

Когнитивный признак «разбиты» – *русскіе истребили при Синопѣ лучшую часть турецкаго флота; корабль «Парижъ» бомбами взорвалъ еще одинъ турецкій фрегатъ; три фрегата, въ томъ числѣ адмиральскій 74-хъ пушечный, горѣли, а отъ двухъ, разбитыхъ выстрѣлами и затонувшихъ транспортовъ, виднѣлись только мачты («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»).*

Признак «бегут с поля боя» – *турецкій двадцати-пушечный парадох-фрегатъ «Таифъ», который въ продолженіе боя успѣлъ развести пары, и старался спастись бѣгствомъ отъ общаго пораженія; Командиръ и офицеры оставили фрегатъ <фрегатъ «Даміадъ»> въ началѣ дѣла, забравъ*

всть гребныя суда и стараясь спастись постыднымъ бѣгствомъ на берегъ. («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»); *Легко увертывающіеся противники не могли избѣжать мѣтко направленнаго огня фрегата и удалились послѣ семичасовыхъ тщетныхъ усилій.* («Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года).

Компонент-концепт «враг»

Синонимический ряд слов со значением 'враг' представлен следующими словами: *неприятель, недруг, недружье, недоброжелатель, нелюб, враг, ворог, ненавистник, противник, супротивник, злыдар, зложелатель, благой (мой, его), злорадник, злодей (твой, мой); обидчик, наступник, притеснитель, губитель* [Даль 1998:203].

В русском языковом сознании эпохи Крымской войны главным врагом православия и в целом Российской империи были католики. Когнитивный признак «католики» – *неужели мы предадим православных в руки злейших врагов католиков.* Враг в русском языковом сознании эпохи Крымской войны, прежде всего, ассоциировался с европейцами.

Когнитивный признак «турки» – *Как задумали злые нехристи – / Полонить пришли землю русскую, / Наругаться пришли над иконами...* (Майков А.Н. «Пастух»).

Понятийная зона компонент-концепта «Враг» в русском языковом сознании эпохи Крымской войны представлена когнитивными признаками:

«Количество» – *Опять на нас крамольныя / Идут орды врагов, – В годину нам тяжелую / Будь щит наш и покров!* (Ростопчина Е.П. «Молитва об ополченцах»).

Лингвокультурема *орда* восходит к эпохе Золотой орды. В русском языковом сознании середины XIX в. приобретает два значения 'много' и 'нехристи (или басурмане)'.

Когнитивный признак «обнаружение врага» реализуется следующими контекстами: *Вице-адмиралъ Нахимовъ*, крейсируя у береговъ Анатолиі, *усмотрѣлъ* съ моря, на Синопскомъ рейдѣ, *отрядъ турецкихъ военныхъ судовъ* («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»); *У Сизополя видѣли турецкую эскадру*, и 29-го октября, по возвращеніи въ Севастополь, быстрый адмиралъ, получивъ разрѣшеніе дѣйствовать непріязненно, понесся къ Варнѣ съ пятью кораблями, въ сладкой надеждѣ истребить видѣнныя прежде непріятельскія суда. («Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года»).

Когнитивный признак «воюют» – ...5-го числа съ разсвѣтомъ *непріятель*, казавшійся столь нерѣшительнымъ, вдругъ *открылъ канонаду*. («Отрывки изъ писемъ доктора»); *Пишу вамъ, милостливый государь, подѣ выстрѣлами непріятельскихъ ядеръ, бомбъ и картечи*. («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»); 5 октября съ 6 часовъ утра, былъ *открытъ самый сильный огонь съ непріятельскихъ батарей*, построенныхъ съ южной стороны противъ города... («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»).

Лексические единицы канонада, непріятельские ядра, бомбы, картечь, батареи характеризуют военную лексику изучаемой исторической эпохи.

Актуализация в компонент-концепте «Враг» информации, связанной с гибелью турок, отражает значимость данного факта для русских. Когнитивный признак «гибнут» – *непріятель потерял не менее нашего*.

Признак «наблюдение за врагом» – *Мая 20-го къ Босфору выслана легкая наблюдательная эскадра*, подѣ начальствомъ капитень-лейтенанта Лесовскаго, командира фрегата «Кулевчи». («Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года»).

Компонент-концепт «европейцы»

Номинантами данного компонент–концепта являются лексемы *европейцы, русские, французы, англичане, неприятели*.

Понятийная зона компонент–концепта «Европа» включает когнитивный признак «превосходят на море Россию» – *Этот огромный, один из сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ въ міръ, разсѣялся по Черному морю и, подѣ предлогомъ защиты Турціи, гоняется за мелкими каботажными судами, беззаботно плывущими изъ сосѣдняго порта въ портъ, и высказываетъ свою храбрость, стрѣляя по этимъ совершенно безоружнымъ лодкамъ, на которыхъ всего экипажа отъ трехъ до пяти человекъ. («Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ»); Хвалитесь на моряхъ всемирною державой, / Rule Britannia – воспойте! тщетный труд! (П.А. Вяземский Одесса). Словосочетания *всемирная держава, один изъ сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ* подчеркивают, с одной стороны, превосходство Англии на море, а с другой стороны, содержат имплицитную оценку силы Российской империи, ее способности противостоять врагу.*

Признак «ведут военные действия» – *Вести из Севастополя от 14-го все те же, все продолжается бомбардировка, хотя слабее; французы действуют с удивительной энергией! (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); Въ часъ пополудни подвинулся къ укрѣпленіямъ и непріятельскій флотъ, и открылъ по нашимъ страшную пальбу. («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»).*

Когнитивный признак «грабят» – *хозяевъ прогоняли прикладами; взято все, что можно взять; грабили дома; очищали кладовыя; все было истреблено въ городъ; непріятель бросился на фруктовые и виноградные сады, на огороды и пчельники; все съѣдобное было взято, и частію съѣдено; неприятели съ ожесточеніемъ напали на гусей и утокъ; В последнюю крымскую войну было известно очень много примеров, что побывки неприятельскихъ войскъ в обывательскомъ доме обходились хозяину*

несравненно дешевле, чем гостинка своих русских войск и особенно казаков. (Лесков Н.С. Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому); Возвратясь въ свои дома, жители нашли въ нихъ новыхъ хозяевъ, распорядившихся не такъ, какъ распоряжаются тѣ, которые пріобрѣтаютъ себѣ имущество съ года на годъ въ потѣ лица. Новые хозяева, казалось, дорожили временемъ; они спѣшили забирать въ домахъ все, что попадалось подъ руки: платье и цѣнныя вещи разбирали по рукамъ, мебель ломали, а лучшую брали на параходы; срывали обои, пороли матрацы, выбрасывали изъ низъ шерсть и въ ней искали скрытыхъ сокровищъ. («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»); Вечеромъ весь балаклавскій скотъ, воротившійся съ поля, былъ взятъ и убитъ на порціи солдатамъ. («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»); Другіе бросились на куръ, безпечно расхаживавшихъ по улицамъ; третьи забирали городской скотъ, не успѣвшій выйти изъ города не пастбище, и живьемъ перевозили на корабли. («Англо-французы въ Ялтѣ»).

Одна из главных причин, с точки зрения российской общественности, – религиозный характер войны. Когнитивный признак «враги славянства» – *англо-французы самые настоящие враги славянства; Австрия присоединилась к врагам славян; Австрия предала интересы славян; Европа и в особенности «Иуда-Австрия», которая не только предала Россию в 1854 г., но и оказалась «самым коварным врагом славянства», поработившим самую его культурную восточноевропейскую ветвь, почиталась теперь врагом номер один. (Аксаков И.С. «Собрание сочинений»).*

Когнитивный признак «объединение против России» – *...Австрия смущает Францию, угрожая, что станет за Россию, другие же говорят, что кн. Д. Оболенский привез из Петербурга известие, что конференции прерваны, что Австрия решилась объявить нам войну, а Пруссия за нас. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).*

Формирование коалиции привело к началу активной фазы конфликта.

Когнитивный признак «подготовка к военным действиям» – *<в конце июня> начались непріятельскія рекогносцировки крымскихъ и абхазскихъ береговъ и устій Дуная; Их корабли <союзников> беспрестанно обозревали в виду русских Крымские берега, ... (Басаргин Н.В. «Воспоминания»); При томъ для насъ не были тайною производившіеся на противоположномъ берегу, въ Варнѣ и Константинополѣ, дѣятельныя приготовленія къ высадкѣ союзныхъ войскъ въ русскихъ предѣлахъ. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).*

Признак «военные действия» – *союзники напали на Одессу, Севастополь, Свеаборг и Кронштадт; союзники напали на Колу, Соловки; союзники напали на Петропавловск-на-Камчатке; иностранные державы посылают ежедневно подкрепления в Крым; несколько батальонов французской гвардии отправились в Крым; появления в Черном море англо-французской эскадры; это борьба насмерть; французы не отойдут теперь от Севастополя из одной чести, они скорее все лягут; французы хотят... разрушить Севастополь; Въ современную войну Одесса подверглась нападенію и бомбардированію отъ соединеннаго англо-французскаго флота 10-го апрѣля сего 1854 года. («Театр нынѣшней войны»); турецкие, английские и французские войска численностью 63 тыс. человек высадились в Евпатории и двинулись к Севастополю; Но было еще очень рано, когда дверь моя вдруг шумно растворилась и Трофимов разбудил меня криком: «Вставайте, ваше благородие... англичанин пришел!» Леонтьев К.Н. Сдача Керчи в 55-м году («Воспоминания военного врача»); Ее взорвали наши, чтобы союзное войско, которое действительно высадилось в это утро в 15 верстах от города в прибрежном имении г. Олив, Камыш-Буруне, не воспользовалось пушками. (Басаргин Н.В. «Воспоминания»).*

В русском языке содержится сведение о приближении противников. Когнитивный признак «приближаются» – *почти вся масса англо-*

французскихъ силъ перешла Черную рѣчку; англо-французы заняли Кадыковку и приближались к Балаклавъ; 13-го сентября 1854 года, послѣ объѣда, въ Балаклавъ разнеслась вѣсть о приближеніи непріятельской арміи къ Черной рѣчкѣ. («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»).

Во главе сформировавшейся коалиции находится Франция. Когнитивные признаки «политическое влияние Франции на Англию» – *Луи Наполеон вертит Англией, «политическое влияние Франции на Европу» – Луи Наполеон может гордиться своим влиянием на всю Европу; <Луи Наполеон> в Испании удерживает революционные партии; в Риме все делается по его желанию.*

Когнитивный признак «нападают на мирных жителей» – *До десанта въ Крыму у Каптугая, англо-французскіе пароходы не разъ тревожили жителей южнаго берега Крыма, проходя мимо и производя промѣры прибрежной глубины. («Англо-французы въ Ялтѣ»).*

Европейцы гарантировали уважительное отношеніе к собственности мирных жителей. Когнитивный признак «гарантии неприкосновенности имущества» – *При этомъ обѣщали всеѣмъ жителямъ полную свободу, цѣлость и неприкосновенность ихъ имущества и защиту отъ всѣхъ возможныхъ притѣсненій и оскорбленій. («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»).* Но на самом деле нарушают свои гарантии. Когнитивный признак «расхищают имущество» – *Начальники тотчасъ провозглашаютъ уваженіе къ собственности, и вслѣдъ за тѣмъ великолѣпная вилла графа Льва Потоцкаго, расположенная на разстояніи около полуторы мили отъ Ялты, предается разграбленію. («Письмо ветерана 1812 года о дѣйствіяхъ союзниковъ»).*

Коалиция стремилась перетянуть на свою сторону местных жителей, в том числе крымских татар – когнитивный признак «обращение к крымским татарам» – *Едва как только англо-французы вышли на берегъ въ Крыму, какъ первую заботою ихъ было стараться возмутить тарарское населеніе,*

которое пользуется, онъ скипетромъ нашихъ монарховъ, благосостояніямъ, ему дотолъ невѣдомымъ. («Письмо ветерана 1812 года о дѣйствіяхъ союзниковъ»).

Военной тактикой европейцев является их внезапное нападение на противника. Об этом свидетельствуют лексемы, вербализирующие когнитивный признак «внезапное появление» – *Пользуясь общимъ разгромомъ дѣла и подѣ прикрытіемъ пороховаго дыма, который, по совершенному безвѣтрію, закрывалъ собою все, одинъ изъ англійскихъ кораблей подошелъ къ самому берегу противъ Карташевскаго батареи, и, ставъ на продолженіи перваго фаса Константиновской батаери, открылъ по ней самый усиленный огонь.* (А.Т. «Константиновская батарея г. Севастополя въ Крымскую войну»); *Вскоре после этого ночью, не помню, какого числа апреля, явился внезапно перед входомъ в керченскую бухту и в пролив союзный флот.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); *Въ самомъ дѣлѣ, поднявшись на высоту ея, мы увидѣли, при ясномъ небѣ, чернѣвшуюся вдали у морскаго берега сплошную массу кораблей съ густымъ лѣсомъ мачтъ, синеватый дымъ отъ параходовъ и оконечность бѣлѣвшагося непріятельскаго лагеря.* (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Европейцы, обладающие современными судами, были «уверены в победе» – *Уверенные в безопасномъ успехе, двигались союзные боевые суда, не стреляя, за этимъ краемъ, такъ близко отъ насъ; но намъ не было видно ни самихъ кораблей, ни синихъ французовъ и красныхъ англичанъ, которые были в эту минуту на нихъ, а только - вершины самыхъ большихъ мачтъ.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»).

Для начала военныхъ дѣйствій европейцы ожидали потепления. Когнитивный признак «ждутъ теплой погоды» – *англо-турецкій флотъ нетерпѣливо ждетъ теплой погоды; англо-турецкій флотъ... ждетъ... свободнаго открытія морскаго пути; Мы знали, что англо-турецкій флотъ нетерпѣливо ждетъ установленія хорошихъ, ясныхъ дней, а съ ними*

свободнаго открытія морскаго пути, чтобы начать непріязненныя дѣйствія противу русскихъ черноморскихъ береговъ. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Русское языковое сознание эпохи Крымской войны отмечает разобщенность англичан и французов. Когнитивный признак «отсутствие единства» – *флотъ французскій медлит соединиться с англійскимъ*.

Европейцы участвуют в военных действиях. Когнитивный признак «военные действия» – *французскій флотъ, заходя отъ Камышевой бухты, начал бомбардировать приморскія батаереи южной стороны Севастополя и самага города; <французскій флотъ>, подходя отъ устьевъ р. Качи, изъ носовыхъ орудій посылал пробные выстрѣлы; англо-турецкій флотъ началъ непріязненныя дѣйствія противу русскихъ черноморскихъ береговъ; Англійскимъ и французскимъ флотомъ были атакованы **россійскіе укрепления в Балтійскомъ море** (Аланскіе острова и финское побережье), в Беломъ море (Соловецкій монастырь и Архангельск) и **Петропавловск-Камчатскій**. (Календарь «Святая Русь»).*

Когнитивный признак «нарушение границ» – *появление на Черномъ море союзнаго флота; Въ то время, какъ восточный вопросъ запутывается болѣе нежеди когда нибудь вступленіемъ флотовъ Франціи и Анліи въ Черное море...* («Изложеніе политики Россіи въ восточномъ вопросѣ»).

Когнитивный признак «строят укрепления» – *непріятель укрепляет себя с фланга; <непріятели> укрепляют себя со всехъ сторонъ укреплениями; Въ ночи на 26-е число сентября началъ производить непріятель окопы на высотѣ по сю сторону хутора Шпаковскаго и противъ Малахова кургана.* («Отрывки изъ писемъ доктора»).

Когнитивный признак «сдаются русскимъ» – *30-го того же апрѣля мѣсяца близъ берега, на половинѣ разстоянія отъ Одессы до маяка и селенія Люстдорфъ стѣлъ на мель и сдался русскимъ англійскій параводъ-фрегатъ въ 400 силъ.* («Театръ нынѣшней войны»).

Признак «мерзнут» – *Под Севастополем ничего, кажется, нет особого; неприятельские солдаты, слышно, очень зябнут и часто перебегают к нашим бивачным огням.* (Леонтьев К.Н. «Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.)»).

Компонент-концепт «воин»

Воин в русском языковом сознании предстает как защитник Родины. В лексический ряд лексем-номинантов компонент – концепта «воин» входят лексемы *воин, защитник, защитники чести России, защитники славы России, наши защитники; защитники России.*

На Руси издревле считалось почетным защитить слабых, оказать помощь нуждающимся, поэтому лексема *защита* в русской лингвокультуре занимает уникальное место.

Анализ синонимического ряда показывает, что синонимами к слову *защита* являются слова «оборона, охрана, щит, ограда, ограждение, обеспечение, предохранение, оплот, столп, твердыня, опора, заступничество, покровительство, протекция; прибежище, покров, прикрытие, сень» [Абрамов, 1999:195]. В памятниках отмечается с XI в. Образовано с пом. прист. За- от глаг. *щитити* «защищать», производного (по типу мороз – морозить) от праслав. сущ. *щить* «старинное ручное вооружение, используемое для предохранения от ударов холодного оружия» следоват., **защитить** – первонач. «прикрыть щитом» [Цыганенко, 1989:139].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается следующее толкование слова *защита*: «отстаивать, заступаться, не давать в обиду; закрывать, загораживать охраняя, -ся, защищать себя; быть защищаемым» [Даль, 1998:1114].

Связующей здесь является идея всенародного участия в войне. Герои произведений – защитники России.

В компонент–концепте «воин» актуализирована информация, содержащая оценку личности военачальников, оценку их способности защитить православных.

Когнитивный признак «военачальники» представлен именами собственными, с которыми общественность связывала военные действия – *генерал Рокасовский; легкій отрядъ генераль-маіор Жабокрицкій; генерала Тимофеева; генераль-маір; отряд под начальством контр-адмирала Панфилова; генерал Врангель; русская кавалерия под начальством генерала Багговута; Нахимов; Корнилов; Истомин; Васильчиков; Хрулев; Тотлебен; генерал-адъютант Берг; Нахимов...* не мог не залюбоваться молодецкой работой лихого корабля; генерал *Веймарн; Генерал Ред* был первоначально назначен командовать на левом фланге; но пред самым сражением было сделано изменение: *генерал Липранди* получил командование левым флангом, на его же место, в центр и на правый фланг, был назначен генерал Ред. (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»); Там <в Керчи> жил со штабом своим генерал *Врангель, командующий войсками в Восточной части Крыма; тот самый, который взял город Баязид в прошедшем году в Малой Азии.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); Сводная бригада резервной легкой кавалерійской дивизіи генераль-лейтенанта *Рыжова* расположилась на Качъ, для охраненія сообщенія отряда съ Симферополемъ; отъ нея же посланы легкіеотряды въ горы къ дер. Чоргуну, на р. Черной и къ Байдарской долинь. («Обзоръ военныхъ дѣйствій въ Крыму въ теченіи сентября 1854 года»).

Слова *генерал, генерал-майор, контр-адмирал, генерал-адъютант, генерал-лейтенант* отражают воинские звания высшего командного состава, а слова *командующий войсками, командующий левым флангом и проч.* – воинские должности.

Когнитивный признак «количество» – между Феодосією и Керчью сосредоточень былъ *десятитысячный отрядъ* изъ Московскаго пѣхотнаго

полка; Такъ, къ августу 1854 года, между Одессою и Николаевомъ, равномѣрно у Редутъ-Кале и его окрестностяхъ, собраны были довольно значительные отряды войскъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи; въ Крыму же, на пространствѣ шестидесяти двухъ верстъ отъ Симферополя къ Севастополю, находилось въ это время около двадцати пяти тысячъ человекъ, состоявшихъ изъ полковъ и резервныхъ баталіонов 5 и 6-го армейскихъ корпусовъ, нѣсколькихъ артиллерійскихъ батарей, двухъ казачьихъ и двухъ гусарскихъ полковъ. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»); между Одессою и Николаевомъ...собраны были довольно значительные отряды войскъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи; отъ Симферополя къ Севастополю находилось въ это время около двадцати пяти тысячъ человекъ; Въ промежуткѣ между Феодосією и Керчью сосредоточенъ былъ десятитысячный отрядъ изъ Московскаго пѣхотнаго полка, кавказскихъ линейныхъ батальоновъ и Донскаго казачьяго полка съ артиллерією. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Тяжело переживается русским обществом гибель защитников. Когнитивный признак «много жертв» – *гарнизон <Св. Николая> истреблен; потеря* была ужасная, с нашей стороны 360 одних офицеров; уже потеряно 800 человек убитыми и ранеными; Волохова башня... 20 человекъ нижнихъ чиновъ ранены; командиръ батареи лейтенантъ Швендеръ тяжело контуженъ; лейтенантъ Короваевъ получилъ четыре раны; Константинова батарея... убитыхъ было 5; тяжело и легко-раненныхъ 45 человекъ артиллерійской прислуги, большею частію осколками камней и черепицъ отъ крышъ; лучшие начальники и офицеры убиты; Зато перед этим наше нападение на Евпаторію было очень неудачно, и мы потеряли из строя 500 человек. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); Съ нашей стороны въ этотъ страшный день потеря въ людяхъ оказалась не столь большою, какъ можно было ожидать: всего около 480 человекъ раненыхъ и убитыхъ... («Отрывки изъ писемъ доктора»); Потери наши были огромны; в последние

дни бомбардировки наши батареи не отвечали за неимением пороха. (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»); *Нахимова нет! Он погиб, и так напрасно!* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ какъ будто искалъ смерти и нашелъ ее на батарею Малахова кургана.* («Отрывки изъ писемъ доктора»).

В концепте отразилась информация, связанная с уровнем военной подготовки защитников России. Когнитивный признак «хорошая военная подготовка» – *Михайловская батарея... имѣла артиллерійскую прислугу отъ флота, то могла производить самую правильную пальбу.*

Когнитивный признак «отсутствие военного опыта» – *Отчасти это можно объяснить особеннымъ состояніемъ духа артиллерійской прислуги, бывшей не изъ матеросовъ, а изъ Минскаго резервнаго батальона – людей едва только поступившихъ въ службу, и, слѣдовательно, еще нерпытныхъ и не нюхавшихъ пороховаго дыма.* (А.Т. «Константиновская батарея г. Севастополя въ Крымскую войну»).

Компонент-концепт «Севастополь»

В структуре концепта «Крымская война» выделяется компонент-концепт «Севастополь», который является одним из ключевых компонент-концептов в сложной когнитивной структуре концепта «Крымская война». Это связано с тем, что русская общественность, несмотря на широкий театр военных действий, Крымскую войну связывала с военными действиями за Севастополь с выходом к Черному морю.

В номинативное поле компонент-концепта «Севастополь» входят следующие лексические единицы: *Севастополь* и *город*.

Первое упоминание топонима **Севастополь** прозвучало в указе Екатерины II. Этимологический анализ номинанты компонент-концепта показывает, что лексема город произошла от старославянского слова град. «Родственно лит. *gaĩdas* «ограда», местн. н. *Gaĩdamas, Gaĩdinas*, лит. *gardinỹs*

«хлев для мелкого скота» (Буга, РФВ 70, 248), жем. *gardis*, вин. *gaĩdĩ* «решетчатый борт воза», др.-инд. *grhás* «дом», авест. *garədbō* «пещера», алб. *garth*, *-dhi* «забор», гот. *gards* «дом», др.-исл. *gerði* «огороженный участок земли», тохар» [Фасмер, 1986:443].

Значимость Севастополя заключается в его уникальном географическом положении. Город окружен морем, расположен на границе Степного и Горного Крыма. Когнитивный признак «географическое положение» – *...онъ расположенъ на высокихъ каменныхъ горахъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ; берега его укрѣплены сильными батареями.* («Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ»); *Местоположение <Севастополя> великолепное. Море и горы.* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

На значимость стратегического положения указывают атрибутивные словосочетания *военный стан, резиденция флота, главный пункт.* Когнитивный признак «стратегическое положение» – *Севастополь, какъ всѣмъ извѣстно, военный станъ, резиденція черноморскаго флота.* («Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ»); *Противъ этого-то порта, какъ главнаго пункта Крымскаго полуострова, союзники направили все свои силы.* (Пирогов Н.И. «Севастопольскія письма Н.И. Пирогова 1854-1855»).

Единственным наиболее укрепленным к началу войны в Российской империи был город Севастополь. Признак «хорошо укреплен» – *единственным укрепленным пунктом был Севастополь.*

Когнитивный признак «строения» номинирован следующими словоформами: *сухарный заводъ; старые провіантскіе магазины; новое адмиралтейство; сухіе доки; морскіе провіантскіе магазины; морскія казармы; морской госпиталь; дѣловой дворъ инженернаго и магазины сухопутнаго артиллерійскаго вѣдомства; сухопутный госпиталь; морская библіотека; на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города разныя морскія учрежденія.*

Когнитивный признак «пожар» – *Какую ужасную ночь мы провели! Никогда не забуду я этой картины! Как ужасно горел весь Севастополь – огромное пламя!* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины»); *Черные тучи с южной стороны, т. е. той, где был Севастополь, освещены багровым заревом пожара!..* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины»).

Когнитивный признак «разбит» – *С назначением и прибытием князя Горчакова в Крым, в последних числах марта 1855 г., неприятель открыл страшную бомбардировку, которая разбила весь город <Севастополь>.* «Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

Когнитивный признак «сдан врагам» – *Отдавши Севастополь, он писал, что теряет каждый день по 2500 человек, а тут выходит, что в три или четыре дня последних потерял всего 3000 с чем-то.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Защитники города мужественно отражали неприятеля. Когнитивный признак «сдерживают осаду» – *...И много славных, много чтимых / Исчезло там, незаменимых, – / А Севастополь все стоял!* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»);

В русском языке отражена информация о природных и метеорологических явлениях во время военных действий в Севастополе:

«землетрясение» – *Съ 16-го на 17-е число октября, въ 11 часу вечера, было ощущено здѣсь легкое землетрясеніе, съ сильнымъ подземнымъ гуломъ, отъ сѣвера къ югу..* («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»);

«небо» – *Густой дымъ заступилъ мѣсто безоблачного голубаго неба; сѣдые облака клубились надъ нашими головами и заслоняли солнце; сдѣлалось совершенно темно, даже комнаты наполнились дымомъ.* (Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.);

«погода» – *...съ 10 часовъ вечера 16-го числа сталъ дуть сильный, холодный сѣверный вѣтер; низкая температура на воздхѣ.*

Условия обороны были неимоверно трудными. Недоставало всего – людей, боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Защитники города знали, что они обречены на смерть, но не теряли ни достоинства, ни выдержки. Семантический признак «защита» – *защита города, по собственному признанию врагов наших, производится с неслыханным успехом; мужественно защищали город; давали мощный отпор врагам*. В Севастополе накануне войны проживали преимущественно военные.

Признак «население» имеет следующую языковую реализацию: *населенъ почти исключительно военными; Храбрые моряки составляют здѣсь собою одно, такъ сказать, многочисленное семейство; цѣлое лѣто они или въ морѣ на практикѣ, или стоятъ на райдѣ; загородныхъ дачъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ, а потому семейства ихъ на лѣто никуда не выезжаютъ*. Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ; *Всѣхъ жителей было до 42 000, изъ которыхъ 35000 мужскаго населенія по преимуществу состояло изъ войска и разнаго рода командъ морскаго вѣдомства*. 5 (17) октября – первое бомбардированіе Севастополя.

Когнитивный признак «значимые пункты обороны» – *Инкерманскими и Мекензѣвыми высотами; Сапун-гора, пунктъ чрезвычайно важный, занята нами; Сапун-гора, пунктъ чрезвычайно важный, занята нами, французы сделали на нее нападение, но были отбиты с большимъ успехом*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); Занятие неприятелемъ высот, укреплений значительно осложнит оборону города: *Севастополю не сдобровать, когда бы неприятель занялъ северные укрепления; Но теперь можно сказать, что почти и вся жизнь Севастополя сосредоточилась на Николаевской батарее: ресторан, магазины – все перевезено сюда*. («Воспоминания сестры милосердія Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»).

Когнитивный признак «отсутствует порядок» – *В Севастополе, говорят, ужасный беспорядок, почта не доходит до раненых, управление в ужасномъ виде, многие обвиняютъ сильно Менишкова, противъ него страшная*

кабала. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *От Севастополя до первой станции – Дуванов на пространстве шестнадцати верст лежат целые десятки падших лошадей и гниют в грязи;*... (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

Компонент-концепт «Крым»

Рассмотрим когнитивные признаки, связанные с Крымом:

«Внешняя красота» – *фонтан слез; гробница Марии с луной над крестом; бывший гарем Гирея; Ханский дворец действительно живописен, и я понимаю теперь, что Пушкин, бывши здесь летом, предался поэтическим мечтам.* (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); *Я не могла себе представить, что этот красивый уголок нашего обширного отечества может сделаться театром жестокой войны (1849 и лето 1850 года мы провели в Крыму, так как сестре были предписаны морские купанья. Как хорошо и спокойно там было).* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»).

«Погода» – *была буря и корабли неприятельские пострадали; войска продолжали путь, постоянно благопріятствуемая прекрасною погодою; Плавание эскадры Корнилова совершалось при самой неблагоприятной погоде; противные ветры, штормы, шквалы, град и дождь неотступно сопровождали наши многочисленные суда; ночь была довольно светла и тепла; А весна так хороша!* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); *Теперь у нас, мой друг, установилась зима и довольно пока сухая, так что ходить вовсе не неприятно.* (Леонтьев К.Н. «Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.)»); *Зима нынѣшняго года одна изъ рѣдкихъ зимъ* для крымского полуострова... *нынча вотъ уже и первыя числа мая, а поля еще голы, только кое-гдѣ чуть-чуть стала показываться зелень, а деревья еще и не распускаются, и нѣкоторыя стали пускать прямо листь вмѣсто цвѣта.* («Севастополь въ 1854 году до высадки англо-

французовъ въ Крымъ»); *Утро пасмурно, дождь виситъ надъ нашими головами.* («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»).

«Природа» – *Направо от нас тянулась бесконечно вдаль холмистая зеленая-презеленая степь... На синем небе не было ни облачка... Крымские жаворонки пели и пели, пели и пели, взлетая все выше и выше... Их было множество, а трава на степи была очень свежа, майская трава, еще ничуть от жары не желтеющая, - высокая, душистая, густая...* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»).

Когнитивный признак «территория» – *<Крым>... окруженному с трехъ сторонъ водами Чернаго и Азовскаго морей, представляющему, по малозащитности своей, много выгодныхъ мѣстностей для враждебныхъ нападений; ...весь русскій берегъ устьянъ городами, крѣпостцами, мѣстечками и большими селеніями, со множествомъ глубокихъ заливовъ и бухтъ, удобныхъ для проиведенія быстрой и неожижанной высадки войскъ.*

«Наступают на города» – *Враги идут на Бахчисарай; В Евпаторію все посылают турок, которые должны будут с севера окружить Севастополь; но у нас там войска, говорят, до 130 тысяч.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

«Сдан» – *Эвпаторія была уже занята непріателем; Керчь отдана без боя, и жители оставлены на разграбление и мучения врагов; вероятно - измена, иначе объяснить нельзя.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Наши войска отступили из Керчи и сдали ее без боя союзникам 12 мая в 55-м году.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»); *Къ вечеру много было розказней о занятіи союзниками и турками Эвпаторіи.* (Погоскій А.О. «Изъ замѣтокъ проѣзжаго»); *Крым потерян; Крым нам уже не принадлежит; Россия потеряла Крым; Севастополь взят, значит и Крым весь завоеван.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

В данный компонент–концепт включены языковые единицы, отражающие положение мирного населения Крыма в период военных действий.

Когнитивный признак «мирные жители» отражает начавшуюся массовую панику в период начала бомбардирования. Например: *<городские жители> стали помышлять о выѣздѣ из Крыма; городъ оставленъ гражданскими властями; жителей, оставлявшихъ городъ, можно было приблизительно насчитать до десяти тысячъ; Въ такомъ положеніи дѣл, не дожидаясь открытія военныхъ дѣйствій и опасаясь за участь Симферополя, нѣсколько почтенныхъ семействъ рѣшились оставить городъ, и 5 сентября, взявши съ собою только необходимое одѣяніе и наиболѣе дорогіе вещи, выѣхали изъ Симферополя по направленію на Чонгарскій мостъ, такъ какъ дорога на Перекопъ,... не считалась уже совершенно безопасною. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»); Въ городъ и по дорогѣ въ Симферополь тянутся обозы и нестройныя толпы пѣшиходовъ съ выраженіемъ страха и отчаянія на лицѣ; дѣти кричатъ, женщины рыдаютъ. (Англо-французы въ Ялтѣ); И такъ близкое сосѣдство непріятеля сначала намъ не нравилось, даже очень многихъ перепугало, въ особенности дамъ, которыя изъ Севастополя бѣгутъ сами не зная куда, платятъ страшные деньги до Симферополя за фургонъ... («Отрывки изъ писемъ доктора»).*

Однако Крымские города покидали не все. Часть чиновников оставались по собственному желанию в городах. Там же оставались и лица, не имеющие возможность выехать. Бедняки и мастера, лишенные средств на переезд в более безопасное место, вынуждены были остаться в крымских городах, находящихся под огнем противников. Признак «остались в городе» – *<в городе осталось> нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ, не выѣхавшихъ оттуда по собственному желанію; многіе изъ русскихъ мастеровыхъ, каменщиковъ, слесарей, прислужниковъ въ трактирахъ и погребахъ по собственной охотѣ оставались въ Симферополь; Оставшіеся бѣдняки, не имѣвшіе средствъ участвовать въ общемъ бѣгствѣ, пришедшіе взглянуть на эту картину, съ грустію и уныніемъ разбрелись по домамъ, раздумывая о*

своей плачевной участи; въ особенности женщины приходили въ отчаяніе, рыдали, рвали на себѣ волосы; многіизъ нихъ приходили къ дому градской полиціи и молили командира гарнизонного батальона, принявшаго должность коменданта, оказать имъ денежное пособіе и дать возможность уйти съ малолѣтними дѣтьми изъ города. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

Одна часть мирного населения Крыма начала покидать свои насиженные места задолго на начала фазы активных боевых действий, другая – не покидала свои дома, так как была «уверена в собственной безопасности». Ср.: *Появленіе соединеннаго англо-французскаго флота, съ 16-го апрѣля, въ числѣ тридцати-восьми вымпеловъ, на нашемъ горизонтѣ, не обнаружило въ жителяхъ рѣшительно ничего кромѣ любопытства, потому что каждый изъ насъ убѣжденъ въ твердости стратегическихъ мѣръ, принятыхъ главноначальствующимъ въ нашемъ краѣ, свѣтлѣйшимъ княземъ А.С. Меншиковымъ, къ сохраненію общаго порядка и безопасности.* Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ.

Более того, часть населения живет «мирной жизнью» – *Городская жизнь* и увеселенія *идутъ* своимъ порядкомъ, *по прежнему*. Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ.

Несмотря на то, что война была объявлена не внезапно, во многих крымских поселениях отсутствовали действующие пушки. Признак «отсутствие орудия» – *Предоставляю читателю вообразить положенію жителей города Ялты: въ городѣ ни... одной даже заржавѣвшей пушки, а между тѣмъ предъ глазами ихъ 10 кораблей; въ открытыхъ бортахъ дымятся фитили; 6 канонерскихъ лодокъ приближаются съ десантомъ не менѣ если не болѣе, 1000 человекъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ, и вся эта громадная сила – направлена противъ несчастной Ялты...* («Англо-французы въ Ялтѣ»).

Таким образом, в состав концепта «Крымская война» русского языкового сознания второй половины XIX в. входят когнитивные признаки,

представляющие Крымскую войну как целостное, комплексное явление, и когнитивные признаки, эксплицирующие общественно-историческое событие как производную ряда концептов: «воин», «враг», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь» и «царь».

§3. Интерпретационное поле концепта «Крымская война»

Интерпретационное поле концепта «Крымская война» включает лексические единицы, отражающие ценностное восприятие войны.

Аксиологическая лексика обозначает отношения между объектами внешнего мира и вызываемыми ими состояниями человека. При этом само это свойство не эксплицируется [Арутюнова, 1988:20].

В концепте «Крымская война» русского языкового сознании второй половины XIX в. актуализируется лексика, которая выражает эмоциональную, утилитарную, эстетическую и гедонистическую оценки, являющиеся важной составной частью общей аксиологической системы.

3.1. Общие когнитивные признаки

Война в русском языке описывается не только лексемами, обозначающими *панику* и *страх*, вызванные военными действиями, но и *воодушевление*, *радость*, *восторг*.

В структуре концепта присутствуют антонимичные когнитивные признаки «страх» и «радость».

В состав лексического ряда признака «страх» входят слова тревога, страх, паника, имеющие различную экспрессивность.

Когнитивный признак «страх» – *<балаклавы> въ постоянномъ страхѣ* за свою жизнь; *всѣ потерялись отъ страха*; *известие о взятии*

турками поста Св. Николая **произвело панику**; занятие турками поста произвело и в Севастополе, и в Петербурге **удручающее впечатление**; Въ особенности **женщины** придумывали всевозможныя противу Симферополя диверсіи со стороны непріятеля, и, своими безпрерывными опасеніями, **страхомъ** и преувеличенными толками о неистовствахъ турокъ и англичанъ, ослабляли бодрость и мужчинъ, вовсе отъ природы не робкихъ. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»); **Всѣ** эти рассказы, на половину правоподобные, навели на обитателей Симферополя **паническій страхъ**, ибо въ то же время положительно стало извѣстно, что высадка начала производиться 2-го сентября, въ 20-ти верстахъ отъ устья рѣчки Булганака, против татарской деревни Тузлы, между Сакскимъ и Кизильярскимъ озерами, недалеко отъ Старого Редута. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»); Но описать этотъ **страшный бой** невозможно; я сдѣлалъ только очеркъ его. («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»); Битва под Бурлюкомъ и послѣдовавшее за нею занятіе Балаклавы вновь **произвели тревогу между жителями**: стали поговаривать объ удаленіи изъ Ялты семействъ, и потомъ вывозить ихъ въ Симферополь и далѣе. («Англо-французы въ Ялтѣ»); Москвы с кучером, что хотя ходят слухи о мире, но **Ермолов, Закревский** и тому подобные лица **уверены, что разгорится страшная война**. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

В концепте «Крымская война» лексемы, описывающие проявления страха, имеют различную интенсивность: *тревога* – *удручающее впечатление* – *страх* – *панический страх*.

Когнитивный признак «радость» – *проголодался на радостях, что пахнет хоть немного войной...*; *народ... предался восторгу в начале войны; одушевленный мыслью, что теперь война; Итак - война! И у нас – война; духъ нашихъ войскъ въ отличномъ состояніи; выведенные заключения не располагали меня ничуть видеть в войне только бедствие. Напротив того, поэзия войны...* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году»). Данный ряд

дополняется лексическими единицами, передающими радость от одержанных побед, – *Вы не можете себе представить счастье, которое все испытывали в Петербурге по получении известия о блестящем Синопском деле.* (Письмо от 4 декабря 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254).

Словосочетание *пахнет войной* в русской лингвокультуре несет информацию, связанную с ощущением войны.

Эмоционально-окрашенной является лексика, передающая восприятие войны как уничтожения народа. Когнитивный признак «убийство» – *об этом ужасном истреблении людей.* Осознание Крымской войны как войны, направленной на уничтожение людей, в русском языковом сознании второй половины XIX в. вызывает ужас.

Оценка военных действий выражена прилагательными *жестокий, свирепый, ужасный, адский.*

Лингвокультурную информацию в русском языковом сознании несет слово «свирепый», входящее в синонимический ряд: *лютый, зверский, неистовый, неукротимый, жестокий, кровожадный, хищный, нещадный, иступленный.*

На интенсивность боевых действий указывают словосочетания *сыпались градом, застонала земля, задрожали окрестные горы, заклокотало море.*

Лингвокультуремы *застонала земля, задрожали окрестные горы, заклокотало море* восходят к мифопоэтической традиции, в которой окружающий мир – горы, море, земля, птицы и проч. – олицетворялись. В этом заключается антропоморфизм русской языковой картины.

Когнитивный признак «сильный бой» – *неимоверно жестокое сражение; свирѣпый бой не умолкалъ ни на минуту; Закипѣлъ бой ужасный:* *застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море; вообразите только, что изъ 1000 орудій съ непріятельскихъ кораблей, параходовъ и съ сухопутныхъ батарей, а в то же время и съ нашихъ батарей разразился адскій огонь: непріятельскіе корабли и пароходы стрѣляли въ наши батареи залпами; бомбы, каленыя ядра, картечи,*

брандсугели и конгревовы ракеты сыпались градомъ,... («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»).

Когнитивный признак «много крови» – *Где на пир мы позваны кровавый, / Где, на спор взирая величавый,... / Целый мир ждет Божьего Суда!* (Аксаков И.С. «На Дунай!»).

3.2. Интерпретационные зоны компонент–концептов

Компонент-концепт «русские»

Когнитивный признак «вызывают гордость» – *Все повреждения, наносимые Севастополю, исправляются быстро, и люди работают без усталы и сохраняют удивительную бодрость и даже веселость духа, так что князь Горчаков пишет: «Нельзя не гордиться именем русского». Да поможет им Бог!* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

В русском языке нашло отражение также то, что во время Крымской войны не было такого же поднятие духа, как во время войны 1812 года. Когнитивный признак «не откликаются на события» – *В этот грозный промежуток времени <о периоде Крымской войны> замолкли и так называемые деятели сороковых годов.* (Анненков П.В. «Художник и простой человек»).

В русском языковом сознании находит воплощение признак желание служить отечеству. «Когнитивный признак «хотят служить» – *...летом 54-го года, я, в прошениях моих и личных разговорах с медицинскими властями, прямо указывал на Севастополь и Керчь как на места, в которых я служить желаю, именно потому, что там можно ожидать военных действий.* (Леонтьев К.Н. «Сдача Керчи в 55-м году»).

Когнитивный признак «проливается русская кровь» – *пролития русской крови.*

Компонент–концепт «мир»

Язык является одним из средств выражения чувств и эмоций. В этом заключается его базовая функция. Негативное восприятие вынужденного мира обусловлено национальной самобытностью русского народа – народа-победителя в Отечественной войне 1812 года.

Общественность Российской империи негодовала по поводу принятия мира. Все лексические единицы, эксплицирующие информацию, связанную с миром, оценочные. Доминирующими в структуре компонент-концепта являются семы 'унижение', 'стыд' и 'вынуждают принять'.

Отрицательную оценку получает возможность заключения мира на основании унижительных для России условий.

Когнитивный признак «унижение» – *мир на унижительных основах австрийских предложений; хотят заключить мир с Австрией и принять 4 постыдные условия; поражены постыдным известием... о мире; ...я просто обвиняю Нессельроде в злоумышленности, каким бы то ни было способом принудить нас хотя <бы> к постыдному миру.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Окончена война. Подписан подлый мир.* (Майков А.Н. «Окончена война»).

Русское общественное сознание дает отрицательную оценку предстоящему миру. В языковом сознании российской общественности актуализирована информация, отражающая стремление правящих кругов подготовить общество к необходимости заключения мира. Когнитивный признак «вынужденный мир» – *будет мир, потому что мы заранее на все согласны; <мы>... подпишем все условия; ...все дурное нам сейчас выставляют на вид, а о более утешительных подробностях умалчивают, вероятно, для того, чтобы нас приготовить к необходимости мира как единственной возможности прекратить эти ужасы.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Отцы отечества!*

устраивайте пир, / Бокалы с торжеством высоко поднимайте! / И лживый манифест с потоком слез читайте! (Майков А.Н. «Окончена война»).

В состав данного компонент–концепта также входит когнитивный признак «стыд», представленный словосочетанием «плакали от стыда». Например, *мужчины плакали от стыда* <о заключении мира>.

Эмотивная лексика передает страх от возможного заключения мира – *все в страхе, чтоб государь не заключил с ней <Австрией> мира*.

Компонент-концепт «Информация»

Признак «искажение информации» – *Но что нам печатают за донесения Менишкова! Это возмутительно читать! Из них делают такие сокращенные извлечения в строчек пять, так что решительно не можешь себе составить настоящего понятия*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855»); Ну, мастерски лгут во Франції, особенно *официальныя* газеты. (Цивилизованные воины. «Письмо изъ Севастополя отъ 3-го ноября»); ...петербургская публика, при чтеніи газетъ, привезенныхъ двумя послѣдними иностранными почтами, не могла безъ удивленія видѣть содержащіяся въ нихъ *извѣстія о побѣдахъ союзниковъ въ Крыму*. («Ложное извѣстіе о взятіи союзными войсками Севастополя»).

Отсутствие информации приводит к появлению недостоверной информации. Когнитивный признак «слухи» – *поскольку справедливы эти слухи, трудно решить; поскольку справедливы эти слухи, трудно решить; слух о взятии Балаклавы, но это вздор; Разнесся было слух о нашей победе над турками за Дунаем, будто бы мы разбили 12 тысяч турок и т.д.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855»).

Когнитивный признак «плохие новости» – *ходят какие-то неблагоприятные слухи; вести из Крыма самые дурные; ...все думают, что Горчаков даст себя отрезать и погубить армии или положить оружие*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855»).

В русской языковой картине мира присутствуют лексемы, эксплицирующие «отсутствие важных новостей» – *информации о военных действиях известий из Крыма никаких особенных; по последним известиям из Крыма, там ничего не происходило важного.*

Когнитивный признак «отсутствие сведений» – *отсутствие серьезных сведений о противнике; ничего неизвестно о неприятеле; новых сведений о враге не получено* отражает ситуацию, сложившуюся во время Крымской войны, когда должным образом организованная разведка попросту отсутствовала, что не могло не сказаться на ходе военных действий.

Компонент-концепт «крымские татары»

В русском языке актуализировано и то, что крымские татары испытывали негативное отношение к себе как российских казаков, так и союзников. Это нашло отражение в следующих когнитивных признаках:

«подвергаются грабежам казаков» – *казаки угоняли стада овец; выжигали целые деревни; кололи перины;*

«подвергаются грабежам союзников» – *повальный грабеж татарских деревень; зверства союзников в евпаторийских деревнях; Ак-Мечеть была разграблена; старого до малого избивали и подвергали всякого рода оскорблениям.*

Компонент-концепт «Царь»

Прилагательные *благое, светлые, доброе* отражают позитивное восприятие общественностью восшествие на престол малоизвестного Александра II. Когнитивный признак «надежда» – *манифест* его <Государя Александра Николаевича> о восшествии *произвел на всех благое впечатление и возродил надежду; светлые чувства и надежды и мольбы к Богу возбудило первое впечатление восшествия на престол государя Александра Николаевича; новый государь возбудил самое благоприятное впечатление и надежды своими словами к разным сословиям, которые*

принимал; Если **новый государь** будет заодно действовать с великим князем Константином Николаевичем, можно **ожидать много доброго**. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Следует отметить, что **падение колокола** во время присяги новому государю в русском языковом сознании связано с несчастьем, горем. Когнитивный признак «плохое предзнаменование» – **падение колокола в Москве произвело сильное смущение в народе; В самое время присяги новому государю упал колокол в 2000 пуд. с Ивана Великого, продавил три этажа и остановился на земле**. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Когнитивный признак «доверие» – **Хомяков даже написал адрес новому государю, в котором просто и кратко говорит только о сочувствии, о доверии к нему и о готовности стать за него и за отечество**, даже не упомянул о вере, потому что в первую минуту не хотел ни о чем ему говорить, кроме ободрения и сочувствия. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Словосочетание **искусные вожди** представляют когнитивный признак «талантливый руководитель».

Компонент-концепт «Царь» включает когнитивный признак «спасает Крым» – **Тебе спасибо, вождь седой: / Умен и тверд ты, – Бог с тобой; / Бог даст, нам Крым спасешь ты!** (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»). Идея спасения Крыма имеет огромное значение, она увеличивает значимость действий императора.

Компонент-концепт «Россия»

В русском языковом сознании интерпретационная зона компонент-концепт «Россия» номинируется лексемами, отражающими восприятие влияния Крымской войны на Россию и содержащими оценку ее в войне.

Антонимичные признаки «сильная» – «слабая» свидетельствует о том, что постепенно меняется мировосприятие общественности. Происходит

ослабление веры в способность России победоносно продолжать военные действия.

Когнитивный признак «сильная» – *Вы спросите эту тень: / Что такое за **Россия?** / Что за **лед и за кремень** / Наши груди боевые?* (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *Двенадцать раз луна менялась, / Луна всходила в небесах, – / А все **осада продолжалась**, / И поле смерти расширялось / В облитых кровию стенах.* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»); *Заморский рост она переросла, / Тянуться ль вам в одно с **богатырями!** / Попробуйте на нас теперь взглянуть, / Коль не боитесь голову свихнуть!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»); *Тебе дал **силу роковую**, / Да сокрушишь ты волю злую / Слезах, безумных, буйных сил.* (Хомяков А.С. «России»).

Лингвокультурную информацию в моделируемом концепте несут лексемы **лед** и **камень**, которые символизируют мощь России.

Когнитивный признак «слабая» представлен в концепте менее ярко – *Россия в настоящее время не в состоянии продолжать войну.*

Компонент-концепт «Россия» представлен антонимичными признаками «святая» и «грешная».

На служение России Богу, признание христианской церковью покровителем верующих указывает когнитивный признак «святая» – *Какой наградой почитает вас **Русь святая?*** (Е.П. Ростопчина. Сестрам Крестовоздвиженской общины); *Страдала Русь в боях междоусобных, / По капле кровью чуть не изошла, / Томясь в борьбе своих единокровных; / Но живуча **святая Русь** была!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Антонимичный когнитивный признак «грешная» – *А на тебя, увы! как много / Грехов ужасных налегло!* Хомяков А.С. России; *В судах черна неправдой черной / И игом рабства клеймена; / Безбожной лести, лжи тлетворной, / И лени мертвой и позорной, / И всякой мерзости полна!* (Хомяков А.С. «России»); ...*за грехи России* эти убеждения были ей

тяжким бременем. («Письмо изъ Севастороля отъ 3-го ноября»). Данный когнитивный признак указывает на то, что империя погрязла во лжи, обмане. Только участие в Крымской войне за православие позволит смыть эти грехи. Когнитивный признак «очищение» – *Где же покаяние, возможно ли оно или, может быть, нужны в самом деле страшные испытания, чтоб Русская земля очистилась?* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»; *Ты избрана! Скорей омой / Себя водою покаянья, / Да гром двойного наказанья / Не грянет над твоей главой!* (Хомяков А.С. «России»). Когнитивный признак «унижение» – *нельзя было лучше унижить Россию; Титов... был причиной первоначального унижения России.* Вследствие участия в войне Россия подверглась всестороннему (внешнему и внутреннему) унижению.

Когнитивный признак «перерождение» отражает веру российского общества в то, что участие России в Священной войне переродит ее – *Чтоб свой народ переродить!* (Майков А. «Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»). Данная идея восходит к идее противопоставления России и Запада, к эпохе Петра Великого, который смог изменить Россию.

Именно на долю Росси выпало «возрождение» Востока – *И властвуя над Азией глубокой, / Она всему младую жизнь дает, / И возрожденье древнего Востока / (Так бог велел!) Россией настает.* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

Когнитивный признак «переживает потерю Крыма» – *Россия потрясена Крымским поражением.*

Когнитивный признак «выполняет божью волю» – *Но помни: быть орудьем бога / Земным созданьям тяжело.* (Хомяков А.С. «России»); *О Русь моя! как муж разумный, / Сурово совесть допросив, / С душою светлой, многодумной, / Идёт на божеский призыв...* Хомяков А.С. «Раскаявшейся России»); *Вставай, страна моя родная, / За братьев! Бог тебя зовёт...*

(Хомяков А.С. «России»). Участие Российской империи в войне – не желание захватить территорию, а следование воле Бога.

Избранничество России эксплицирует когнитивный признак «любит Бог» – *Тебя призвал на брань святую, / Тебя **господь наш полюбил**,..* (Хомяков А.С. «России»).

Участие России в войне является испытанием силы ее веры в Бога. Когнитивный признак «испытание» – *Нам новых дней зарю... Ударила война, / Россия **вызвана на созерцанье миру**, / **На суд Истории**: да гордый мир поймет, / Что тот же мощный дух и доблесть в нас живет, / Что мы не скованы лжемудростию узкой!* (Майков А. «Бывало, уловить из жизни миг случайный...»); 'испытание' – *Но **Господу** угодно было / Свою **Россию испытать**: / Не мощь врагов нас победила, / Не длань их город сокрушила, – Но Бог судил его отдать!* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»).

Компонент–концепт «политика»

Интерпретационная зона компонент–концепта содержит когнитивные признаки, отражающие слабость политической системы Российской империи.

Русское языковое сознание XIX в. отмечает, что сам народ несет ответственность за тех политиков, которые определяют векторы развития страны. Признак «виноват народ» – ***народ всегда виноват**, если у него такое правительство.*

Когнитивный признак «предательство своего народа» – ***правительство предает предательски народ.***

Особую роль в компонент–концепте «политика» играют когнитивные признаки, характеризующие ближайшее окружение императора.

В русском языке запечатлелось двойное отношение к князьям Горчакову и Меншикову.

С одной стороны, Горчаков предстает как истинный патриот страны, а с другой стороны, указывается на его недальнорукость и даже глупость. Когнитивный признак «предан отечеству» – князь *Горчаков... как истинно любящий свое отечество*. (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

Когнитивный признак «необдуманное решение» актуализирует в концепте информацию, связанную с интеллектуальными способностями князя Горчакова. Например, *Горчаков сделал новую глупость* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

В Александре Михайловиче Горчакове и его ближайшем окружении общественность видит изменников. Признак «измена политиков» – *<измену>... если не в самом Горчакове, то в его окружающих*.

Неудачи России в Крымской войне связаны с неумелым руководством империей. Признак «плохие политики» – *где Нессельроде и Титов, ничего доброго нельзя ожидать*. Подобное отношение наблюдается и к Александру Сергеевичу Меншикову: *много нападков и обвинений против Меншикова; Меншиков мало виноват даже в успехе защиты Севастополя; Очень жаль, если на место Меншикова кн. Горчаков; тут ничего доброго ожидать нельзя*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Время покажет, что такое Меншиков, как полководец; но, если даже он и защитит Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги*. (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); *Если Горчаков не сумел удержаться за такими непреодолимыми укреплениями, то как же может он устоять в открытом поле*. (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

В тоже время в концепте вербализована информация, дающая высокую оценку политике. Признак «вызывает уважение» – *Очень часто гулянье это удостоивается присутствием светлейшего князя Меншикова, которого здесь чтят и жаждут видеть*. («Севастополь в 1854 году до высадки англо-французов в Крым»).

Когнитивный признак «действует против народа» – *народ не виноват, что правительство против его желания так поступает; Положение наше совершенно отчаянное: не внешние враги нам страшны, но внутренние, наше правительство, действующее враждебно против народа, парализующее силы духовные, приносящее в жертву своих личных немецких выгод его душевные стремления, его силы, его кровь.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Слова *против желания, враждебно* имеют негативную коннотацию.

Компонент-концепт «раненые»

Накануне Крымской войны и в период проведения военных действий не были созданы надлежащие условия для оказания квалифицированной помощи пострадавшим. Данная информация была актуализирована следующими когнитивными признаками:

«Не хватает медицинского персонала» – *Другого ординатора услали в Феодосию, потому что там еще больше больных.* Леонтьев К.Н. Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.); *Сказать надо и то, что перевести меня никуда не могут, потому что я теперь и ординатор на 200 человек больных; а на будущей неделе привезут еще 200 раненых.* Леонтьев К.Н. Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.).

«Плохая организация медицинской помощи» – *раненые валяются, как собаки; <раненых>... бросили на земле, на нарах; <раненые>... не были перевязаны и даже не накормлены; по 2 и по 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя; участь <раненых>... быть сваленными на нары и валяться в грязи и нечистоте под наблюдением врачей; <раненых>... скученных вместе; лежащих на грязных матрацах; в открытых телегах, без тулупов; В Симферополе лежат еще больные в конюшне, соломы для тюфяков нет... (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»); Перевязочныхъ пунктовъ также нигдѣ не отыскиали; не было въ отрядѣ ни одного доктора, ни одного фельдшера, ни*

одной телеги для перевозки тяжело раненых: последние сами перевязывали чѣмъ попало свои свѣжшія раны, но не могли остановить воспаленія, быстро у нихъ развававшихся. (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

«Антисанитарные условия» – Горькая нужда, беззаботность, медицинское невежество и нечисть соединились вместе в баснословных размерах в двух казарменных домишках, заключающих в себе 360 больных, положенных на нарах один возле другого, без промежутков, без порядка, без разницы, с нечистыми вонючими ранами возле чистых, в пространстве по благоусмотрительному человеколюбию врача и зрителя, герметически запертых при температуре слишком 18°Р, не перевязанных более суток, вероятно, также из человеколюбия. (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

«Отсутствие перевязочного материала» – Въ то время, когда вся Россія щипала корпию для Севастополя, корпией этой перевязывали только англичанъ, а у насъ была только солома. Корпии и перевязочных средств никогда не будет довольно для раненныхъ. Бинты едва моются и мокрыми накладываются. («Севастопольскія письма Н.И. Пирогова 1854-1855»).

Помощь медикам оказывали добровольцы. В организации работы госпиталей принимали участие сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Когнитивный признак «помощь сестер милосердия» – *На другой же день я написала в Петербург к гр. Антонине Дмитриевне Блудовой, чтобы она сообщила кому следует, что я желаю поступить в сестры, и с нетерпением ждала ответа...* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»); *Для помощи Еду сегодня в Симферополь, дня на четыре, посмотреть на госпиталь и узнать о сестрах милосердия, которые должны на днях явиться.* (Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания).

Высокую оценку труда сестер эксплицирует признак «достойны похвалы» – *И я с удовольствием всегда вспоминаю, как один из раненых,*

который, слава Богу, уже поправлялся, *расхвалив сестер*, спросил меня... («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»).

Концепт–компонент «ополчение»

Когнитивный признак «не хотят вступать в ополчение» – *...всякий отделялся от ополчения, как кто мог; в других некоторых губерниях... вспомнили прежнее в 1812 году, и самые лучшие люди поспешили стать в ряды его; никто.. не хотел идти в московское ополчение; Ермолов вообще выражался с порядочным презрением об ополчении*. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855).

Русская языковая картина мира середины XIX в. отразила храбрость ополченцев. Признак «смелые» – *ополчение курское дралось отчаянно*.

На несерьезное отношение к ополчению указывает когнитивный признак «формальный» – *ополчению старались придать самый казенный характер; <ополчение> не называли его земским войском*.

Компонент–концепт «турки»

Интерпретационное поле компонент–концепта «турки» эксплицирован следующими когнитивными признаками:

«эмоциональное напряжение» – *самые жаркіе приверженцы войны упали духомъ; Синопское сражение произвело чрезвычайное уныніе между мусульманами*. («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»);

«утешение» – *Смѣшно смотрѣть, какъ они утѣшаютъ себя, говоря, что и русскіе корабли потерпѣли чувствительный вредъ и должны были спѣшить къ Севастополю!* («Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ»);

«надеяться на возвращение утраченных позиций» – *турки не оставляли надежды возвратить Карс*.

В русской языковой картине мира содержится информация о том, что турки рассчитывали на помощь французов и англичан в войне с Российской империей. Когнитивный признак «просьба о помощи» – *турки просили англичан и французов помочь им в случае нападения с севера; турки просят англичан о помощи; турки рассчитывали на помощь англичан и французов.*

Негативная оценка турок имплицитно содержится в признаке «проливают русскую кровь» – *турок, открыто проливавших русскую кровь; турки придут обратно и вырежут.*

В русском языковом сознании при номинации турок используют лексему «мусульмане».

Так же антонимична оценка русской общественностью смелости турок. Так, в русской языковой картине мира содержится признак «не бояться» – *мусульмане нашего оружия более не боялись* и антонимичный ему «бояться» – *турки боялись неприятеля.*

В интерпретационной зоне содержится информация о том, как турки относились к символам православия. Когнитивный признак «отношение к христианским святыням» – *Турки въ этомъ отношеніи <об разграблении православныхъ церквей> не заходили такъ далеко, какъ ихъ христианскіе союзники.* («Письмо ветерана 1812 года о дѣйствіяхъ союзниковъ»).

Компонент-концепт «враг»

Оценка врага русскими во второй половине XIX в. осуществлялась с позиции соответствия принципам христианства. Самым ярким в структуре компонент–концепта «враг» является когнитивный признак «является врагом Богу» – *Зовет на Царь на брань священну, / Попрем гордыню мы надменну – /Врагов Его – врагов Святой Руси; ...* (Месковский А. «Отклик русского на Высочайший Манифест от 9 февраля 1954 г.»).

Интеллектуальные способности врага отражены в когнитивном признаке «хитрый» – *Познай, наш враг хитроугрозный!* (Майков А. «Памяти

Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»). Лексема *хитроугрозный* образована от сочетания двух слов «хитрость» и «угроза», которые в сочетании создают образ сильного, умудренного опытом врага.

Русское языковое сознание оценивает возможный вред, который могут причинить империи враги. Когнитивный признак «наносит вред» – *могут нам нанести враги наши наибольший вред.*

Оценочную коннотацию несут лексические единицы, входящие в когнитивные признаки «слабые» и «воруют».

Когнитивный признак «слабые» – *английские батареи едва действуют; Смешно французом русского пугать!* (Достоевский Ф.М. «На европейские события в 1854 году»).

«Воруют» – *Это воры, а не военные, благородные люди.* («Цивилизованные воины. Письмо из Севастополя от 3-го ноября»).

Компонент-концепт «европейцы»

Когнитивный признак «зачинщики войны» – *Вы зажигатели, – и каторжною славой / Вас заклеят потомства суд.* (Вяземский П.А. «Одесса»). Данный когнитивный признак отражает то, что европейцы первыми начали войну.

Они предали Христа. Признак «измена христианству» – *...вскрылась вся лицемерная суть «христианской» Европы...* (Календарь «Святая Русь»). В стихотворении Я.П. Полонского пилигримы (европейцы, отступники от Христа) не узнали христианских храмов и колокольного звона: *Словно чудо вырастает / Яркий купол над волною, / – Крест ли там над ним сияет / Путеводною звездою?* (Полонский Я.П. «Рыцарская ошибка»).

На отсутствие военной мощи указывают лексические единицы, объективирующие когнитивный признак «слабые» – *Пускай Европа негодует, / Пускай коварствует и лжет: / Дух отрицанья, дух сомненья, / Врагов бессильное шипенье / Народный дух в нас не убьет!* (Майков А.

«Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе»); *В Крымскую кампанию соединенные флоты самых могущественных морских держав могли только с величайшими усилиями способствовать взятию одной приморской крепости; на всех остальных пунктах оказалось полное бессилие.* (Чичерин Б.Н. «Курс государственной науки»); *По иностранным журналам видно, что, в самом деле, армия английская под Севастополем в крайнем положении, французы заняли все английские посты, англичан осталось всего тысяч 21, и те наполовину не в состоянии работать.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Европейцы способны на ложь. Когнитивный признак «действуют обманом» – *Появляясь предъ крепостями, параводы дѣйствуютъ еще постыднѣе – поднимаютъ не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги – Австрійскій и Русскій, полагая этимъ обмануть бдительность береговыхъ начальствъ.* («Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ»).

Компонент-концепт «воин»

События, являющиеся актуальными для носителей языка, всегда подвергаются оценке. Как пишет Н.Д. Арутюнова, оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и человечеству. Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого бытия [Арутюнова, 1988]. Неудачи в военных действиях общественность также связывала с плохим высшим руководством. Данная информация отражена когнитивным признаком «плохие полководцы»: *войско погибает от непростительной оплошности начальника <Данненберга>...; нет образованных и умелых руководителей; ради неспособных главнокомандующих; атака Карса Муравьевым просто безумие.*

Прилагательное *храбрый* 'отважный, смелый, неустрашимый' используется для характеристики воинов, защитников империи. Слово

«храбрый» заимствовано из ст. -сл. яз. – «доблестный, воинственный» развилось из сущ. **храбрь** «храбрый воин», «воитель» (отмечается в рус. памятниках XI – XVI вв.) [Цыганенко, 1989:468]. Когнитивный признак «храбрые»: *наше храброе войско; часто наше храброе войско погибает; самоотверженные русские герои на Малаховом кургане; ротмистр Хитрово храбрый воин; Матрос Кошка привел 6 языков; храбрые матросы Федор Заика и Аксений Рыбаков; отличились отважностью солдаты Афанасий Елисеев, Иван Димченко; подвиг сестры милосердия Дарьи Севастопольской; мы твердо стоимъ и будемъ драться до послѣдней капли крови; Он<Платон Чихачев> был в Крыму, вызванный князем Горчаковым, и много рассказывал нам о ходе войны, рассеянности Горчакова, о геройстве пластунов, о подвигах которых он писал статьи в журнале «Русская беседа». (Беляев А.П. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном»); При объявленіи о семъ нижнимъ чинамъ флота, принадлежавшимъ къ 4-му бастіону, всѢ они единодушно просили позволенія оставаться при своихъ орудіяхъ безсмѣнно, **изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ**. (Славони Г. «Артиллерійская прислуга на 4-мъ бастіонѢ севастопольскихъ укрѣпленій»; Мужество нашихъ артиллеристовъ было невыразимо. («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»); Случалось мне бывать и на бастіонах, где, не смотря на громадныя потери, кипела все та же деятельная и геройская защита. Одоевский В.Ф. Из личных воспоминаний о Крымской войне; Три зарядные ящика находились на дворѣ у внутренней стѣны, и, по неизвѣстной причинѣ – такъ какъ положеніе ихъ, казалось, совершенно обезпечивало ихъ отъ непріятельскихъ снарядовъ – взорвались, отчего произошелъ былъ пожаръ, который однакоже, въ слѣдствіе особой храбрости, энергіи и распорядительности командира батареи, былъ скоро потушенъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. (А.Т. «Константиновская батарея г. Севастополя въ Крымскую войну»); <вице-адмирал Нахимов>.. былъ храбрый морякъ... («5 (17) октября – первое*

бамбардирование Севастополя»). В русской поэзии также отразилась оценка воинам: *Что поминая Русь святую / Во славу батюшки Царя, / Полки под песню удалую / Неслись на ядра не смотря.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *Вы лихо, милые, дрались; / Вы в поле ратное неслись / Грозой на супостата...* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»); *Герои верности и веры, – / Вы, наши чудо-молодцы, / Затмили удалью без меры / Всех древних доблестей примеры, / Все бранной славы образцы.* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»); *И сердце радостью задышет, / Слеза блеснет из Царских глаз, / Когда Родимый наш услышит / Про храбрых детушек рассказ.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *Нет битв страшней, нет жарче боя... / Дыша в огне, вы гибли стоя / Под славным знаменем своим!* (Ростопчина Е.П. «Черноморским морякам»).

Когнитивный признак «смелые» – *Я сама видела, стоя на галерее, что когда летит бомба, солдаты со смехом разбегаются, точно играют в мячик, а потом с безрассудным любопытством сбегаются на нее, прежде чем она лопнет.* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»).

Когнитивный признак «решительные» – *Муравьев ни минуты не колебался; 12-го числа, князь Меншиковъ, видя, что непріятель можетъ стать на сообщенія его съ внутренностію Имперіи, рѣшилсѣ предупредить столь невыгодное послѣдствие, и предпринялъ самое отважное и искусное движеніе.* («Обзоръ военныхъ дѣйствій въ Крыму въ теченіи сентября 1854 года»).

Интерпретационная зона компонент-концепта «воин» представлена немногочисленным признаком «слабее неприятеля» – *крымскій отрядъ нашъ числительності былъ несравненно слабѣе непріятельскаго.*

Воины вызывают восхищение общественности. Когнитивный признак «гордость» – *Хвала, солдатушки, вождям; / Они примером служат вам, – / Спасибо им за это!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в

Севастополе»); *Хвала вам, славные бойцы! / Вам, наши светы-молодцы, / Упавшим в жарком бое!..* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»).

Общество благодарно защитникам Империи. Когнитивный признак «благодарность» – *Защитники страны родной, / О вы, чья кровь лилась рекой / За Русь Святую нашу, –/ Пусть голос наш к вам долетит: / Вас всех Москва благодарит / За кровь и жертву вашу!* (Ростопчина Е.П. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»).

Когнитивный признак «верят в победу» – *Но в то время общее настроение было таково, что успех казался несомненным.* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

В компонент–концепте «воин» вербализованы лексические единицы, отражающие упадок духа защитников. Когнитивный признак «не верят в победу» – *на победу надежд уже никаких нет; Инкерманское сражение разрушило эти надежды* <на победу>. (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»).

Русские воины «верные родине» – *Клянемся – Знаменем Спасенья / До гробы быть верну родной стране...* (Месковский А. «Отклик русского на Высочайший Манифест от 9 февраля 1954 г.»). «Стоят до последнего» – *Не смотря на усиленное бомбардированіе съ трехъ сторонъ, поручикъ Марковъ не уступалъ, пока были у него заряды, и только съ послѣдним зарядомъ прекратилъ огонь.* («Фланговое движеніе князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»).

Компонент-концепт «Севастополь»

Ужасы войны не мешают человеку воспринимать прекрасное. В компонент-концепт входят также слова, отражающие непревзойденный вид Севастополя и бухт. Когнитивный признак «красота» – *нет в целом свете лучше Севастопольской бухты; я не мог достаточно налюбоваться Севастополем; Особливо часть города* <Севастополя>, известная под

именем Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатром на горе. (Пирогов Н.И. «Севастопольские письма и воспоминания»).

Утрата Севастополя – утрата всей славы, всей России. Признак «значение Севастополя» – ...*отдали Севастополь, не только Севастополь, но всю славу, все значение России,... вместе с Севастополем мы теряем флот и Черное и Азовское моря.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»).

Когнитивный признак «вызывает сожаление» – *Сдав ему шелк для лигатур и ключ от аптеки, я оставляю с сокрушенным сердцем нашу Николаевскую батарею, нашу Южную сторону, наш бедный Севастополь!..* («Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.)»). В русском языковом сознании эпохи Крымской войны отражена горечь и боль от утраты Севастополя.

Компонент-концепт «вера»

В состав концепта «Крымская война» входит компонент-концепт «вера», который является центральным концептом христианского дискурса.

В концепте «Крымская война» данный компонент-концепт актуализирован ключевыми лексемами *вера, Бог, церковь*, являющимися значимыми для русской лингвокультуры любого исторического периода.

В период Крымской войны они приобретают первостепенное значение, так как данная война для русских 1853–1856 гг. шла под знаком Христа.

Компонент-концепт «вера» как фрагмент сложной ментальной единицы «Крымская война» представляет информацию, связанную с верой в Бога, его помощью в войне, и дает оценку отношению противника к православным святыням.

Данный компонент–концепт не содержит понятийную зону. Это связано с тем, что сквозь призму веры преломляется отношение общественности к войне.

Н. Бердяев, предпринявший философский анализ природы веры, писал: «В акте веры есть подвиг отречения, которого нет в акте знания; акт веры есть акт свободной любви, не ведающей доказательств, гарантий, принуждений» [Бердяев, 2004:58]. Вера является важнейшей культурной универсалией и составляет основу всех мировых религий. Как отмечает религиовед Ю. Кимелев, «слово «вера» в христианстве чаще всего используется для обозначения отношения человека к Богу, т.е. для обозначения отношения вообще конституирующего эту религию» [Кимелев, 1989:139].

Этимологический анализ слова *вера* показывает, что это древнеславянское слово, имеющее соответствие в других языках. «Вера – вѣрить, укр. віра, др.-русс., ст.-слав. вѣра пістіс (Супр., Клоц.), болг. вѣра, сербохорв. Vjěra, словен. véra, чеш. víra, польск. wiara, в.-луж., н.-луж. wjera. Родственно авест. var– «верить», varəna- «вера», осет. urnyn «верить»;... wāra ж. «правда, верность, милость», др.-исл. vár «обет, торжественное обещание», д.-в.-н. wār «правдивый, верный», др.-ирл. fír «правдивый, истинный», лат. vērus «истинный, правдивый», гот. tuzwērjan «сомневаться», unwērjan «досадовать»;...» [Фасмер, 1986:292-293].

Компонент-концепт «вера» семантизирует способность к опознанию причастности человека к тому, что выше его – *Богу*.

Слово *Бог* является ключевым в языковой картине мира христиан. Восходит «к древнеиндийскому *bhagas* – «господин» или «богатство» [Крылов, 2005:40].

Язык веры передает отношения между Богом и человеком: *совершаются судьбы Божьи, укрепит людей, милость Всевышнего, смилуется над нами* и т.д.

Ядерными значениями компонент–концепта «Бог» являются *доверие, верность и любовь*.

Война – испытание, которое послал православным Бог, чтобы укрепить их в своей вере.

Когнитивный признак «укрепляет людей» – *Господь ... укрепит людей своих на пути испытания.*

Русская общественность полагала, что Бог поможет истинно верующим. Когнитивный признак «защитит православие» – *надѣмся на милость Всевышняго; Господь не оставит верующих и молящихся Ему; Господь защитит православие и несчастных мучеников; да смилуется Бог над нами.* («Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.»); *Поборник наш – Господь на небеси!* (Месковский А. «Отклик русского на Высочайший Манифест от 9 февраля 1954 г.»).

Важное место в изучаемом фрагменте концептосферы занимает информация, имплицитно связанная с православной церковью. Слово «церковь» восходит «к греческому *kyrikon* (в значении «господнее») от *kyros* – «господь» [Крылов, 2005:406]. Так, в русском языковом сознании эпохи Крымской войны компонент–концепт «вера» экспонируется признаком «служба» – *Священнику вѣльно служить и отправлять требы.* («Фланговое движение князя Меншикова отъ Севастополя къ Бакчисараю»). То есть, несмотря на военные действия, в русской православной церкви продолжались богослужения.

Когнитивный признак «обращение к богу» – *молитвы за обедней о победе наших войск; Всяк сотворит поклон с молитвой / За храбрых отстоявших бой, / И три поклона в память-битвой / Завещанным земле сырой.* (Вяземский П.А. «Современные заметки»); *По окончании дѣла принесено было благодарственное Господу Богу молебствие, съ коленнопреклоненіем, за отраженіе врага и о дарованіи многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему дому.* (Макаровъ И. «Нѣсколько подробностей о дѣлѣ у Очакова 22-го сентября 1855 года»).

Молитва является одним из атрибутов веры. Это разговор человека с Богом, а точнее, молитвенное обращение о ниспослании милости или отвращении зла с благодарностью или воздание хвалы Всевышнему и святым. Молитва, как и вера, в концепте «Крымская война» русского

языкового сознания второй половины XIX в. включает в себя следующие компоненты: *молитва, поклон с молитвой, благодарственная молитва, молитва Богу с коленопреклонением.*

В концепте отразилось то, что Крымская война – это война за православие. Термин «православие» ассоциируется «с той ветвью восточного христианства, которая исповедуется подавляющим большинством населения России.... Это направление христианства в греко-язычном христианстве получило название «ортодоксия», что в переводе на русский язык означает «истинная вера» [Колосов, Павлова, 2008]. Термин «православный» в старославянском языке образовано по методу кальки с греческого *orthodox*, где *ortos* – «правильный» и *dox* – «славный» [Крылов, 2004:314].

В структуре компонента-концепт «вера» русского языкового сознания эпохи Крымской войны присутствуют лексемы, содержащие в своем значении сему 'православная'.

Компонент-концепт «вера» несет семантику особой связи человека с Богом и переживания этой связи. В номинативное поле данного компонент-концепта, помимо существительного *вера*, входит глагол *верить*.

Когнитивный признак «оберегает православных» – *Матерь Божия, Святая / Сохрани меня в пути.* (Майков А.Н. «Пастух»). Здесь физическое спасение с помощью святой силы сочетается с сохранением силы духа.

Участие Российской империи в Крымской войне воспринимается как выполнение Божьего предначертания. Когнитивный признак «воля бога» – *совершаются судьбы Божий над народами; Меж тем, как вы, друзья, в рядах родных полков / Идете Божьею грозою на врагов,..* (Майков А. «Послание в лагерь»).

Когнитивный признак «верные православию»: *Они <артиллеристы> видимо не дорожили жизнью, и бились до смерти за каждый зарядъ; они дрались за Царя, за свое отечество – Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную вѣру!* (Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.) Вера

рассматривается как экстралингвистический способ самоопределения человека.

Предикативные словосочетания с семами 'веровать', 'верить' имеют разные модели управления: *верить во что, в кого* (вера в Господа Бога) и *верить чему, кому* (Богу, Матери Божьей, святым).

На религиозную подоплеку Крымской войны указывает отношение неприятеля к церковным ценностям православных. Так, ценности православного народа во время Крымской войны подвергались осквернению войсками союзников.

Признак «уничтожение православных святынь» – *Кружки у церкви были разбиты, иконы брошены, небольшой шкафчикъ въ притворѣ разломанъ; вещи, бывшія въ немъ, лежали тутъ же; дверь въ церковь была обозначены слѣдами насилія, но не подалась; висячій замокъ испорченъ. («Англо-французы въ Ялтѣ»); Число **церквей** греко-россійскаго **православнаго исповѣданія**, находившихся на пути союзныхъ армій, къ счастью не велико; но тамъ, гдѣ наши непріатели встрѣчали ихъ, они завладѣвали **всѣми священными предметами, имѣвшими какую-либо цѣнность**. («Письмо ветерана 1812 года о дѣйствіяхъ союзниковъ»); ... **внутренность церкви расхищена, образа разбиты или изорваны, запрестольный образъ во многихъ мѣстахъ проколотъ**. (Цивилизованные воины. «Письмо изъ Севастополя отъ 3-го ноября»).*

Таким образом, концептуальное поле «вера» включает в себя следующий синонимический ряд: *молиться, уповать, выполнять Божью волю, стоять за веру*.

Компонент-концепт «дороги»

Данный компонент-концепт представлен в концепте «Крымская война» только в интерпретационном поле. Он номинирован лексическими единицами *дороженька, улица, ров, непроходимая, узкая, не мощенная*. Все данные единицы содержат сему 'плохие'.

Оценочный когнитивный признак «плохие» экспонирует практическое отсутствие дорог по всему театру военных действий – *Ох, **дорога** ль моя, ты дороженька! / Как пришло тебе твое времечко, / **Не дорогой ты - стала улицей.*** (Майков А.Н. «Пастух»); *Рассказывают, что государь был поражен состоянием дорог, особенно в Перекопе, где **дорога** сделалась просто рвом, и через такие дороги должны проходить войска наши, со всеми их фурами, запасами.* (Аксакова В.С. «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855)»); *Перецеголяла ее в этом отношении всего одна, так называемая Восточная война, в которую, за исключением положительно-деятельной севастопольской бойни, на остальном неизмеримом театре войны войска истощались в утомительных стоянках или в гуляньях по непроходимым **дорогам** без точно определенной цели.* (Торнау Ф.Ф. «Воспоминания русского офицера»); *Весною подвоз по морю сделался легче, и неприятель получал громадное количество снарядов, тогда как с **нашей стороны по бездорожью**, – изнутри России приходило все очень медленно и в малом количестве.* (Одоевский В.Ф. «Из личных воспоминаний о Крымской войне»; *< Севастополь> ... за исключеніем двухъ главныхъ улицъ: Екатерининской и Морской, очень широкихъ и покрытыхъ щебнемъ, остальные были узки, **проходили по крутизнамъ и не были мощены.*** («5 (17) октября – первое бомбардированіе Севастополя»).

Итак, интерпретационное поле компонент–концепта «дороги» представлено лексическими единицами *дороженька, улица*, что в русской лингвокультуре восходит к мифопоэтической традиции.

Компонент-концепт «Крым»

Интерпретационная зона данного компонент–концепта представлена следующими когнитивными признаками:

«паника» – *поднялась **суматоха въ городъ**; Въ городъ между тѣмъ, въ каждомъ домѣ повторялась одна и также исторія: **вездѣ суматоха,***

приготовленія къ роковому выѣзду, отчаяніе, плачь... (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»);

«опасность» — *опасность въ этомъ отношении наиболѣе грозила Крыму.*

В русском языке второй половины XIX в. отразилась информация, связанная с плохой организацией помощи мирному населению в переезде к новому месту жительства.

Коннотативно окрашен признак «организация вывозы населения» — *Проходя, въ одиннадцатомъ часу ночи, соборною аллею, я встрѣтилъ нѣсколько дамъ, принадлежавшихъ къ лучшему обществу, впереди которыхъ слуга несъ зажженный фонарь, а сзади сопровождала ихъ женская прислуга; онѣ съ отчаяніемъ рассказали мнѣ, что только вечеромъ узнали о сдѣланномъ распоряженіи касательно оставленія города, тогда какъ объ этомъ слѣдовало бы всѣхъ жителей заранѣе предупредить. И что по этому случаю онѣ не имѣютъ возможности ночью пріискать для себя наемный экипажъ и должны будутъ слѣдовать пѣшкомъ за общимъ поѣздомъ.* (Михно Н. «Изъ записокъ чиновника»).

В интерпретационное поле композитивного концепта «Крымская война» входят интерпретационные доны следующих компонент–концептов: «вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь».

§4. Категориальная структура концепта «Крымская война»

Концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX в. включает следующие когнитивные признаки (приведем их в порядке убывания частоты):

«святая» (63);
 «зачинщики войны» (54);
 «русские» (52);
 «судьба России» (48);
 «много крови» (47);
 «наносят вред» (46);
 «измена христианству» (46);
 «проливается русская кровь» (45);
 «сильная» (45);
 «унижение» (45);
 «объявление войны» (44);
 «защита» (41);
 «проливают русскую кровь» (38);
 «нет явных причин войны» (36);
 «сестра» (35);
 «плохие полководцы» (35);
 «борется за справедливость» (34);
 «является врагом Богу» (34);
 «любит Бог» (34);
 «хотят служить» (34);
 «слабая» (33);
 «причины войны» (33);
 «действуют обманом» (33);
 «спасает православие» (33);
 «много пережила за свою историю» (32);
 «отсутствие патриотизма» (32);
 «одерживает победы» (31);
 «нарушение границ» (30);
 «вызывают гордость» (29);
 «время» (29);

«защитники отечества» (29);
«разбит» (29);
«население» (28);
«хитрый» (28);
«военачальники» (26);
«измена политиков» (26);
«просьба о помощи» (25);
«воруют» (25);
«враги славянства» (25);
«строения» (25);
«победа» (25);
«племянник» (25);
«вызывает сожаление» (25);
«оборонительный характер войны» (25);
«не откликаются на события» (25);
«семья» (24);
«единство» (24);
«объединение против России» (24);
«слухи» (24);
«плохие новости» (24);
«грабят» (23);
«военные действия» (23);
«наступательный характер войны» (23);
«ведут военные действия» (22);
«подготовка к военным действиям» (22);
«политическое влияние Франции на Англию» (22);
«страх» (22);
«не хватает медицинского персонала» (22);
«надеяться на возвращение утраченных позиций» (22);
«слабые» (22);

«радость» (21);
«мирные жители» (21);
«отсутствие важных новостей» (21);
«подвергаются грабежам союзников» (21);
«политическое влияние Франции на Европу» (21);
«части и соединения» (21);
«хорошо укреплен» (20);
«дать отпор врагу» (20);
«поражение» (20);
«города врагов». (19);
«бомбардировки» (19);
«отсутствие символа личных военных успехов» (19);
«гуманное отношение к побежденным» (19);
«географическое положение» (19);
«превосходят на море Россию» (19);
«значимые пункты обороны» (19);
«слабые» (19);
«плохие политики» (19);
«землетресение» (18);
«переживает потерю Крыма» (18);
«предан отечеству» (18);
«родной город» (18);
«военные неудачи союзников» (18);
«измена России» (18);
«крушение николаевской системы» (18);
«турецкие политики» (17);
«поражение неприятеля» (17);
«военные успехи российской империи» (17);
«генеральное сражение» (17);
«сохранение исторической правды» (17);

«разрыв дипломатических отношений» (17);
«восстановление дипломатических отношений» (17);
«небо» (17);
«пожар» (17);
«отсутствие сведений» (17);
«плохая организация медицинской помощи» (17);
«смелые» (17);
«не хотят вступать в ополчение» (16);
«подвергаются грабежам казаков» (16);
«вынужденный мир» (16);
«плохие» (16);
«нападают на мирных жителей» (16);
«природа» (16);
«сдан» (16);
«мирной жизнью» (16);
«потеря влияния» (16);
«действуют по призыву царя» (16);
«нападают на неприятеля» (16);
«восточный вопрос» (16);
«дядя» (16);
«отсутствие информации» (16);
«утешение» (16);
«преданы России» (16);
«ислам» (16);
«наши города» (16);
«французы» (15);
«значение Севастополя» (15);
«укрепляет людей» (15);
«жертвы» (15);
«готовы к бою» (15);

- «отражают нападение неприятеля» (15);
- «одерживают победы» (15);
- «провозглашает победы» (15);
- «европейские политики» (15);
- «символы единства и спасения России» (15);
- «коалиция» (15);
- «гарантии неприкосновенности имущества» (15);
- «количество» (15);
- «расхищают имущество» (15);
- «верные родине» (15);
- «испытание» (15);
- «необдуманные решения» (14);
- «эмоциональное напряжение» (14);
- «антисанитарные условия» (14);
- «решительные» (14);
- «внешняя красота» (14);
- «конфликт» (14);
- «символ государственности» (14);
- «средства для отпора врагов» (14);
- «измена христианству» (14);
- «следит за событиями Крымской войны» (14);
- «талантливый руководитель» (14);
- «понижение курса валюты» (14);
- «количество» (14);
- «стыд» (14);
- «сдерживают осаду» (14);
- «приближаются» (14);
- «долго идут» (13);
- «российские политики» (13);
- «защитники христианства» (13);

«предатели христианства» (13);
«символ христианства» (13);
«чувства, переживания» (13);
«погода» (13);
«много жертв» (12);
«сдан врагам» (12);
«надежда» (12);
«европейцы» (12);
«христианские города» (12);
«искажение информации» (12);
«информация о подготовке к военным действиям» (12);
«демократизация» (12);
«лечение» (12);
«боятся» (12);
«католики» (12);
«отсутствие перевязочного материала» (12);
«грешная» (12);
«турки» (12);
«защитит православие» (12);
«благодарность» (11);
«паника» (11);
«восшествие на престол» (11);
«призыв к защите» (11);
«болезни» (11);
«наличие добровольцев» (11);
«количество» (11);
«обращение к крымским татарам» (11);
«хорошая военная подготовка» (11);
«подписание мирного договора» (11);
«божественный суд» (11);

«мусульманские города» (11);
«отсутствует порядок» (11);
«наступают на города» (11);
«внезапное появление» (10);
«враг» (10);
«басурман» (10);
«столица России» (10);
«отсутствие военного опыта» (10);
«плохое предзнаменование» (10);
«отсутствие добровольцев» (10);
«помощь сестер милосердия» (10);
«ей принадлежит Восток» (10);
«наследник трона» (9);
«перевязочный пункт» (9);
«отсутствие финансирования» (9);
«обнаружение врага» (9);
«столица Франции» (9);
«отсутствие политических новостей» (9);
«условия мира» (9);
«победители» (9);
«воздействие на внешнюю политику России» (9);
«уверены в победе» (9);
«погода» (9);
«остались в городе» (9);
«гордость» (9);
«обращение к богу» (9);
«предательство своего народа» (9);
«вызывает уважение» (9);
«гордость» (9);
«обращение к богу» (9);

«не боятся» (8);
«верят в победу» (8);
«не боятся» (8);
«верят в победу» (8);
«виноват народ» (8);
«достойны похвалы» (8);
«унижение» (8);
«ждут теплой погоды» (8);
«доверие» (8);
«надежда на мирное соглашение» (8);
«воюют» (8);
«политики» (8);
«хищения госпитальной администрации» (8);
«малоизвестен» (8);
«спасает Крым» (7);
«плохо обучены» (7);
«отстают в развитии техники от Европы» (7);
«гибнут» (7);
«поражение» (7);
«действует против народа» (7);
«отсутствие информации о политике нового царя» (7);
«сильный бой» (7);
«отсутствие единства» (7);
«не верят в победу» (7);
«красота» (7);
«отношение к христианским святыням» (6);
«опасность» (6);
«талантливый руководитель» (6);
«переговоры» (6);
«поддерживаются Европой» (6);

«количество» (6);
«уверены в своих силах» (6);
«состав турецкого гарнизона» (6);
«несут потери» (6);
«ухаживали за ранеными» (6);
«немецкая система правления» (6);
«наблюдение за врагом» (6);
«смерть» (6);
«военные действия» (6);
«нарушение границ» (5);
«строят укрепления» (5);
«отставка» (5);
«несогласованность действий» (5);
«требования» (5);
«произвели первый выстрел» (5);
«взяты в плен» (5);
«нападают» (5);
«вступают в бой» (5);
«отступают» (5);
«строятся» (5);
«спасает Крым» (5);
«территория» (5);
«смелые» (5);
«формальный» (5);
«организация вывозы населения» (5);
«уничтожение православных святынь» (5);
«отсутствие орудия» (4);
«готовятся к военным действиям» (4);
«укрепляются» (4);
«нарушают границу» (4);

- «грабят население» (4);
- «бегут с поля боя» (4);
- «сдаются русским» (4);
- «мерзнут» (4);
- «оберегает православных» (4);
- «верные православию» (4);
- «слабее неприятеля» (3);
- «воля бога» (3).

Всего нами выделено 278 когнитивных признаков. Признаки концепта довольно разнообразны, что указывает на значимость концепта «Крымская война» для носителей русского языка второй половины XIX в. Наиболее значимыми для русского языкового сознания являются признаки «святая», «зачинщики войны», «русские», «судьба России», «много крови», «наносит вред», «измена христианству», «проливается русская кровь», «сильная», «унижение», «объявление войны», «защита», «проливают русскую кровь», «нет явных причин войны», «сестра», «плохие полководцы», «борется за справедливость», «является врагом Богу», «любит Бог», «хотят служить», «слабая», «причины войны», «действуют обманом», «спасает православие», «много пережила за свою историю», «отсутствие патриотизма», «одерживает победы».

§5. Полевая организация когнитивных признаков концепта

«Крымская война»

Рассмотрим полевою структуру концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания второй половины XIX в.

Ядерная зона концепта

«святая», «зачинщики войны», «русские», «судьба России», «много крови», «наносит вред», «измена христианству», «проливается русская кровь», «сильная», «унижение», «объявление войны», «защита»

Периферийная зона концепта

Ближняя периферия

«проливают русскую кровь», «нет явных причин войны», «сестра», «плохие полководцы», «борется за справедливость», «является врагом Богу», «любит Бог», «хотят служить», «слабая», «причины войны», «действуют обманом», «спасает православие», «много пережила за свою историю», «отсутствие патриотизма», «одерживает победы», «нарушение границ», «вызывают гордость», «время», «защитники отечества», «разбит», «население», «хитрый», «военачальники», «измена политиков», «просьба о помощи», «воруют», «враги славянства», «строения», «победа», «племянник», «вызывает сожаление», «оборонительный характер войны», «не откликаются на события», «семья», «единство», «объединение против России», «слухи», «плохие новости», «грабят», «военные действия», «наступательный характер войны», «ведут военные действия», «подготовка к военным действиям», «политическое влияние Франции на Англию», «страх», «не хватает медицинского персонала», «надеяться на возвращение утраченных позиций», «слабые», «радость», «мирные жители», «отсутствие важных новостей», «подвергаются грабёжам союзников», «политическое влияние Франции на Европу», «части и соединения», «хорошо укреплен», «дать отпор врагу», «поражение», «города врагов», «бомбардировки», «отсутствие символа личных военных успехов», «гуманное отношение к побежденным», «географическое положение», «превосходят на море Россию», «значимые пункты обороны», «слабые», «плохие политики», «землетресение», «переживает потерю Крыма», «предан отечеству», «родной город», «военные неудачи союзников», «измена России», «крушение

николаевской системы», «турецкие политики», «поражение неприятеля»,
 «военные успехи российской империи», «генеральное сражение»,
 «сохранение исторической правды», «разрыв дипломатических отношений»,
 «восстановление дипломатических отношений», «небо», «пожар»,
 «отсутствие сведений», «плохая организация медицинской помощи»,
 «смелые», «не хотят вступать в ополчение», «подвергаются грабежам
 казаков», «вынужденный мир», «плохие», «нападают на мирных жителей»,
 «природа», «сдан», «мирной жизнью», «потеря влияния», «действуют по
 призыву царя», «нападают на неприятеля», «восточный вопрос», «дядя»,
 «отсутствие информации», «утешение», «преданы России», «ислам», «наши
 города», «французы», «значение Севастополя», «укрепляет людей»,
 «жертвы», «готовы к бою», «отражают нападение неприятеля», «одерживают
 победы», «провозглашает победы», «европейские политики», «символы
 единства и спасения России», «коалиция», «гарантии неприкосновенности
 имущества», «количество», «расхищают имущество», «верные родине»,
 «испытание», «необдуманные решения», «эмоциональное напряжение»,
 «антисанитарные условия», «решительные», «внешняя красота»,
 «конфликт», «символ государственности», «средства для отпора врагов»,
 «измена христианству», «следит за событиями Крымской войны»,
 «талантливый руководитель», «понижение курса валюты», «количество»,
 «стыд», «сдерживают осаду»

Дальняя периферия

«приближаются», «долго идут», «российские политики», «защитники
 христианства», «предатели христианства», «символ христианства», «чувства,
 переживания», «погода», «много жертв», «сдан врагам», «надежда»,
 «европейцы», «христианские города», «искажение информации»,
 «информация о подготовке к военным действиям», «демократизация»,
 «лечение», «боятся», «католики», «отсутствие перевязочного материала»,
 «грешная», «турки», «защитит православие», «благодарность», «паника»,
 «восшествие на престол», «призыв к защите», «болезни», «наличие

добровольцев», «количество», «обращение к крымским татарам», «хорошая военная подготовка», «подписание мирного договора», «божественный суд», «мусульманские города», «отсутствует порядок», «наступают на города», «внезапное появление», «враг», «басурман», «столица России», «отсутствие военного опыта», «плохое предзнаменование», «отсутствие добровольцев», «помощь сестер милосердия», «ей принадлежит Восток», «наследник трона», «перевязочный пункт», «отсутствие финансирования», «обнаружение врага», «столица Франции», «отсутствие политических новостей», «условия мира», «победители», «воздействие на внешнюю политику России», «уверены в победе», «погода», «остались в городе», «гордость», «обращение к богу», «предательство своего народа», «вызывает уважение», «гордость», «обращение к богу», «не боятся», «не боятся», «верят в победу», «верят в победу», «виноват народ», «достойны похвалы», «унижение», «ждут теплой погоды», «доверие», «надежда на мирное соглашение», «воюют», «политики», «хищения госпитальной администрации», «малоизвестен», «спасает Крым», «плохо обучены», «отстают в развитии техники от Европы», «гибнут», «поражение», «действует против народа», «отсутствие информации о политике нового царя», «сильный бой», «отсутствие единства», «не верят в победу», «красота», «отношение к христианским святыням», «опасность», «талантливый руководитель», «переговоры», «поддерживаются Европой», «количество», «уверены в своих силах», «состав турецкого гарнизона», «несут потери», «ухаживали за ранеными», «немецкая система правления», «наблюдение за врагом», «смерть», «военные действия»

Крайняя периферия

«нарушение границ», «строят укрепления», «отставка», «несогласованность действий», «требования», «произвели первый выстрел», «взяты в плен», «нападают», «вступают в бой», «отступают», «строятся», «спасает Крым», «территория», «смелые», «формальный», «организация вывозы населения», «уничтожение православных святынь», «отсутствие орудия», «готовятся к военным действиям», «укрепляются», «нарушают

границу», «грабят население», «бегут с поля боя», «сдаются русским», «мерзнут», «оберегает православных», «верные православию», «слабее неприятеля», «воля бога».

Полевая структура концепта «Крымская война» включает ядро и периферию, которые являются неоднородными по своей структуре, объему и содержанию. Ядерная зона является концептрированной. Она включает 13,04% от общего объема поля. В ядерной зоне концепта «Крымская война» содержится основная «ключевая» информация о исследуемом концепте. Признаки, эксплицирующие ядро концепта имеют ярко выраженный групповой характер.

Периферийная зона концепта «Крымская война» составляет 86,96%. Она состоит из ближней, дальней и крайней периферии. Однако периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или ненужности в структуре концепта, статус признака лишь указывает на меру его удаленности от ядра по степени яркости.

Ближняя периферия составляет 61,05%, дальняя – 21,82%, крайняя – 4,1% от общего объема семантического поля исследуемого концепта.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Концепт «Крымская война» является сложным композитивным образованием. Структура концепта «Крымская война» является макрокомпонентной, включающей образный компонент, понятийный компонент и интерпретационную зону. Образный компонент является наиболее яркой составляющей концепта, широко представленной, прежде всего, в художественных текстах. В состав образного компонента входят единицы, содержащие значимую национально-культурную информацию и передающие через определенное образно-оценочное представление

этнокультурное своеобразие мировосприятия русских эпохи Крымской войны.

2. Образный компонент концепта «Крымская война» строится на элементах денотативных сфер «живого» (антропоморфные, зооморфные и орнитологические) и «неживого мира». Наиболее частотными в образном компоненте концепта «Крымская война» являются женские и мужские антропоморфные образы (образы военачальников, политических деятелей, медицинского персонала и т.д.). Среди образов неживого мира преобладают символы государственности России и ее единства, веры, непобедимости.

3. Понятийный компонент концепта является сложным структурным образованием, включающим когнитивные признаки, описывающие концепт «Крымская война» как целостное, комплексное явление и когнитивные признаки, эксплицирующие общественно-историческое событие как производную ряда концептов – «воин», «враг», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь» и «царь».

4. Интерпретационное поле концепта «Крымская война» композитивно. Оно выражает эмоциональную, утилитарную, эстетическую и гедонистическую оценки, являющиеся важной составной частью общей аксиологической системы и включает когнитивные признаки компонент-концептов «вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь».

5. В составе концепта «Крымская война» выделяется 278 когнитивных признаков, которые имеют различную степень яркости в русском языковом сознании второй половины XIX в.

6. Концепт «Крымская война» имеет полевую структуру. В его составе выделяется ядерная и периферийная зоны. Периферийная зона состоит из ближней, дальней и крайней.

Заключение

Комплексное изучение языковой объективации концепта «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века в рамках семантико-когнитивного подхода к языку показало, что лингвокультурный концепт «Крымская война» является неотъемлемым компонентом русской языковой картины второй половины XIX в.

Макрокомпонентная структура концепта «Крымская война» включает образный, информативно-понятийный компоненты и интерпретационное поле.

Образный компонент представлен следующими антропоморфными, зооморфными, орнитологическими, предметными, пространственно-временными признаками: «Англия», «военные неудачи союзников», «военные успехи российской империи», «враг», «время», «города врагов», «дать отпор врагу», «дядя», «европейские политики», «жертвы», «защитники отечества», «защитники христианства», «измена христианству», «ислам», «мусульманские города», «наши города», «отсутствие символа личных военных успехов», «племянник», «победа», «поражение неприятеля», «провозглашает победы», «родной город», «русские политики», «Россия», «русские», «семья», «сестра», «символ государственности», «символ христианства», «символы единства и спасения России», «средства для отпора врагов», «столица России», «столица Франции», «судьба России», «турецкие политики», «французы», «христианские города», «чувства, переживания».

К основным когнитивным признакам концепта «Крымская война» относятся: святая, зачинщики войны, русские, судьба России, много крови, наносят вред, измена христианству, проливается русская кровь, сильная, унижение, объявление войны, защита, нет явных причин войны, сестра, плохие полководцы, борется за справедливость.

Концепт «Крымская война» как экспонент русского языкового сознания писателей, поэтов, общественных и государственных деятелей второй половины XIX в. имеет объемную когнитивную структуру и широкую лексическую объективацию. В его структуре сосуществуют признаки, отражающие различные аспекты языковой репрезентации исторических событий, связанных с Крымской войной.

Анализ структуры концепта «Крымская война» как фрагмент русского языкового сознания второй половины XIX в. показал, что он является сложным многоуровневым структурным образованием, имеющим композитивную структуру.

В состав концепта «Крымская война» входят как общие когнитивные признаки, которые дают недифференцированную оценку происходящему событию, так и когнитивные признаки, представляющие определенные аспекты исторического события.

Данные когнитивные признаки образуют компонент-концепты, которые в различных коммуникативных ситуациях ведут себя по-разному: либо выступают в качестве отдельных самостоятельных концептов, либо являются составной частью более сложного концепта.

Общие когнитивные признаки концепта «Крымская война» «бомбардировки», «восточный вопрос», «генеральное сражение», «много крови», «наступательный характер войны», «нет явных причин войны», «оборонительный характер войны», «объявление войны», «поражение», «причины войны», «радость», «сильный бой», «страх», «убийство» и «части и соединения» входят, и в понятийный компонент, и в интерпретационное поле.

Понятийный компонент лингвокультурного концепта «Крымская война» также когнитивными признаками «вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь», которые в определенных коммуникативных ситуациях могут

выступать как самостоятельные концепты, имеющие специфическую когнитивную структуру.

Компонент-концепты «вера», «воин», «враг», «дороги», «европейцы», «информация», «Крым», «крымские татары», «мир», «ополчение», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь», «турки» и «царь» ходят в состав понятийного компонента и интерпретационного поля концепта «Крымская война».

Ряд компонент-концептов (например, «дороги») представлены лишь интерпретационным полем, что свидетельствует об особом оценочном восприятии основных констант русским языковым сознанием.

Большинство когнитивных признаков объективируются лексемами, отражающими реалии, связанные с Российской империей – военными действиями, Крымом и Севастополем, православием, заключением мира, правящими кругами Российской империи и ее политикой, лечением больных и раненых, информацией о ходе Крымской войны. Среди них выделяются следующие компонент-концепты: «Крым», «Севастополь», «воин», «ополчение», «раненые», «политика», «Россия», «царь», «политика», «информация» и «русские».

Когнитивных признаков, объективирующих в русском языковом сознании второй половины XIX в. реалии, связанные с Османской империей и военными действиями союзников значительно меньше. Более того, являлись доминируют среди них признаки, связанные с Европой и европейцами, нежели с турками, что свидетельствует о том, что главным врагом православия и для государственных и общественных деятелей России XIX в. являлись французы и англичане.

Значительно меньшее количество языковых единиц относится к реалиям, служащим для обозначения противников Российской империи – турок, англичан, французов, а также сочувствующих им жителей Крыма – татар. Это компонент-концепты «европейцы», «враг», «турки» и «крымские татары».

Исследование показало, что концепт «Крымская война», объективирующая русское общественное сознание второй половины XIX в. является единым структурным образованием, репрезентирующим различные аспекты восприятия войны гражданами Российской империи. Концепт «Крымская война» является комплексным многоуровневым образованием, определить границы которого представляется возможным лишь через описание совокупности частных структурообразующих компонент-концептов, находящихся друг с другом в отношениях дополнительности: Крымская война – это военные действия + военачальники + флот и вооруженные сухопутные силы + Севастополь и Крым + вера + мир + правительство + Российская империя + русские + госпиталь, раненые + больные + союзники турки, французы, англичане + информация + эмоции.

С целью дальнейшего изучения концепта «Крымская война» в языковом сознании второй половины XIX в. представляется целесообразным расширение изучения способов его языковой реализации. Исследование может быть продолжено за счет включения в сферу изучения языковой актуализации поля «Крымская войны» в текстах художественной поэтической, прозаической турецкой литературы, а также в исторических документах и историографических работ Турции.

Список использованной литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка / В.П. Абрамов. – М.: Академия пед. и соц. наук, 2003. – 337 с.
2. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка) / В.П. Абрамов. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 108 с.
3. Авраменко Ю.И. особенности функционирования и эволюции концепта «война» в романах Г. Бёлля / Ю.И. Авраменко. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. – Магнитогорск, 2011. – 23 с.
4. Адонина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании / Л.В. Адонина. Автореферат дис. ... на соиск. уч.степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2007. – 23 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная семантика и лингвокультурология / Н.Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования: журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Астраханский университет. – 2004. – №3. – С. 65-69
6. Алимжанова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека: монография / Г.М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 319 с.
7. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки / Б.Г. Ананьев // Избранные психологические труды. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 2. – С. 110–127
8. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания / Б.Г. Ананьев. – М.: АН СССР, 1960. – 486 с.
9. Антипов Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковкина, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск: наука, 1989. – 75 с.

10. Антомонов А.Ю. Исследования структурной организации лексико-семантического поля: автореф. дис... канд. филол. наук. / А.Ю. Антомонов. – Киев: Киев, гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1987. – 16 с.
11. Антонов М.Ф. Экономическое учение славянофилов / М.Ф. Платнов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 416 с.
12. Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное сознание языковое сознание» / И.С. Антонова // Первый московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова. – 2010. – №4. – С. 52-57
13. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю. Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 283 с.
14. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
15. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37 – 68
16. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – 252 с.
17. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова // Оценка события, факт. – М.: Наука. 1998. – 388 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и время / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 687-736
19. Архипкина О.С. Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния / О.С. Архипкина // Вестник Московского ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1981. – №2. – С. 40–45
20. Аутлева Ф.Т. Ценностно-нормативные ориентиры русской ментальности социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.Т. Аутлева. – М., 1996. – 23 с.

21. Ашкова А.Е., Горбунова А.В., Косинова Н.Е. Речевое поведение В.В. Путина / А.Е. Ашкова, А.В. Горбунова, Н.Е. Косинова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ВОИПКРО, 2000. – Вып.7. – С. 73-89
22. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
23. Багрянская Н.В. Возрастные особенности общения военнослужащих / Н.В. Багрянская // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 1998. – С. 39-40.
24. Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре / В.Н. Базылев // RES LINGVISTIKA. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. – М., 2000. – С. 130–147
25. Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Балашова. – Пермь, 2005. – 18 с.
26. Баранов А.Н., Доброольский О.Д. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. – 2009. – №6. – С.21-34
27. Белик Е.В. Лингвокультурологические и гендерные особенности лексики и фразеологии современного английского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.В. Белик. – М., 2003. – 19 с.
28. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 155 с.
29. Березин Ф.М. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
30. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С.37-65
31. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Г.Н. Беспмятнова. – Воронеж, 1994. – 19 с.

32. Бехтерев В.М. Сознание и его границы [Электронный ресурс] / В.М. Бехтерев. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/behterev_sosnanie/?search=%f1%ee%e7%ed%e0%ed%e8%e5. – 25.09.2010
33. Битенская Г.В. О семантическом варьировании слова в сверхтексте / Г.В. Битенская // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 195-199.
34. Богин Г.И. Современная лингводидактика: Учебное пособие / Г.И. Богин. – Калинин, КГУ, 1986. – 61с.
35. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2002. – 123 с.
36. Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): дис. ... канд. филол. наук / А.П. Боргоякова. – М., 2002. – 181 с.
37. Бугорская Н.В. Язык как форма сознания / Н.В. Бугорская // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты: сб. статей. – М., Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. – С.43-52
38. Будагов Р.А. Филология и культура / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 304с.
39. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Наука, 1997. – 574 с.
40. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения / Л.М. Васильев. – Уфа: БГУ, 1981 – 72с.
41. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 900 с.
42. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
43. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.Н. Венедиктова. – Тюмень, 2004. – 20 с.

44. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) / Л.Н. Венедиктова. Автореф. дисс.... на соиск. уч. степени кандидата филолог. наук. Тюмен. гос. ун-н, 2004. – 19 с.
45. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху/ И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2003. – 380с.
46. Вердиева З.Н. Семантическое поле в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с.
47. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании РКИ / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990 – 246 с.
48. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Т.Г. Винокур // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 361-370
49. Водяникова И.Ф. Проблемы агрессивного общения в спорте / И.Ф. Водяникова // Культура общения и ее формирование. – Вып.6. – Воронеж, 1999. – С. 81.
50. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – 239 с.
51. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становления антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72
52. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теории описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев. – М.: Ин-т русск. языка им. А.С. Пушкина, 1994. – 76 с.
53. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев В.В. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
54. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова Ворожбитова. – М.: Высш. шк., 2005. – 367 с.

55. Воронова Н.Г. Качество языковой способности как основание типологии языковых личностей / Н.Г. Воронова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №12. – С. 467-469
56. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 3 / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
57. Высочина О.В. Понимание иностранных слов жителями города Воронежа. О.В. Высочина // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 1998. – С. 72-73
58. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике (Вступ. ст.) / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: переводы. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–17
59. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 786 с.
60. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П.Я. Гальперин // Вопросы философии. – 1977. – №4. – С. 5-101
61. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира / А.И. Геляева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. – 177 с.
62. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб.: Филол. ф-тет СПб. Гос.ун-та, 2000. – 190 с.
63. Голицина Т.Н., Вахтель Н.М., Распопова Т.И. Языковая личность И.П. Распопова / Т.Н. Голицина, Н.М. Вахтель, Т.И. Распопова /Филологические записки. – Вып. 10. – 1998. – С. 171-180
64. Головань О.В. Семантико-ассоциативная структура концепта «война»: на материале произведений Р. Олдингтона и В.М. Гаршина / О.В. Головань. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. Барнаул, 2003. – 23 с.
65. Голубцов С.А. Языковая личность гипертекстуального переводчика / С.А. Голубцов // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №3. – С. 121-125

66. Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики / В.Е. Гольдин // Русский язык сегодня. Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 53-65
67. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: уч. пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 116-150
68. Городов О.А. Основы информационного права России: учебное пособие / О.А. Городов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с.
69. Горский Д.П. Роль языка в познании / Д.П. Горского // Мышление и язык. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – С.73 - 116
70. Гостев А.А. Образная сфера человека / А.А. Гостев. – М.: Просвещение, 1992. – 160 с.
71. Грищук Е.И. Коммуникативно-психологическая лексика в языковом сознании старшеклассников / Е.И. Грищук // Язык и национальное сознание. – Вып. 7. – Воронеж: Истоки, 2005. - С. 58-67
72. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 2000. – 400 с.
73. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. М.:Прогресс,1985. – 448 с.
74. Дегоев В. «Странная» Крымская война / В. Дегоев // Свободная мысль. – 2009. – №3. – С. 133-147
75. Дедова О.М. Предложения обладания в медико-биологических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2002. – 22с.
76. Дементьева М.К. Языковая личность политика / М.К. Дементьева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – № 2. – С. 72-78
77. Дементьева М.К. Языковая личность политика / М.К. Дементьева// Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Русская филология. – 2011. – №2. – С. 72-78
78. Джамбаева Ж.А. Концепт родина в языковом сознании славяноязычных казахстанцев / Ж.А. Джамбаева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №6. – С. 140-146

79. Дзлиев М.И. Основы обеспечения безопасности России / М.И. Дзлиев, А.Д. Урсул. – М.: Экономика, 2003. – 424 с.
80. Дмитриук С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казаков и англичан: дис. ...канд. филол. наук / С.В. Дмитриук. – М., 2001. – 193 с.
81. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Г. Дубов // Вопросы психологии. – 1993. – №5. – С. 20-29
82. Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Артефакты»: автореф. ...канд. филол. наук / И.В. Дукальская. – Самара: СГПУ, 2009 – 22 с.
83. Ейгер Г.В. Языковое сознание и механизмы контроля языковой правильности речи / Г.В. Ейгер // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1998. – С. 59-60
84. Еремеева В.Д., Хризман Т.Л. Мальчики и девочки два разных мира / В.Д. Еремеева, Т.Л. Хризман. – М.: ИТДГК Гнозис, 2002. – 333 с.
85. Есенова Т.С. Лингвокультурный концепт «родина» в языковом сознании русских и калмыков / Т.С. Есенова // Гуманитарные исследования. – 2009. – №3. – С.37-44
86. Жалсанова Ж.Б. Родители в языковом сознании русских и бурят / Ж.Б. Жалсанова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №6. – С. 171-177
87. Желтухина М.Р. Языковое сознание и суггестивность / М.Р. Желтухина // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты. – М., Барнаул: Из-во Алтайск. ун-та, 2003. – С. 76-93
88. Зайтдинова Г.И. Концепт «Сугыш (Война)» в татарской языковой картине мира / Г.И. Зайтдинова. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 23 с.
89. Залевская А.А. Проблема признака как основания для взаимопонимания расхождений при этнических контактах / А.А. Залевская //

Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Моск. ун-т, 1996. – С. 163 – 176

90. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В.Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 172-214

91. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1985. – 159 с.

92. Зимняя И.А. Функциональная психологическая схема формирования и формирование мысли посредством языка / И.А. Зимняя // Исследования речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 85–99

93. Золотых Л.Г. Культурные концепты, объективированные фразеологизмами в системе языка и речи / Л.Г. Золотых // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С.86-90

94. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – №2. – С. 3–30

95. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 24-33

96. Иссерс О. С., Рахимбергенова М.Х. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 90-96

97. Кадилина О.А. Усредненная языковая личность / О.А. Кадилина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – №4. – С. 102-106

98. Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в аспекте деятельностного подхода / Т.Л. Калентьева. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 176 с.

99. Калжанова А.К. Гендерные аспекты языкового сознания (на материале ассоциативных экспериментов) / А.К. Калжанова, М.Ю. Шингарева // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. – Москва, 29-31 мая 2003 г. – М.: ИЯ РАН, 2003. – С.110-111
100. Карасик В.И. Аспекты языковой личности / В.И. Карасик// Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. – С. 96-106
101. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166-205
102. Карасик В.И. Типы абсурда / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 112-126
103. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
104. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю.Н. Караулов //Язык и личность. – М., 1989. – С. 3 – 8
105. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
106. Кириленко Е.И. Опыт здоровья в языковом сознании русских / Е.И. Кириленко // Язык и культура. – 2009. –№4. – С. 25-32
107. Кирилина А.В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендерные образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы: Материалы международной научной конференции, Иваново, 24-25 июня 2003 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – С. 132-138
108. Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 183-186

109. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
110. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука. 1975. – 231 с.
111. Кондратьева О.Н. Вегетативные метафоры в характеристике внутреннего мира человека (древнерусский период) / О.Н. Кондратьева // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 2003. – С.103-105
112. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
113. Костомаров В.Г. Современный русский язык и культурная память / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 23–36
114. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность в аспекте функционально-системной соотнесенности лексических единиц / Н.С. Котова // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №2. – С. 163-167
115. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. . д-ра филол. наук / Т.В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 534 с.
116. Кошелева О.Н. Стилистические особенности употребления профессионализмов / О.Н. Кошелева // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 3. – С. 51-55
117. Крапивенский А.С. Концепт «информация» в дискурсе политической и коммерческой рекламной коммуникации / А.С. Крапивенский // Философия и общество. – №3. – 2008. – С.80-90
118. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399 с.
119. Кругликова Л.Е. Русская языковая личность на протяжении веков / Л.Е. Кругликова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2010. – №1. – С.281 – 285

120. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты / Л.П. Крысин // Язык культура – этнос. - М., 1994. - С. 66-78
121. Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах / В.Б. Крячко. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007. – 24 с.
122. Кубракова Н.Ю. Таксономические отношения «Общее – частное» в английских текстах газетного стиля: дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Кубракова. – Пятигорск, 2001. – 197 с.
123. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1988. – С. 141–173
124. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
125. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН – СРЯ. – 1997. – №3. – С. 22–31
126. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы международной конференции 14-14 мая 1999 г. – Ч.1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 3-5
127. Кудряшова И.А. О психолингвистическом анализе языкового сознания адресата при реагировании на косвенно-побудительный стимул / И.А. Кудряшова // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. – Москва, 29-31 мая 2003г. – М.: ИЯ РАН, 2003. – М., 2003. –138-139
128. Кузнецов А.М. Поле / А.М. Кузнецов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 380–381
129. Кузнецов А.М. проблемы связи материального и идеального в языке и внеязыковой деятельности / А.М. Кузнецов // Теоретические проблемы советского языкознания 1977–1986 гг. – М: 1987. – С. 10-35

130. Кураков В.И. Онтология мира и языковое сознание / В.И. Кураков // аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С.22-29
131. Кураков В.И. От категоризации и концептуализации мира к языковому сознанию / В.И. Кураков // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 2. Языкознания. – 2006. – №5. – С. 126-131
132. Лавриненко Т.А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре. /Т.А. Лавриненко. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. Волгоград, 2008. – 21 с.
133. Лапшинов М.В. Стереотипы в языковом сознании русских эмигрантов 1920-30 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Лапшинов. – М., 2002. – 24 с.
134. Леонтович О.А. Проблема понимания в процессе межкультурной коммуникации / О.А. Леонтович // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 212-219
135. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1983. – 304 с.
136. Льюис К.И. Виды значения и семиотика / К.И. Льюис. – М.: Радуга, 1983. – С. 211-225
137. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208с.
138. Меликян С.В. Функции молчания в коммуникативном поведении человека / С.В. Меликян //Язык и национальное сознание. – Воронеж: ВГУ, 1999. – Вып.2. – С. 91-94
139. Милованова Л.А. Языковая личность: лингводидактические характеристики / Л.А. Милованова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 119-124
140. Можейкина Л.Б. Ассоциативный эксперимент как способ диагностики толерантных / интолерантных репрезентаций в языковом сознании / Л.Б. Можейкина // Вестник Новосибирского государственного университета.

– Сер. Психология, 2007. – Т.1. – №2. – С. 59-64

141. Мокиенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии / В.М. Мокиенко // Вопросы языкознания. – 1995. – №4. – С.3-13

142. Молчанов В. Парадигмы сознания и структуры опыта / В. Молчанов // Логос. – 1992. – №3. – С. 7-36

143. Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI: философское эссе / В.В. Налимов. – М.: Лабиринт, 1994. – 72 с.

144. Нгуен Т.Х. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук / Т.Х. Нгуен. – М., 2000. – 305 с.

145. Некрасова Г.А. Развитие падежной синонимии в пермских языках / Г.А. Некрасова // III международная научная конференция «Язык и культура»: Тезисы докладов. – М.: Изд-вл МГУ 2005. – С. 23-25

146. Немов Р.С. Психология / Р.С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 1999. – Т. 1. – 688 с.

147. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

148. Никитина Е.С. Проблема сознания в психологии (исторический аспект) / Е.С. Никитина // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 35-50

149. Никитина Е.С. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / Е.С. Никитина // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-40

150. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков Л.А. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.

151. Новиков Л.А. Семантическое поле / Л.А. Новиков // Русский язык: энциклопедия. – М.: Русский язык, 1998. – 707 с.

152. Огурцов А.П. Трудности анализа ментальности / А.П. Огурцов // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета: Учеб. пособие для вузов. Екатеринбург, 2002. – С. 378—384

153. Одишелашвили И.Р. Профессиональная языковая личность в сфере медицины / И.Р. Одишелашвили, Т.С. Кириллова, О.Н. Кошелева // Астраханский медицинский журнал. – 2010. – Т.5. – №4. – С. 55-57
154. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
155. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 230 с.
156. Петровский А.В. История психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: РГГУ, 1994. – 445 с.
157. Петухов Б.М. Пространственно-временная типология психики / Б.М. Петухов. – М.: Наука, 1983. – 196 с.
158. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско–английские соответствия). Дисс. ... докт. филол. наук / М.В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
159. Пименова М.В. Этногерменевтический аспект концептуальных исследований / М.В. Пименова // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 116 – 119
160. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику: Монография / В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – 209 с.
161. Полюкова Т.И. Проблемы формирования культуры речи у детей среднего школьного возраста / Т.И. Полюкова // Культура общения и ее формирование: материалы IV Регион, науч.-метод. конф., Воронеж, апрель 1997 г. – Воронеж : ВОИПКРО, 1997. – С. 59-65
162. Попова З.Д. Концептуальная картина мира и языковое сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Вузовская наука начала XXI века – гуманитарный вектор: Юридические науки. Литературоведение. Языкознание. Психология: Материалы I Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург, апрель-май 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – С. 113-118

163. Попова З.Д. Общее языкознание: учеб. Пособие для ун-тов / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: ЦЧКИ, 2004. – 208 С.
164. Попова З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.1. – С. 7-10
165. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 252 с.
166. Попова С.В. Типаж «школьная учительница» в современном русском языковом сознании / С.В. Попова // Гуманитарные исследования. – 2010. – №4. – С. 119-125
167. Портнов А.Н. Структура языкового сознанияб феноменологический и антропологический аспекты проблемы / А.Н. Портнов // Языковое сознание: теоретический и прикладные аспекты: сборник статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – 370 с.
168. Потапова И.С. Авторская песня в контексте лингвокультурной ситуации 1960-1970-х годов (на материале поэтического творчества Б. Окуджавы, А. Галича, Ю. Визбора, В. Высоцкого): автореф. дис. ...канд. филол. наук / И.С. Потапова. – Иван. гос. ун-т, 2009. – 19 с.
169. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 189 с.
170. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 110–122
171. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – С. 67-74
172. Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте / Ю.Е. Прохоров // IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Тез. докл. Братислава. – М., 1999. – С. 450-464

173. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки / Л.Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – №3. – С. 158-166
174. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
175. Рубинштейн С.Л. О сознании / С.Л. Рубинштейн // Психология сознания / Сост. и общая редакция Л. В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 48-57
176. Рублик Т.Г. Языковая личность и ее структура / Т.Г. Рублик // Вестник Башкирского университета. – 2007. – № 1. – С. 99-102
177. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
178. Сарангаева Ж.Н. Лингвокультурные особенности концепта «родственность» в калмыцком языковом сознании / Ж.Н. Сарангаева // Гуманитарные исследования. – 2009. – №4. – С. 73-79
179. Селезнева Г.Я. Русская фразеология как способ отражения национального характера / Г.Я. Селезнева // Язык и национальное сознание: Сб. науч. тр. – Воронеж, 1999. – 218 с.
180. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола / И.В. Сентенберг. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 96 с.
181. Серебренников Б.Л. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.Л. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107
182. Серебрякова Р.В. Восприятие комплиментов мужчинами и женщинами / Р.В. Серебрякова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ВОИПКРО, 1999. – Вып.6. – С. 74-78
183. Серебрякова Р.В. Особенности восприятия комплиментов в русском общении / Р.В. Серебрякова // Язык и национальное сознание: Сб. науч. тр. Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 94-95

184. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения / И.М. Сеченов. – М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1947. – 433 с.
185. Сиротинина О. Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности / О. Б. Сиротинина // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов: Перемена, 1996. – С. 54-60
186. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
187. Снытников А.А. Обеспечение и защита прав на информацию / А.А. Снытников, Л.В. Туманова. – Киев: Век+, 2001. – 269 с.
188. Сорокин Ю.А. Взаимосвязь языкового и метаязыкового сознания и интеллекта в деятельности переводчика / Ю.А. Сорокин, Г.Я. Узулевский // Языковое сознание: тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯ РАН, 1988. – С. 166-167
189. Сорокин Ю.А. Формы языкового сознания и его многослойность / Ю.А. Сорокин // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 1988. – М.: ИЯ РАН, 1988. – С. 166-167
190. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты) / Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
191. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 5-18
192. Соссюр 1998 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Логос, 1998. – 296 с.
193. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 228 с.

194. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 320 с.
195. Стешина Е.Г. Этимологическая память концепта «богатство» / «wealth» в русском и английском языковом сознании / Е.Г. Стешина // Вестник тамбовского университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2007. – №7. – С. 53-56
196. Столин В.В. Психологическое строение образа мира и проблема нового мышления / В.В. Столин, А.П. Наминач // Вопросы психологии. – 1988. – №4. – С. 34–42
197. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: Моск. ун-т, 1983. – 284 с.
198. Столяренко Л.Д. Основы психологии / Л.Д. Столяренко. – Ростов-н/Д: Феникс, 2000 - 672 с.
199. Сухарев В.А. Европейцы и американцы глазами психолога / В.А. Сухарев, М.В. Сухаре. – М.: Беларусь, 2000. – 366 с.
200. Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании / Л.А.Тавдгиридзе. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 244с.
201. Тарасов Е.Ф. Введение / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 6-15
202. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания: сб. науч. статей. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7-22
203. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 1988. – М.: ИЯ СССР, 1998. – С. 176-177
204. Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 86-97
205. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – С. 34-47

206. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание и его познавательный статус / Е.Ф. Тарасов // Проблемы психолингвистики: теория эксперимент. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. – С. 301-310
207. Тарасова А.В. Понятийные характеристики концепта «друг» в русском и английском языковом сознании / А.В. Тарасова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – №5. – С. 28-31
208. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204
209. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II Международной конференции. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; редкол. Е.С. Кубрякова и др.: В 3 ч. Ч. III. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 14–16
210. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
211. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
212. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
213. Толстой Н.И. Язык и народная духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
214. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта семья в русском и английском языках / А.С. Трущинская. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук. – Воронеж, 2009. – 20 с.
215. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Тубалова. – Томск, 1995. – 18 с.

216. Туранина Н.А. Приобщение к духовным ценностям народной культуры в процессе формирования языковой личности студента / Н.А. Туранина // Интеграция образования, 2008. – № 2. – С. 118-121
217. Туранина Н.А. Формирование языковой личности студента на материале текстов о восточнославянской культуре / Н.А. Туранина // Среднее профессиональное образование. – 2009. – №6. – С. 29-30
218. Туранина Н.А. Этнокультурная направленность в формировании языковой личности будущего педагога / Н.А. Туранина // Среднее профессиональное образование. – 2008. – №10. – С. 41-42
219. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
220. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. – М., 1999. – С. 58-92
221. Урубкова Л.М. Понятие языковая личность и обучение деятельности перевода / Л.М. Урубкова // Вестник ТГУ. – Вып. 1. Гуманитарные науки. – 2005. – С.108-114
222. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологическое проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд-е. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 71
223. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 207-220
224. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 102-110
225. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: структура и содержание (Обзор) / Н.В. Уфимцева // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 6. Языкознание. – 1997. – №2. – С. 21-37
226. Ухова Т.В. Концепт *war* как фрагмент англоязычного лингвокультурного сознания / Т.В. Ухова // Вестник Сибирского

государственного аэрокосмического университета им. Академика М.Ф. Решетнева. – 2006. – №3. – С. 166-170

227. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб-к статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 6-17

228. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 13-23

229. Фисенко О.С. Концепт «гроза» в русском языковом сознании / О.С. Фисенко. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 22 с.

230. Фридман Ж.И. Язык и сознание / Ж.И. Фридман. – Воронеж: Истоки, 2006. – 53 с.

231. Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин / А.М. Холод. – Днепропетровск, 1997. – 229 с.

232. Хоруженко В.А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике / В.А. Хоруженко. Автореф. дисс.... на соиск. уч.степени кандидата филолог. наук.– М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2010. – 20 с.

233. Цзинь Тао Антропоцентризм и принцип целостного восприятия мира в концептуализации пространств китайским языковым сознанием / Тао Цзинь // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №7. – С. 81-86

234. Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте / О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2000. – 193 с.

235. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко – М.:Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

236. Чернышева Т.В. Языковая личность: метаморфозы интерпретации (на материале изложений) / Т.В. Чернышева. – Барнаул: Изд-во Алтайск.ун-та, 2005. – С.264-275

237. Чернышова Т.В. Тексты СМИ как отраженные языковым сознанием адресата (по материалам эксперимента) / Т.В. Чернышова // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – №4. – С. 120-127
238. Чичерин Б.Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России / Публ., [предисл.] и примеч. М.А. Чепелкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. – [Т. XIII]. – С. 285—330
239. Шаклеин В. М. Лингвокультурная компетенция иностранных учащихся в условиях языковой среды Электронный ресурс / В. М. Шаклеин. Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article491.html>
240. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. / В.М. Шаклеин. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.
241. Шамраев Н.А. Лингвострановедческие основы классификации лексикографического описания реалий арабского языка в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.А. Шамраев Н.А. – М., 1997. – 18 с.
242. Шафранова Н.А. Семантико-функциональная характеристика спортивной лексики в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Шафранова. – Пятигорск, 2005. – 239 с.
243. Шаховский В.И. Интертекстуальный минимум как средство успешной коммуникации / В.И. Шаховский // Языковая личность: система, нормы, стиль. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 120-121
244. Шенделева Е.А. Полевая организация образной лексики и фразеологии / Е.А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языку русской культуры, 1999. – С. 74-79
245. Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения, 1853-1856 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.И. Шепарнева. – Орел, 1995. – 242 с.

246. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образно вербализации тезауруса / Л.А. Шестак. – Волгоград: Перемена, 2003 – 312 с.
247. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А.Д. Шмелев // Русский язык в школе. – М., 2002. – №4. – С. 12
248. Юдина Н.В. «Язык в культуре» (на материале немецко-русских номинаций театральных постановок) / Н.В. Юдина // Язык. История. Культура: Сборник научных трудов, посвященный 50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летнему юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ. – Кемерово: Комплект «Графика», 2003. – С.69-74
249. Язык и национальное сознание [Науч. ред. И.А. Стернин]. – Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2002. – 273 с.
250. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 92-107
251. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 334 с.
252. Яшин П.Н. Сопоставительный анализ образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан / П.Н. Яшин // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №8. – С. 85-92
253. Tarasov E.F. Intercultural communication – new ontology analysis of language awareness / E.F. Tarasov // Ethno-cultural specificity of language consciousness / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 1996. – P. 7–22

Список использованных источников

1. А.С. Цивилизованные войны / А.С. // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 203-204
2. А.Т. Константиновская батарея г. Севастополя въ минувшую Крымскую войну / А.Т. // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 425-437
3. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений / И.С. Аксаков. – М., 1887. – в 5 тт.
4. Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-56, 1877-78 годах. В 3 ч. Ч. 2. Восточная война. 1853-1854 / П.В. Алабин. – М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1890. – VIII, 332 с.
5. Англо-французы въ Ялтѣ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 181-200
6. Аркас Н.А. Из воспоминаний генерал-адъютанта... / Н.А. Аркас // Исторический вестник. – 1901. – № 4. – С. 107–131
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 607 с.
8. Бабенчиков П. Атака Севастополя англо-французскимъ флотомъ въ 1854 г. и ея соотношеніе къ сосредоточенію орудій съ береговыхъ батарей / П. Бабенчиков // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 312-425
9. Бакунина Е. Воспоминания сестры милосердія Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860 гг.) / Е. Бакунина // Вестник Европы. – 1898. – № 3. – С. 132-176

10. Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854-1860 гг.) [Электронный ресурс] / Е.М. Бакунина. – Режим доступа: <http://usefulnurse.narod.ru/biblioteka/Bakunina.html>
11. Басаргин Н.В. Воспоминания / Н.В. Басаргин. – Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – 542 с.
12. Баумгартен А.К. Дневник 1854 и 1855 гг. / А.К. Баумгартен // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. – 1911. – Кн. 1. – С 123–158
13. Боборыкин П.Д. Воспоминания / П.Д.Боборыкин.– М.: Художественная литература, 1965.– в 2 тт.
14. Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания / П.Д. Боборыкин. – М.: Захаров, 2003. – 688 с.
15. Бороздин К. Омер-Паша в Мингрелии: Из воспоминаний о Восточной войне 1853-56 годов / К. Бороздин. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. – 58 с.
16. Ветеран 1812 года. Письмо ветерана 1812 года о дѣйствіяхъ союзниковъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 200-203
17. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая Второго / С.Ю. Витте.– Берлин: Слово, 1922. – с 2 тт.
18. Воронов И. Занятие Керчи неприятелем в Крымскую кампанию / И. Воронов // Русская старина. – 1908. – Т. 34. – № 5. – С. 415-421
19. Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ синопскимъ сраженіемъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 180-203
20. Вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. –

- Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 239-243
21. Газетныя свѣдѣнія о конвенціи Турціи съ Франціею и Англіею // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 309-313
22. Генрици А.А. Воспоминания о Восточной войне 1854-1856 / А.А. Генрици // Русская старина. – 1878. – № 6. – С. 217-248
23. Генрици А.А. Воспоминания о Восточной войне 1854-1856 / А.А. Генрици // Русская старина. – 1878. – № 6. – С. 217-248
24. Гюббенет Х.Я. Профессор хирургии Х.Я. Гюббенет и его воспоминания об обороне Севастополя 1854 – 1855 гг. / Х.Я. Гюббенет // Русская старина. – 1889. – № 1. – С. 53–99
25. Данилевский Н.Я. Россия и Европа [Электронный ресурс] / Н.Я. Данилевский. – Режим доступа: <http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm>
26. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854-1855) / Ред. и прим. князя Н.В. Голицина и П.В. Щеголева. – СПб.: Огни, 1913. – VIII, 174 с.
27. Долгорукий Г.А. Крымская война: Из дневника князя... Сообщ. дочерью князя Надеждой Григорьевной Малиновской / Г.А. Долгорукий // Русский архив. – 1900. – № 3. – С. 451–460
28. Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции / А.М. Дондуков-Корсаков // Кавказский сборник. – Тифлис, 1876. – Т. 1. – С. 289–368
29. Донесенія о ходѣ осады и обороны // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 83-84
30. Дѣло при Исакчи // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 131-134

31. Ершов А.И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера / А.И. Ершов. – СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1891. – 253 с.
32. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 / А.М. Зайончковский. – Т. 2. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 720 с.
33. Залесов Н.Г. Записки адъютанта / Н.Г. Залесов // Русская старина. – 1903. – № 12. – С. 523-542
34. Замятки о крымской войнѣ, составленныи по воспоминаніямъ, тамошнимъ жителемъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 135-150
35. Зеленкевич В. Нападеніе на Балаклаву / В. Зеленкевич // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.III. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 128-136
36. Извѣстіе изъ Очакова // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.III. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 213-214
37. К.Л.Н. Воспоминания о Дунайской кампании 1853-1854 годов / К.Л.Н. // Военный сборник. – 1873. № 1. – С. 169–191
38. Корсаков А.С. Воспоминания о Карсе / А.С. Корсако. – С. 337-423
39. Красовский И.И. Из воспоминаний о войне 1853-1856 годов: Дело на Черной речке 4 августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков / И.И. Красовский. – М. : Тип. И.И. Родзевича, 1874. – 16 с.
40. Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины / А. Крупская. – СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1861. – 62 с.
41. Лебединцев А.Г. Из дневника священника в осажденном Севастополе / А.Г. Лебединцев. – М.: Синод. Тип., 1908. – 33 с.

42. Леонтьев К.Н. Письма к матери из Крыма (1854 - 1857 гг.) [Электронный ресурс] / К.Н. Леонтьев. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/leontjev/leontjev_pisma_k_materi.html
43. Леонтьев К.Н. Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача) [Электронный ресурс] / К.Н. Леонтьев. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/leontjev/leontyev_sdacha_kerchi.html
44. Ложное извѣстіе о взятіи союзниками Севастополя // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 204-210
45. Михно Н. Изъ записокъ чиновника / Н. Михно // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 1-37
46. Никифоров Д.И. Кавказ и Севастополь: Воспоминания / Д.И. Никифоров. – М. : Унив. тип., 1901. – 80 с.
47. Нордман Ф. Воспоминания о сооружении и военных действиях Сандхамнских батарей, в 1854 и 1855 годах / Ф. Нордман // Морской сборник. – 1876. – Т. 154. – № 6. – С. 1–30
48. Обзор военныхъ дѣйствій въ Крыму въ теченіе сентября 1854 г. // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 217-222
49. Одоевский В.Ф. Из личных воспоминаний о Крымской войне. – РА, 1874, кн. 1, № 6, стб. 1358-1368. [Электронный ресурс] / В.Ф. Одоевский В.Ф.. – Режим доступа: http://mikv1.narod.ru/text/ILV_RA74K1V6.htm
50. Отрывки изъ воспоминаній: Крымская война 1853 и 1854 г. // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 138-161

51. Отрывки изъ писемъ доктора // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 437-441
52. Отрывок изъ Симферополя, отъ24 декабря 1853г. // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 203-205
53. Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 года / Г. Пестов // Военный сборник. – 1873. – № 9. – С. 25-29
54. Пирогов Н.И. Севастопольские письма, 1854-1855 / Н.И. Пирогов. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. – 230 с.
55. Пирогов Н.И. Севастопольские письма, 1854–1855 / Н.И. Пирогов. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. – 230 с.
56. Положеніе Франціи относительно своихъ единовѣрцевъ, находящихся въ Турціи // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 24-26
57. Попко И.Д. К истории войны 1855 года в Закавказье: Дневник генерал-лейтенанта И.Д. Попко / И.Д. Попко // Русский архив. – 1910. – № 1. – С. 78-95
58. Приближение союзных эскадр къ Дарданелламъ и состав ихъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 28-29
59. Рачинский А.В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 г. / А.В. Рачинский. – М.: Тип. Александра Семена, 1858. – 76 с.
60. Ростислава. Первый отъѣздъ изъ Петербурга въ Крымъ сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. –

Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 66-71

61. Свѣденія о побѣдѣ одержанной при Синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 176-180

62. Севастополь въ 1854 году до высадки англо-французовъ въ Крымъ // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 112-118

63. Сенюткин М. Случай изъ Крымской кампании // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 71-75

64. Синопъ и его историческое прошлое // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 163-164

65. Скалькоской А. Союзные витязи при осадѣ Севастополя // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 248-259

66. Славони Г. Артиллерійская прислуга на 4-мъ бастіонѣ севастопольскихъ укреплений / Г. Славони // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 441-443

67. Славони Г. Письмо изъ Севастополя отъ 21-го декабря 1854 года / Г. Славони // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.V. – Санктпетербургъ: типография департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1874. – С. 179-187

68. Соловецкий монастырь и описание бомбардирования его англичанами 7-го июля 1854 года. – М. : Тип. М. Смирновой, 1855. – 46 с.
69. Театр нынѣшней войны // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 76-106
70. Театр нынѣшней войны: Черное море и его берега // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.ІІІ. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 76-106
71. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера / Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XX, 2002 г. – 368 с.
72. Ушаков Н.И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав (1853-1855) / Н.И. Ушаков // XIX век. – СПб., б. г. – Кн. 2. – 242 с.
73. Ушинский К.Д. Письма о воспитании наследника русского престола / К.Д.Ушинский// ПЕДАГОГИКА. – 1999. – №5. – С.82-88
74. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров. – Верный, 1913. – с. 579
75. Цебрикова М.К. Пятидесятые годы: Из воспоминаний о войне 1853-55 г. / М.К. Цебрикова // Вестник всемирной истории. – 1901. – № 10. – С. 1–32
76. Циркуляр российского правительства 30 мая 1853 года о восточном вопросе // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып.І. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1871. – С. 5-15
77. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. - М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. – 486 с.
78. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – Тома І-ІІІ. – Москва, типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894 г. [Электронный ресурс] / Б.Н. Чичерин. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/chapter /81/>

79. Щербачев Г.Д. Воспоминания о начале Крымской кампании в 1854-м году / Г.Д. Щербачев // Артиллерийский журнал. – 1858. – № 1. – С. 17-30
80. N.N. Десятое сентября 1854 года въ Севастополѣ (Письмо въ «Сѣверную Пчелу») / NN // Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. – Вып. III. – Санктпетербургъ: типографія департамента удѣловъ, литейный просп., №39., 1872. – С. 37-41

Список использованных словарей

1. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 512 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. – 732 с.
3. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Ведениной Л.Г. – М.: Интердиалект: АМТ, 1997. – 1037 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996 – 928 с.
6. Политологический словарь-справочник / Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: ООО «Наука-Спектр», 2008. – 320 с.
7. Русский семантический словарь / Под ред. акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 802с.
8. Славянская мифология. Словарь-справочник / Сост. Л. Вагурина. – М.: Линор и Совершенство, 1998. – 318с.
9. Словарь историческій и соціально-политическій / Под ред. В.В. Битнэра. – СПб., 1906. – 1248 с.

10. Словарь лингвистических терминов / Под ред А.А. Ахмановой. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
11. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1885–1988
12. Современный энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 5110 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры (Опыт исследования) / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Толковый словарь русских глаголов / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст–Пресс, 1999. – 704 с.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т.1–4
17. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989. – 512с.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2. – 624 с.
19. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542с.
20. Этимологический словарь русского языка / Крылов Г.А. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.